

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

7-й год издания

№ 6 июнь 1957 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ

Письмо товарища Сталина составителям учебника истории ВКП(б) имеет исключительно важное значение не только для историков партии, но и для всех историков, для всего исторического фронта в целом.

Это письмо товарища Сталина является важнейшим документом марксистско-ленинской исторической науки и ценнейшим вкладом в ее развитие. Вместе с предшествовавшими указаниями товарища Сталина, постановлениями партии и правительства, относящимися к вопросам постановки исторического образования и изучения гражданской истории, это письмо указывает пути, развиваясь по которым наша историческая наука станет достойной социалистического общества, построенного в СССР, победы которого записаны в новой Конституции Союза ССР 1936 года.

В своем письме товарищ Сталин указывает, как надо строить историческое исследование, и отмечает три главных причины неудовлетворительности существующих учебников по истории ВКП(б). Они «неудовлетворительны либо потому, что они излагают историю ВКП(б) вне связи с историей страны; либо потому, что ограничиваются рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы течений, не давая необходимого марксистского объяснения; либо же потому, что страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий».

«Нужно предпослать, — говорит товарищ Сталин, — каждой главе (или разделу) учебника краткую историческую справку об экономическом и политическом положении страны. Без этого история ВКП(б) будет выглядеть не как история, а как легкий и непонятный рассказ о делах минувших».

Это указание товарища Сталина чрезвычайно важно. Нужно констатировать, что немарксистская критика так называемого экономического материализма приводила многих историков к тому, что развитие экономики вовсе выпадало из сферы их исторического исследования и они, по сути дела, скатывались на позиции идеализма. В преподавании истории это сказалось в том, что преимущественное внимание было уделено только сообщению голых событий. Указания товарища Сталина поэтому имеют важнейшее значение для историков, направляя их по верному пути при анализе исторических событий.

Тактика нашей партии на каждом конкретном этапе, как известно, основывалась и основывается всегда на учете экономического положения в стране и на расстановке классовых сил в ней. В своем докладе «О проек-

те Конституции Союза ССР», во II разделе, товарищ Сталин дает классический образец постановки экономических вопросов в историческом исследовании. Исследуя изменения в жизни СССР за период от 1924 до 1936 года, товарищ Сталин сначала останавливается на изменениях в области экономики. Затем он указывает: «Сообразно с этими изменениями в области экономики СССР изменилась и классовая структура нашего общества». Далее, товарищ Сталин дает детальное исследование нового рабочего класса, нового крестьянства, новой, советской интеллигенции, возникших в результате победы социализма в СССР, и взаимоотношений между ними. После этого он останавливается на области национальных взаимоотношений в СССР. Разобрав эти моменты, товарищ Сталин заключает: «Таков общий итог изменений в области хозяйственной и общественно-политической жизни в СССР, происшедших в период от 1924 года до 1936 года».

Все отчетные доклады товарища Сталина на партийных съездах, конференциях и пленумах ЦК строятся таким же образом: вначале товарищ Сталин дает анализ экономических изменений, происшедших за время после предшествовавшего партийного съезда, подводит итоги этих изменений, обобщает их и намечает очередные задачи в области экономики; затем, основываясь на анализе экономики, товарищ Сталин дает характеристику классовых сдвигов и изменений форм классовой борьбы; далее, он указывает на основные задачи, стоящие перед СССР в области внутренней политики, и вслед за тем, исходя из этих изменений экономики и политики дает анализ внутривнутрипартийного положения и намечает очередные партийные задачи.

Первые разделы докладов товарища Сталина отведены международному положению и нашей внешней политике, т. е. связи истории СССР с мировой историей. Эта конструкция докладов товарища Сталина имеет громадное, принципиальное значение. Фашистско-троцкистско-зиновьевско-бухаринские агенты, орудовавшие на историческом фронте, сознательно вредительски ограничивались в изложении истории скольжением по поверхности событий и в особенности старательно замалчивали связь гражданской истории СССР с мировой историей.

Поверхностное освещение важнейших событий мировой истории мы видим в учебниках Гуковского — Трахтенберга и других пособиях (в том числе и по истории крестьянских войн в СССР), в которых крестьянские войны во Франции и в Англии в XIV столетии, в Чехии в XV столетии, в Германии в XVI столетии, в России в XVII—XVIII столетиях объясняются общей фразой об усилении эксплуатации крепостных крестьян вследствие усиления эксплуатации со стороны крепостников. Никакие конкретные факты ухудшения положения крестьян не приводились. А ведь без знания конкретных фактов экономического положения Франции XIV столетия нельзя понять, например, почему «жакерия» была именно в XIV столетии, а не в XIII или же в XV столетиях.

Вследствие такого отношения к вопросам экономической истории не только ученики средней школы, но и студенты и даже многие аспиранты не знают конкретно-экономического положения СССР накануне резких, переломных моментов истории: перед 19 февраля 1861 года или накануне революции 1905 года. А между тем мы имеем такую классическую работу об этом, как «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина. Владимир Ильич в предисловии ко второму изданию этого своего труда прямо указывает, что в книге дано обоснование стратегии и тактики большевиков в революции 1905 года.

Первый вывод, который мы должны сделать, — это покончить с пренебрежением к экономической истории. Вредители: троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы — пренебрегали изучением истории экономических отношений, сознательно искажая действительный ход истории в своих гнусных, вредительских целях.

«Нужно — во-вторых, — пишет товарищ Сталин, — не только излагать факты, демонстрирующие обилие течений и фракций в партии и в рабочем классе в период капитализма в СССР, но и давать марксистское объяснение этим фактам, указав а) на наличие в дореволюционной России как новых, современных с точки зрения капитализма, классов, так и старых, докапиталистических классов, б) на мелкобуржуазный характер страны, в) на разнородный состав рабочего класса — как на условия, благоприятствовавшие существованию множества течений и фракций в партии и в рабочем классе. Без этого обилие фракций и течений остается непонятным».

Излагая борьбу различных фракций и течений внутри рабочего движения разных стран, историк обязан дать марксистское объяснение причин этой борьбы. В этом отношении нашими историками сделано еще очень мало.

У классиков марксизма, у Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, мы должны учиться анализу различных течений в рабочем классе. Так, Маркс и Энгельс проследили в рабочем движении образование и развитие революционного и оппортунистического крыла. Они вскрыли причины оппортунизма в рабочем движении Англии с 1848—1868 года, указав на особенности развития Англии того времени. Энгельс писал Марксу 7 октября 1858 года: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что это самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно»¹.

Итак, в монопольном положении Англии, в экономическом подкупе верхних прослоек рабочих Маркс и Энгельс видели причины оппортунизма в рабочем движении.

Ленин в своей статье «Империализм и раскол социализма», опираясь на указания Маркса и Энгельса, раскрывает причины борьбы революционного и оппортунистического крыла в международном рабочем движении периода империализма. Рост оппортунизма в рабочем движении он выводит из особенностей самой империалистической стадии развития капитализма. Ленин подчеркивает, что борьба революционной и оппортунистической тенденций в рабочем движении не случайна, что возникновение и укрепление оппортунизма в международном рабочем движении конца XIX и начала XX века имеют свои экономические корни.

В статье «Разногласия в европейском рабочем движении», написанной еще в декабре 1910 года, Ленин указывал на то, что разногласия в рабочем движении капиталистических стран неизбежны, и приводил главные причины этого: «Одной из наиболее глубоких причин, порождающих периодически разногласия насчет тактики, является самый факт роста рабочего движения», ибо «втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д.».

«Далее. Быстрота развития капитализма не одинакова в разных странах и в разных областях народного хозяйства, — писал Владимир Ильич. — Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового миросозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания вообще и буржуазно-демократического миросозерцания в частности.

¹ Маркс — Энгельс. «Письма», стр. 107. 1931 г.

Затем постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий... Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития... чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в особенности»¹. Наконец, Ленин указывает на то, что «переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут не породить, со своей стороны, колебаний и в тактике этого последнего»², ибо китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями буржуазии, в том числе и крестьянством, нет и быть не может.

Эта статья Ленина имеет особо важное значение для правильного понимания истории рабочего движения предвоенного империализма. Не случайно поэтому во всех троцкистских, зиновьевских и бухаринских вредительских писаниях по истории западноевропейского рабочего движения мы ни разу не найдем ссылки на эту классическую работу Ленина.

В связи с указаниями товарища Сталина составителям учебника по истории ВКП(б) перед историками настоятельно выдвигается необходимость марксистской разработки ряда конкретных проблем, до сих пор еще не подвергнутых детальному марксистскому исследованию. Так например причины борьбы эйзенахцев и лассальянцев в германском рабочем движении до сих пор не вскрыты в развернутой марксистской работе. Борьба Маркса против прудонизма и бакунизма в I интернационале, конкретные классовые корни, которые питали прудонизм и бакунизм, также не вскрыты еще в глубоких марксистских исследованиях. Нет еще развернутого марксистского анализа разногласий в среде мелкобуржуазной демократии во время французской буржуазной революции 1789 года, в частности и в особенности среди якобинцев. В этой области террористы Фридлянд и его подручные сознательно извратили подлинную историю в угоду своим вредительским установкам. Поэтому задача наших большевистских историков — разоблачить вредительские писания врагов народа по всем этим вопросам.

Надо дать марксистское объяснение разногласий в среде декабристов — в этом вопросе немало напутал Покровский и навредили его ученики. Необходимо также дать развернутый марксистско-ленинский анализ анархо-синдикализма, исходя из высказываний Ленина и Сталина, разоблачив вредительские писания о французском анархо-синдикализме врага народа Далина. Этот вопрос теперь, в связи с героической борьбой испанского народа против фашизма, приобретает актуальное значение. Чрезвычайно важно дать историю испанского восстания 1873 года, о котором писал Энгельс в своей книге «Бакунисты за работой». Надо дать историю испанского анархизма и анархо-синдикализма вплоть до наших дней. В этой области имеются классические высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, на основе которых наши историки должны дать развернутые конкретные исторические исследования.

В. И. Ленин в «Первоначальном проекте резолюции X с'езда РКП(б) о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» указывает, что главной причиной появления этого уклона в большевистской партии является «воздействие на пролетариат и РКП(б) мелкобуржуазной стихии»³. Этот пункт вошел и в резолюцию с'езда. Указания В. И. Ленина являются

¹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 5, 6, 7.

² Там же, стр. 8—9.

³ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 263.

основными и при детальном марксистском изучении причин появления различных антипартийных группировок внутри нашей партии.

Товарищ Сталин в декабре 1927 года в политотчете ЦК XIV съезду ВКП(б) вскрывает социальные корни троцкизма того периода. «Я думаю,— говорит он,— что социальные корни оппозиции таятся в факте разорения мелкобуржуазных слоев города, в обстановке нашего развития, в факте недовольства этих слоев режимом диктатуры пролетариата, в стремлении этих слоев изменить этот режим, «улучшить» его в духе установления буржуазной демократии. Я уже говорил выше, что в результате нашего продвижения вперед, в результате роста нашей промышленности, в результате роста удельного веса социалистических форм хозяйства одна часть мелкой буржуазии, особенно городской буржуазии, разоряется и идет ко дну. Оппозиция отражает ропот и недовольство этих слоев режимом пролетарской революции. Вот где социальные корни оппозиции»¹.

Необходимо, исходя из этих указаний товарища Сталина, а также из его доклада на XIII партийной конференции в январе 1924 года, письма в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 году и из его доклада на Пленуме ЦК ВКП(б) в марте 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», дать развернутое историческое исследование, показывающее, что современный троцкизм — не политическое течение в рабочем классе (мелкобуржуазный уклон, социал-демократический уклон), а авангард контрреволюционной буржуазии, откровенная фашистская агентура финансового капитала, беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств. Программа троцкизма, вскрытая на процессе троцкистского антисоветского центра, — это программа восстановления господства капиталистов и помещиков в СССР.

Необходимо также, основываясь на этих указаниях товарища Сталина, дать развернутое историческое исследование о превращении правого уклона (бухаринцев) в такой же передовой отряд международной контрреволюционной фашистской буржуазии, как и троцкизм. В таком исследовании надо вскрыть моменты постоянной совместной подрывной деятельности правых и троцкистов, начиная с блока Бухарина и Пятакова во время империалистической войны, совместной борьбы бухаринцев и троцкистов против брест-литовского мира, совместной борьбы против линии партии перед X съездом (профсоюзная дискуссия), право-левацкого блока Сырцова—Ломинадзе, право-левацкой контрреволюционной террористической организации Рютин—Слепкова — Стэна и современного полного слияния их в лагере фашизма.

Для правильного освещения борьбы партии и правительства с троцкистско-зиновьевцами, с одной стороны, и бухаринцами — с другой, надо руководствоваться указаниями товарища Сталина на XVI съезде ВКП(б), который говорил, что, победят ли «левые» оппортунисты, победят ли правые «мы сидели бы у разбитого корыта. Результаты — те же самые.

Недаром говорят у нас рабочие: «пойдешь «налево» — придешь направо»².

«Нужно, в-третьих, — пишет товарищ Сталин в своем письме к составителям учебника по истории ВКП(б), — не только излагать в тоне простого рассказа факты ожесточенной борьбы течений и фракций, но и дать марксистское объяснение этим фактам, указав, что борьба большевиков с антибольшевистскими течениями и фракциями была принципиальной борьбой за ленинизм, что в условиях капитализма и вообще в условиях наличия антагонистических классов внутрипартийные противоречия и разногласия являются неизбежностью, что развитие и укрепление пролетарских партий при указанных условиях может происходить лишь в поряд-

¹ Ленин—Сталин. Т. III, стр. 255.

² Сталин. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма», стр. 390.

ке преодоления этих противоречий, что без принципиальной борьбы с антиленинскими течениями и группами, без их преодоления, наша партия неминуемо переродилась бы, как переродились соц.-дем. партии II Интернационала, не приемлющие такой борьбы».

Товарищ Сталин здесь ссылается на письмо Энгельса Бернштейну в 1882 году, в котором Энгельс пишет, что «в с я к а я рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития»¹.

На большое значение этого письма товарищ Сталин указывал еще в своем докладе VII расширенному Пленуму ИККИ «Еще раз о с.-д. уклоне в нашей партии», в котором раскрывал принципиальный характер борьбы большевиков с антибольшевистскими течениями и фракциями. Товарищ Сталин постоянно отмечал принципиальный характер борьбы большевиков против оппортунизма, против всяких враждебных рабочему классу течений.

В письме «О некоторых вопросах истории большевизма» товарищ Сталин еще и еще раз писал о тех принципиальных вопросах русской и вместе с тем мировой революции, по которым боролись большевики с оппортунистами всех родов. Но до сих пор наши историки не дали отдельных исследовательских работ, показывающих принципиальную борьбу большевиков за марксизм-ленинизм в этих вопросах.

До сих пор нет также систематической работы об истории принципиальной борьбы Маркса и Энгельса против Лассаля, их борьбы за марксистскую тактику в рядах германской социал-демократии и т. д.

Указание товарища Сталина имеет общее принципиальное значение, показывая, что и в истории борьбы фракций внутри революционных партий даже отдаленного прошлого надо показать ту фракцию и то течение, которые наиболее верно, наиболее правильно выражали интересы революционного класса данного времени и защищали эти интересы. С этой точки зрения, следуя указаниям Энгельса, надо дать детальное историческое исследование борьбы сторонников «физической силы» против сторонников «моральной силы» в чартизме, показав первых как представителей наиболее правильной тактики, отстаивавших правильные позиции в борьбе против мелкой буржуазии. Точно так же надо, исходя из положений Энгельса, детально изучить деятелей великой крестьянской войны в Германии и показать, что наиболее правильную принципиальную позицию для своего времени занимал Томас Мюнцер. Следуя этим указаниям товарища Сталина, мы сможем разоблачить вредительство троцкистов в изложении истории французской буржуазной революции 1789 года, стремившихся изобразить политику эбертистов и «бешеных» как подлинно правильную линию в революции.

Товарищ Сталин дает периодизацию истории ВКП(б), связывая ее с коренными моментами истории СССР. Поэтому эти указания товарища Сталина должны лечь в основу периодизации и соответствующего отрезка истории СССР. Особенно важна периодизация Великой пролетарской революции, увязывающая историю нашей партии с коренными вопросами строительства социализма в нашей стране: 1) период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925), 2) борьба за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929), 3) борьба за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934), 4) борьба за завершение строительства социалистического общества и проведение новой Конституции (1935—1937).

Уже в замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова была дана периодизация новой истории. Теперь благодаря схеме товарища Сталина мы имеем основные принципы для создания периодизации истории СССР и других разделов мировой истории.

При создании такой периодизации нашим большевистским историкам необходимо также руководствоваться опубликованной в XXIX Ленинском сборнике работой Ленина «Опыт сводки главных данных всемирной истории

¹ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Кн. 1-я, стр. 324—325.

после 1870 года» (стр. 288 и след.), в частности следующими указаниями: «Простая сводка дает картину империализма и демократических движений, как главных черт эпохи... К понятию «эпохи» «архиважно!!»¹. Все материалы тетради под названием «Эгельгаф», напечатанные в XXIX Ленинском сборнике, имеют громаднейшее методологическое значение для исторического исследования. И отнюдь не случайно, что опубликованная впервые в «Большевике» еще в 1934 году эта работа Ленина до сих пор усиленно замалчивалась вредителями на историческом фронте, так как замалчивание важнейших работ наших учителей — один из методов вредительства на участке истории.

* * *

В свете указаний, данных товарищем Сталиным в письме к составителям учебника по истории ВКП(б), с еще большей остротой выступают недочеты в работе наших исторических учреждений, в том числе и «Исторического журнала». Серьезная перестройка работы журнала как в отношении тематики, так и в отношении идейно-политического уровня даваемых в нем статей будет безотлагательно проводиться редакцией журнала. Критическая статья об «Историческом журнале» в «Правде», созванный редакцией в мае текущего года актив журнала и обсуждение работы журнала на общем партийном собрании в ИКП истории дали редакции ряд конкретных указаний относительно этой перестройки. Критикой работы журнала и рядом ценных конкретных предложений по поводу плана журнала на дальнейшие номера редакции оказана огромная помощь.

Совершенно правильно подчеркивалось, что журнал не выполнил одной из важнейших задач, поставленных перед историками, — задачи разоблачения вредителей на фронте истории; журнал не вскрыл и не разоблачил всевозможные методы, которыми пользовались вредители в своей подрывной работе на историческом фронте.

Вредительство на историческом фронте выражалось не только в прямом извращении троцкистско-зиновьевско-бухаринскими агентами истинной, правдивой истории, но и в занижении темпов научно-исследовательских работ и их публикаций, в затирании актуальнейших проблем и выдвигании на первый план второстепенных, совсем незначительных вопросов, в замалчивании, как уже указывалось выше, важнейших работ классиков марксизма.

В связи с этим одной из задач журнала является постановка систематического изучения исторических работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

В «Историческом журнале» № 1 за 1937 год перепечатаны «Хронологические выписки» К. Маркса, но к ним нет сопроводительной статьи, без чего для массового читателя, не имеющего специального исторического образования, эти выписки Маркса могут оказаться мало понятными. Вообще в журнале необходим (и авторы-историки это должны иметь в виду) ряд статей, освещающих точку зрения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина по основным моментам исторического развития. Например в связи с 20-летием Великой пролетарской революции нужны статьи на тему «Ленин о Великой пролетарской революции в СССР», «Сталин о Великой пролетарской революции в СССР». Подобные статьи будут иметь громадное воспитательное значение, так как покажут методы работы Ленина и Сталина над историей Октябрьской социалистической революции. Такого рода статьи следует дать и по другим разделам истории. В частности, надо дать изложение взглядов Маркса на историю России на основании его статей «Revelation of the diplomatic history of the XVIII Century» («Разоблачение дипломатической истории XVIII столетия»). Эта работа Маркса чрезвычайно важна. На нее часто ссылаются, но на русском языке она до

¹ Ленинский сборник XXIX, стр. 273.

сих пор еще не издана. Следует напечатать ряд статей, которые будут знакомить читателей нашего журнала со стилем научной работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Без этого не может быть осуществлен лозунг, выдвинутый товарищем Сталиным на последнем Пленуме ЦК ВКП(б), о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости.

Еще в 1890 году в журнале группы «Освобождение труда» «Социал-демократ», в книге 1-й (февраль) и в книге 2-й (август), была напечатана одновременно с немецкой публикацией замечательная статья Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Ни разу ни в одной работе по истории России, даже советского времени, нельзя было встретить ссылку на эту работу. Теперь она опубликована в томе XVI сочинений Маркса и Энгельса и явилась для многих читателей совершенным открытием. В многочисленных писаниях М. Н. Покровского по истории внешней политики царизма также нет ссылок на эту замечательную статью Энгельса, совершенно по-новому ставящую вопросы внешней политики царизма.

История внешней политики — вообще один из наиболее слабо разработанных отделов истории. Товарищ Сталин в своем докладе на последнем Пленуме ЦК ВКП(б) заострил внимание партии и всех трудящихся на капиталистическом окружении СССР. Поэтому особенно необходим целый ряд работ, исследующих проблемы внешней политики. Здесь открывается широкое поле деятельности для историков. Например до сих пор нет марксистских работ об истории интервенции в Китай в 1900—1901 годах для подавления движения боксеров, о царской интервенции в Персию в 1908 и следующих годах, об интервенции Николая I в Турцию для защиты султана от Магомета-Али в 1833 году (Ункиар-Скелесский договор). Следует изучить деятельность тайных французских агентов во время английской революции XVII века, подрывную подпольную работу английских агентов во Франции во время революции 1789 года, во времена Наполеона и т. д. Необходимо более детально изучить методы подготовки капиталистических стран к войне, в частности их методы шпионажа и диверсий. В особенности следует изучить деятельность японских шпионов в период русско-японской войны, немецких шпионов и диверсантов — во время русско-германской войны 1914—1918 годов и позже. До сих пор нет ни одной работы о процессе жандармского полковника Мясоедова, царского военного министра Сухомлинова и других немецких шпионов во время империалистской войны. Надо осветить деятельность «знаменитых» шпионов, вроде полковника Лауренса (английского шпиона в странах Азии) и тому подобных типов. Следует раскрыть подрывную деятельность Локарта в Советской России в 1918 году. Особенно много материала о подрывной работе интервентов можно извлечь из истории гражданской войны в СССР.

На все это указывалось на активе журнала так же, как и на необходимость давать периодически на страницах журнала статьи и документы по истории внешней политики царизма.

В своих замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР товарищи Сталин, Жданов и Киров писали о необходимости построения истории СССР так, чтобы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР. Но до сих пор еще нет марксистских работ по этим вопросам. А между тем на этом участке истории подвизались всевозможные буржуазные националисты: Игнатовские (Белоруссия), Грушевские (Украина) и прочие. Журналу надо разоблачить националистические и троцкистско-зиновьевско-бухаринские, фашистские извращения истории этих народов.

Крупным недочетом работы нашего журнала в этом отношении было и то, что статьи по истории народов СССР давались лишь в разрезе истории завоевания этих народов царизмом или истории определенных восстаний против царизма. Такие статьи, конечно, нужны, но к ним ни в коем случае не может и не должна быть сведена история народов, входящих

в состав СССР. Необходимо дать историю этих народов и до завоевания их царизмом.

Правильно, по-марксистски освещая ряд тем по истории СССР, наш журнал будет разоблачать на конкретном материале фашистские, троцкистско-зиновьевско-бухаринские извращения в вопросах истории СССР. Марксистские работы о возникновении Киевского государства, например, явятся лучшим ответом на фашистскую клевету, будто немцы несли славянам культуру. Надо показать на примере бироновщины, что давало народам СССР господство немецких баронов. Надо заострить внимание исследователей на истории борьбы славянских народов против немецкой помещичьей колонизации и т. д. и т. д.

Необходимо дать систематическое разоблачение контрреволюционных установок и на участке истории пролетариата СССР, где орудовал вредитель Невский. Надо дать детальное разоблачение двухтомника по истории революции 1917 года, выпущенного в 1927 году под редакцией М. Н. Покровского, а также выпущенного под его же редакцией в 1925 году двухтомника по истории революции 1905 года.

Необходимо восстановить подлинное, марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, разоблачив те искажения, которым оно подвергалось начиная с вредительской книги контрреволюционера Дубровского и кончая писаниями врагов народа под руководством террориста Пригожина (ряд изданий Академии истории материальной культуры).

Надо также вскрыть вредительство на фронте истории бухаринцев, таких же презренных платных агентов фашизма, — всех этих Слепковых, Астровых и прочих бандитов, одно время пытавшихся играть руководящую роль на историческом фронте, а также и самого матерого двурушника Бухарина, который еще в 1917—1918 годах в своей псевдоисторической книжке «Классовая борьба в России» (вып. 1—2-й за 1917—1918 годы) развивал идею о невозможности победы социализма в нашей стране.

Перед нашим журналом, как и перед всеми историками-большевиками, стоит серьезная политическая задача, поставленная тов. Димитровым на VII конгрессе Коминтерна, — систематически разоблачать фашизм и его фальсификацию в исторической науке. В этом отношении настоятельно нужна разработка ряда тем по древней истории и по истории средневековья: рабовладельческий характер афинской демократии, так называемый «Золотой век» Перикла, рабовладельческий характер движения Гракхов в древнем Риме, древние германцы (показ того, что в действительности представляли собой древние германцы, и разоблачение фашистских фальсификаций в этом вопросе), арабы в VI—IX веках и их роль в развитии европейской культуры. Эта тема особенно важна для разоблачения фашистской расовой теории о мнимом культурном превосходстве северной арийской расы над всеми другими.

На активе нашего журнала было отмечено, что многие преподаватели истории вынуждены пользоваться целым рядом книг далеко не марксистских авторов. Поэтому на страницах журнала необходимы статьи, дающие марксистский разбор тех работ буржуазных историков, к которым наиболее часто приходится прибегать учителям.

Основной задачей «Исторического журнала» является пропаганда исторических знаний среди партийного и беспартийного актива. Преподаватель гражданской истории — массовый пропагандист гражданской истории. Журнал поэтому должен ему всячески помогать.

Неудовлетворительность состояния школьного преподавания истории видна из следующего факта.

«Вплоть до осени 1936 года рекомендовались для использования в школе «труды» врагов народа — Фридлянда, Пионтковского и пр. В целом ряде школ еще до недавнего времени имели и даже сейчас имеют хождение учебники Покровского. Дело исторического образования, дело подготовки кадров в значительной части находилось в руках троцкистов вплоть до осени

1936 года. Они заполнили с помощью террористов Фридлянда и Зейделя исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов. Они подвизались на исторических кафедрах в педвузах и вели свою подрывную, вредительскую работу среди будущих преподавателей истории. Тов. Зеймаль правильно пишет в «Правде», в статье «Об историческом образовании в СССР»: «Троцкисты оказались на историческом фронте «прямой находкой» для фашизма. Работники исторического фронта не проявили надлежащего понимания эволюции троцкизма, превратившегося в банду презренных агентов фашизма».

Работа по разоблачению вредительства на историческом фронте именно потому необходима, что большинство школьных преподавателей гражданской истории в бытность свою студентами вузов «обрабатывалось» различными представителями этих антимарксистских, антиленинских, контрреволюционных воззрений. Учителям надо помочь очистить свои исторические знания от этого контрреволюционного мусора. Такая расчистка исторического фронта от накопившегося мусора крайне необходима для того, чтобы по-настоящему выполнить задачи, которые стоят перед историческим фронтом.

Доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде советов СССР, его доклад на последнем Пленуме ЦК ВКП(б) и письмо составителям учебника истории ВКП(б) — все эти документы требуют поднятия преподавания гражданской истории в школах на еще более высокий уровень. Основной задачей должна быть конкретизация воспитательных задач, о которых писала «Правда» в передовой от 10 мая 1937 года: «Разве не является неисчерпаемым источником политического воспитания преподавание истории? Любовь к своей родине, страстная ненависть к эксплуататорам, горячая любовь к героям, выдвинутым борьбой угнетенных классов за свое освобождение, идея интернационализма — все эти качества должны прививаться учащимся на уроках истории».

Необходимо дать целый ряд статей, конкретизирующих эти задачи, а главное, необходимо помочь учащимся овладеть большевизмом путем правильного разбора исторических событий и правильного их обобщения. Надо помнить, что сказал товарищ Сталин о недостатках учебников по истории партии: они «ограничиваются рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы, течений, не давая необходимого марксистского объяснения». Задача изучения гражданской истории в школах СССР и заключается именно в том, чтобы при описании событий давать в историко-хронологической последовательности марксистское объяснение этих событий и фактов. Вот основная задача в преподавании истории. И в этом отношении журнал должен помочь преподавателям.

М. Л. Лурье

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БОЛЬШЕВИКОВ В 1917 ГОДУ

Революционной работе в старой армии, борьбе за завоевание солдатских масс на сторону революции большевистская партия всегда придавала громадное значение. Владимир Ильич неоднократно указывал на необходимость активной борьбы за переход части армии на сторону восстания; еще в революцию 1905—1907 годов он призывал к созданию из близких пролетариату элементов революционного ядра в армии.

Опираясь на указания Маркса, Владимир Ильич подчеркивал, что армия, представляющая собой важнейшую часть старого государственного аппарата, «самый закостенелый инструмент поддержки старого строя», не может быть как целое использована пролетариатом в социалистической революции. Как и весь остальной старый государственный аппарат, армия должна быть распущена и заменена новой.

В своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин писал:

«Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию («дезорганизация», — вопят по этому поводу реакционные или просто трусливые мещане); иначе, как пройдя

через труднейший, мучительнейший период без всякой армии (через этот мучительный период прошла и великая французская революция); иначе, как постепенно выработывая, в тяжелой гражданской войне, новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса...»¹.

Говоря о «дезорганизации», Владимир Ильич, разумеется, имел в виду старую армию, представляющую собой орган насилия, оплот господствующего эксплуататорского класса, боевую силу, направленную против пролетариата.

Но, уничтожая эту армию, надо было в то же время завоевать на сторону революции социально близкие пролетариату элементы армии, создать из них вооруженную революционную силу, которая под гегемонией пролетариата и руководством его партии будет бороться за Великую социалистическую революцию.

Таким образом, подготовка вооруженных сил пролетарской революции должна была проходить по двум направлениям: первое и главное — вооружить пролетариат, создать специальные отряды вооруженных рабочих, костяк вооруженных сил пролетарской революции — Красную рабочую гвардию; второе — помочь быстрой классовой и политической дифференциации внутри старой армии, внутри каждой воинской части, быстрее выделить, организовать и объединить близкие пролетариату революционные элементы армии. В этой связи большое значение имеют работа и решения Всероссийской конференции военных организаций большевиков, созванной в июне 1917 года и значительно укрепившей влияние нашей партии на солдатские массы старой армии.

1

В февральские дни 1917 года переход военных частей на сторону пролетариата решил, как известно, исход борьбы за свержение самодержавия. Став у власти, Временное прави-

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 379.

тельство прилагало все силы к тому, чтобы посеять рознь и недоверие между рабочими и солдатами, чтобы натравить их друг на друга и ни в коем случае не допустить их совместных выступлений против новой власти. Одной из основных задач большевистской партии в процессе подготовки второго, социалистического этапа революции была поэтому борьба за армию, борьба против влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий на солдат, за использование части армии в интересах пролетарской революции. Для этой цели были созданы военные организации большевиков при Петербургском и Московском комитетах РСДРП(б).

10 марта 1917 года¹ Петербургским комитетом большевиков была образована военно-милиционная комиссия. Ей было поручено немедленно разработать организационные формы военной организации большевиков.

22 марта военно-организационная комиссия рассмотрела на своем заседании проект организационной структуры «военки». Было принято следующее решение:

«1) Военная комиссия при Петербургском комитете РСДРП(б) составляется из представителей от отдельных частей войск, выбираемых по одному от всех социал-демократов каждой части; кроме того, в комиссию входят три представителя от Петербургского комитета партии.

2) Для связи с общепролетарскими партийными районными комитетами каждая часть избирает туда особого представителя.

3) Внутренняя организация коллективов (ячеек) в каждой части такова:

а) вначале организуется общая ячейка для всей части, избирающая из своей среды комитет;

б) впоследствии организуются более мелкие ячейки: ротные и т. д., выделяющие представителей в комитет всей части.

Постановлено немедленно приступить к организации коллективов во всех частях Петроградского округа»².

На этом же заседании было решено

¹ Даты в статье даются по старому стилю.

² «Солдатская правда» № 37 за 1917 год.

назначить на 31 марта учредительное собрание военной организации при Петербургском комитете большевиков.

На собрании 31 марта присутствовало 97 делегатов от 48 воинских частей Петроградского гарнизона. Из них 13 делегатов представляли вновь организованные большевистские коллективы.

Это собрание сыграло исключительную роль в дальнейшем расширении и укреплении большевистской военной организации. После оживленного обмена мнениями собрание пришло к следующему выводу о целях и задачах военной организации: «Цель организации — объединение всех товарищей солдат и офицеров социал-демократов для организованной борьбы под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии большевиков»³.

Ближайшие и главные задачи большевистских ячеек в воинских частях были определены следующим образом:

«1) Поддерживать самую близкую связь с военной организацией.

2) На собраниях коллектива обсуждать все текущие вопросы.

3) Привлекать новых членов в свою среду.

4) Читать и распространять наши газеты и книги.

5) Выступать на всех батальонных и ротных собраниях, проводя в них наши резолюции, разоблачать все противоревolutionные попытки.

6) При выборах в ротные и батальонные комитеты, в суды и другие общественные организации проводить наших единомышленников.

7) Внимательно следить за деятельностью комитетов и отдельных выборных, критикуя их на собраниях.

8) Особенное внимание обратить на контроль за делегатами в Советах рабочих и солдатских депутатов, организуя, в случае надобности, перевыборы их.

9) Призывать товарищей к крайней осторожности при всяких выборах, предлагая в важных случаях тайное голосование.

10) Давать наказы всем выборным, с требованием неуклонного выполнения наказа.

³ «Солдатская правда» № 39 за 1917 год.

ПОВЕЩЕНИЕ СОЛДАТОВ

«Ты же видишь, как мы в ЦК РСДРП(б) работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

«Вот видишь, как мы работаем, как мы боремся за окончание войны и за переход власти в руки рабочих и крестьян?»

Извещение военной организации при ЦК РСДРП(б) о созыве Всероссийской конференции военных организаций 1917 г.

ской газете, о крестьянской газете, о «том, как добиться окончания войны, как добиться перехода всей власти в руки рабочих и крестьян, о необходимости обдумать общий план борьбы, связаться друг с другом, выбрать центральный (главный) комитет всех наших солдатских организаций», — писалось в извещении.

Созыв конференции сыграл крупнейшую роль в организационном оформлении военных организаций большевиков на местах. Одновременно с выборами делегатов на конференцию оформлялись одна за другой большевистские военные организации. Так например 11 мая была создана военная организация в Харькове,

20 мая состоялось учредительное собрание Киевской военной организации, 28 мая оформилась военная организация большевиков в Уфе, и т. д. Созыв конференции, таким образом, подтолкнул места к более быстрому оформлению местных военных организаций большевиков.

2

Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) открылась 16 июня 1917 года. На повестке дня конференции значился ряд важнейших вопросов: «Текущий момент, организация власти и советы рабочих и солдатских депутатов» (докладчик Ленин), «Аграрный

вопрос» (докладчик Ленин), «Национальное движение и национальные полки» (докладчик Сталин), «Война, мир, наступление» (докладчики Крыленко и Розмирович), «Демократизация армии» (докладчик Крыленко), «Цели, задачи и форма военной организации» (докладчик Подвойский) и др.

На конференции присутствовали до 160 делегатов от 43 фронтовых и 17 тыловых военных организаций, представлявших около 30 тысяч членов партии. Северный, западный и юго-западный фронты прислали значительные делегации. Из прифронтовых городов были представлены Рига, Ревель, Двинск, Псков, Минск и др. Кроме того присутствовали делегаты от военных организаций частей гарнизонов: Киева, Москвы, Твери, Саратова, Харькова, Екатеринослава, Смоленска, Тулы, Костромы, Ростова на Дону, Томска, Орла и др.

Большое внимание уделяли работе конференции Центральный комитет и вожди нашей партии Ленин и Сталин. Доклады Ленина и Сталина являлись основными на конференции. 17 июня от имени Центрального комитета большевистской партии приветствовал конференцию товарищ Сталин.

Дни, когда заседала Всероссийская конференция военных организаций большевиков, были особенно бурными. И делегаты конференции были захвачены общим революционным подъемом, царившим в эти дни в крупнейшем пролетарском центре страны.

18 июня конференция прервала свою работу, для того чтобы в полном составе принять участие в грандиозной демонстрации рабочих и солдат Петрограда, полностью прошедшей, как известно, под лозунгами большевиков. Накануне демонстрации десятки делегатов конференции были посланы на фабрики и заводы, в солдатские казармы и бараки. Они рассказывали рабочим и солдатам об ужасах войны, голоде и страданиях, о том, как жаждут фронтовики мира, хлеба и земли. Они призывали рабочих и солдат к борьбе под большевистскими знаменами.

Заседание 19 июня все время прерывалось внеочередными заявлениями в связи с осадой войсками Керенско-

го дачи Дурново, занятой анархистами и несколькими профсоюзными объединениями.

20 июня с докладом «о текущем моменте» на конференции выступил Владимир Ильич Ленин.

Ленин подводил итог истекшему периоду революции. Он указывал на контрреволюционный характер коалиционного правительства и предательство меньшевиков и эсеров.

Министры-социалисты, говорил он, точно следуют указаниям буржуазии как в области внешней, так и внутренней политики. Во внутренней политике это проявилось в стремлении продолжать старую линию национального угнетения, в обострении конфликта с Финляндией и фактическом отказе Украине в немедленном осуществлении права на самоопределение, в борьбе против революционных выступлений рабочего класса и крестьянства, в издании каторжных законов против солдат.

Во внешней политике это выразилось в помощи и поддержке англо-французского империализма, в отказе правительства от опубликования тайных договоров, в организации наступления революционной армии по требованию «союзников».

Задача революционной социал-демократии заключается в том, чтобы направить всю свою деятельность на прояснение классового сознания трудящихся масс. Надо беспощадно разоблачать политику соглашательских партий и предательство их вождей. Надо расширять и укреплять свои связи с широкими массами трудящихся.

Поскольку часть делегатов конференции высказывалась за немедленное выступление с целью свержения Временного правительства, Ленин в своем докладе большое внимание уделил вопросу о преждевременности такого выступления, указывая, что соотношение сил сейчас еще не в нашу пользу.

Тов. Кедров в своих воспоминаниях так передает речь Владимира Ильича:

«Какое соотношение сил имеем мы в настоящий момент по сравнению с апрелем? Массы уже разуверились в буржуазном кадетском правительстве... Но они идут еще за соглашате-

лями, эсерами и меньшевиками. Результаты только что закончившихся выборов в районные думы наглядный тому пример.

Что мы имеем даже в самом центре революции? За наш список подано всего 150 тысяч голосов, и лишь одна районная дума (из 12) нами завоевана.

Если и удалось бы сейчас власть взять, то наивно думать, что, взявши ее, мы сможем удержать.

Мы не раз говорили, что единственно возможной формой революционного правительства являются Советы рабочих, солдатских и крестьянских и т. д. депутатов.

Каков же удельный вес нашей фракции в Советах? Даже в Советах обеих столиц, не говоря уже о других, мы в ничтожном меньшинстве. А что показывает этот факт? Нельзя от него отмахнуться. Он показывает, что массы в большинстве колеблются и еще верят эсерам и меньшевикам.

Это — основной факт, и он определяет поведение нашей партии.

Как можно толкнуть мелкую буржуазию к власти, если эта мелкая буржуазия теперь уже может, но не хочет взять ее.

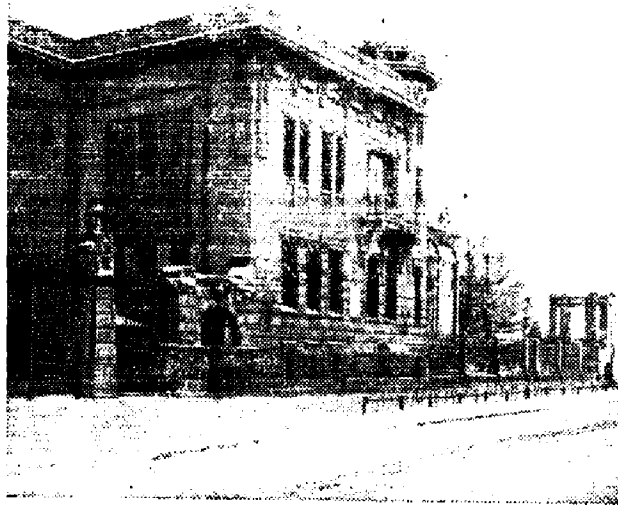
Нет, чтобы серьезно, не по-бланкистски итти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов терпеливо, неуклонно, изо дня в день раз'яснять ошибки масс, их мелкобуржуазные иллюзии.

Сорвать эту нашу линию хотят контрреволюционеры, они всяческими средствами пытаются спровоцировать нас на преждевременное, сепаратное выступление, но мы на эту удочку не пойдем, нет, мы не доставим им этого удовольствия.

А когда массы увидят, что соглашательское правительство их обманывает, так как находится всецело в руках российской и союзнической буржуазии и пляшет под ее дудку, а события последних дней (наступление) как нельзя лучше разоблачают этот обман, то массы придут к единственно оставшейся еще не скомпрометированной партии, к большевикам»¹.

Доклад Владимира Ильича, выслушанный с огромным вниманием, вызвал

¹ «Пролетарская революция» № 6 (65) за 1927 год, стр. 226—227.

Дворец Кхесинской. Петроград. 1917 г.

горячий обмен мнениями. Предложенная по докладу Ленина резолюция была принята единогласно.

Резолюция давала четкую характеристику коалиционного правительства и подвергала анализу внешнюю и внутреннюю политику российской буржуазии и ее лакеев — меньшевиков и эсеров.

В качестве практических задач конференция намечала:

«1) продолжая всю свою агитацию против империалистической войны, с величайшей бдительностью следить за возможными и неизбежными попытками контрреволюции осуществить в удобный момент и под удобным предлогом разоружение революционных рабочих и раскассирование революционных полков, особенно в столице;

2) решительно бороться против анархических настроений и попыток частичных дезорганизующих выступлений, которые, если они преждевременны, могут сыграть лишь на руку буржуазии, сознающей неизбежность нового революционного этапа и поэтому неистовствующей и желающей сорвать назревание этого этапа в сознании большинства народа;

3) самым энергичным образом всесторонне готовить силы пролетариата и революционной армии к новому этапу революции и возможно более наглядно раз'яснять, что только доверие большинства народа, беднейшего крестьянства больше всего, организованному пролетариату и переход власти в руки последнего способен действительно вывести страну из тупика, создаваемого затягиванием войны,

В. И. Ленин. 1917 г.

приближающейся экономической катастрофой и соглашательской политикой социалистов-революционеров и меньшевиков»¹.

По докладу Ленина «по аграрному вопросу» конференция военных организаций приняла резолюцию апрельской конференции РСДРП(б).

Доклады Ленина имели крупнейшее значение в работе конференции. Ленинские указания и вытекающая из них тактика большевистской партии были усвоены всеми делегатами конференции как руководство в их дальнейшей работе.

3

Через день с большим докладом о «Национальном движении и национальных полках» выступил на конференции товарищ Сталин. С особой резкостью и остротой товарищ Сталин показал, что Временное правительство российской буржуазии при помощи и поддержке меньшевиков и эсеров продолжает в национальном вопросе прежнюю политику царизма, политику угнетения и порабощения малых народов и национальностей. Например когда финны захотели оформить свою автономию, уже де-

¹ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 247. Партиздат. 1936.

сятки лет существовавшую, Временное правительство яростно воспротивилось этому, так же как и желанию украинцев реализовать свое право на самоопределение и провозгласить еще не существующую национальную автономию. Решение национального вопроса Временное правительство откладывало до Учредительного собрания.

Этой политике грабежа и насилий буржуазии над угнетенными национальностями товарищ Сталин противопоставил ленинскую, большевистскую национальную политику. Со всей четкостью основы ленинской национальной политики были сформулированы товарищем Сталиным в резолюции, принятой конференцией по его докладу:

«Конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП утверждает, что теперь, когда контрреволюция мобилизует свои силы и натравливает народы друг на друга, подбивая правительство на репрессии, например против Украины, — такая политика Временного правительства по отношению к народам России является особенно вредной и выгодной лишь врагам революции.

Конференция заявляет, что народы России имеют полное право на самоопределение и самостоятельное решение своей судьбы вплоть до отделения, что в частности Украина имеет полное право осуществить свою автономию, не дожидаясь Учредительного собрания»².

Но право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения еще не означает обязательное отделение. Народ имеет право отделиться, но он, в зависимости от условий, может и не воспользоваться этим правом.

«Конференция твердо убеждена, что только решительное и бесповоротное признание права наций на самоопределение, признание на деле, а не на словах только, могло бы укрепить братское доверие между народами России и тем проложить дорогу действительному их объединению, объединению добровольному, а не насильственному, в одно государственное целое»³.

² «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 251. Партиздат. 1936.

³ Там же.

Острые сталинского доклада было направлено против изменнической пятаковско-бухаринской группы, которая, отрицая за национальностями право на самоопределение вплоть до отделения, навязывала партии сохранение царской и буржуазной политики национального гнета и порабощения. Осуществление антимарксистской, по существу контрреволюционной платформы изменника Пятакова привело бы к тому, что угнетенные народы и национальности не выступили бы на стороне пролетариата и революция неизбежно потерпела бы поражение.

Последняя часть доклада товарища Сталина была посвящена одному из злободневных для военных работников вопросов — о национальных частях. В армии в это время началось усиленное движение за создание национальных полков: польских, украинских и др. Производилась переброска солдат одной национальности с фронта на фронт, в районы формирования национальных частей. В то время как национальная буржуазия отстаивала необходимость формирования национальных частей, имея в виду этим путем создать свою вооруженную силу для борьбы с революцией, наиболее реакционная верхушка командного состава старой армии всячески сопротивлялась этому. Великодержавные угнетатели, подъявляясь шовинистическими предрассудками, воспитанными царизмом, натравливали солдатскую массу против идеи образования национальных полков.

И на самой конференции отдельные делегаты выступали против национальных формирований, мотивируя это тем, что требование образования национальных частей исходит только от капиталистов и помещиков, а не от всего народа.

Как отнестись к вопросу о национальных формированиях, какова должна быть тактика большевиков в этом вопросе, дает четкий и ясный ответ сталинская резолюция, принятая конференцией.

«Вместе с тем, конференция, будучи убеждена в том, что образование национальных полков вообще не в интересах трудящихся масс, — хотя, конечно, право на образование таких полков за каждой национальностью

И. В. Сталин. 1917 г.

конференция не отрицает, — конференция выражает твердую уверенность, что пролетариат Украины вместе с пролетариатом всей России, заинтересованный в замене постоянной армии всенародной милицией, будет бороться против превращения национальных полков Украины в постоянную отдельную от народа армию»¹.

4

Кроме общеполитических докладов конференция заслушала и обсудила ряд вопросов, прямо касавшихся военной работы: «о войне, мире и наступлении», «о всеобщем вооружении народа», «о демократизации армии», «о целях и задачах военной организации» — и приняла проект устава военной организации. Доклады о войне, мире и наступлении сделали тт. Крыленко и Розмирович.

По их докладам была принята резолюция, в которой наряду с большевистской оценкой войны, отношением большевистской партии к вопросам мира и наступления на фронте давалась конкретная программа вытекающих отсюда ближайших задач. Конференция заявила, что «на очередь дня

¹ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 251. Партиздат. 1936.

перед военными организациями ставится возможно более организованная подготовка сил к массовому выражению недоверия к буржуазному правительству и правящим партиям меньшевиков и эсеров и столь же массовому требованию удаления этого правительства и коренной перемены внутренней и внешней политики»¹.

Докладчиком по вопросу «о демократизации армии» выступил Н. Крыленко. Этот вопрос имел большое значение для правильного понимания отношения большевистской партии к старой армии.

Армия является частью государственного аппарата, она является слепком с того общества, чьи интересы она защищает. Демократизация армии поэтому невозможна при сохранении тех принципов, которые лежат в основе созданных капиталистическими государствами армий.

Задача большевистских военных организаций заключается в том, чтобы постоянной, систематической работой в армии завоевать широкие солдатские массы на сторону социалистической революции.

В принятой по докладу тов. Крыленко резолюции уделяется специальное внимание «декларации прав солдата и гражданина», провозглашенной Керенским в приказе по армии 11 мая 1917 года.

«Декларация прав солдата» являлась по существу декларацией бесправия. Она уничтожала выборность командного состава, вводила опять институт денщиков, предоставляла военачальникам право применять оружие против солдат, уничтожала значение в армии солдатских комитетов и т. д. Поэтому конференция в своей резолюции записала:

«...принимая во внимание, что главные пункты декларации не соответствуют интересам солдат и противоречат основным принципам демократизации армии, конференция признает, что таковая декларация должна быть отменена и заменена другой декларацией широких прав солдата соответственно принципам демократии»².

¹ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 248. Партиздат. 1936.

² Там же, стр. 251.

В резолюции по докладу «о всеобщем вооружении народа» конференция выдвинула следующие требования:

1) «вооружения и образования рабочих батальонов красной гвардии из рабочих обоого пола, самоуправляющихся и находящихся в распоряжении выборных рабочих организаций районов крупных пролетарских центров, районов и областей»;

2) «таких же отрядов народной армии в сельских областях»;

3) «уничтожения всех родов прежней полиции и замены ее контролируемой народом милицией»;

4) «замены всех назначенных военных чиновников выборными представителями народа»;

5) «демократизации всех решительно учреждений военного характера, сохранение которых пока что связано с ведением продолжающейся войны»³.

По организационным вопросам была принята специальная резолюция, четко и ясно излагавшая цели и задачи военной организации. В основном она сводилась к следующему:

1) Военная организация как часть РСДРП(б) ставит перед собой те же задачи, что и вся партия в целом, а именно: «пропаганду и распространение в солдатской среде, состоящей в массе из крестьянской бедноты и рабочих, тех же принципов и идей революционного социализма, разъяснение тактических лозунгов, программных требований революционной социал-демократии»⁴.

2) Работая среди солдат, военная организация должна стать объединяющим центром агитационной и пропагандистской работы среди широких масс крестьянской бедноты и полупролетарских элементов деревни.

3) Военная организация обязана закрепить в солдатских массах идеи интернационального социализма «для подготовки необходимых условий успешной борьбы за торжество мировой революции против мирового капитала и ликвидации мировой бойни революционным путем»⁵.

4) Грандиозный размах российской

³ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 249. Партиздат. 1936.

⁴ Там же, стр. 254.

⁵ Там же.

революции и особая ее роль в развитии мировой пролетарской революции возлагают на военную организацию задачу — «стремиться создать из примыкающих и идущих за социал-демократией революционно-демократических элементов армии — материальный вооруженный оплот для революции и поставленных ею в порядок дня требований»¹.

Принятый проект устава военной организации определял условия вступления в организацию, организационную структуру и ряд других вопросов.

Членом военной организации, гласил § 1 устава, считается всякий товарищ, удовлетворяющий пункту 1-му устава партии.

В каждой войсковой части: роте, эскадроне, сотне и т. д. — создается партийная ячейка, объединяющая всех членов партии данной части. Низовые партийные ячейки объединяются в более крупные: полковые, батальонные, районные. Все партийные ячейки места стоянки войск образуют единую военную организацию, входящую в общепартийную организацию.

Военная организация, сохраняя полную самостоятельность в области своих чисто военных вопросов, в общей работе руководствуется указаниями общепартийной организации.

Таковы в общем основные решения Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б).

23 июня конференция закончила свою работу. Ее решения имели исключительное значение в дальнейшей борьбе большевиков за солдатские массы.

¹ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 254. Партиздат. 1936.

Конференция подытожила опыт военной работы, она выработала единую точку зрения на работу в армии не только в рядах военных работников, но и во всей большевистской партии, она оформила военную организацию большевиков в качестве всероссийского объединения.

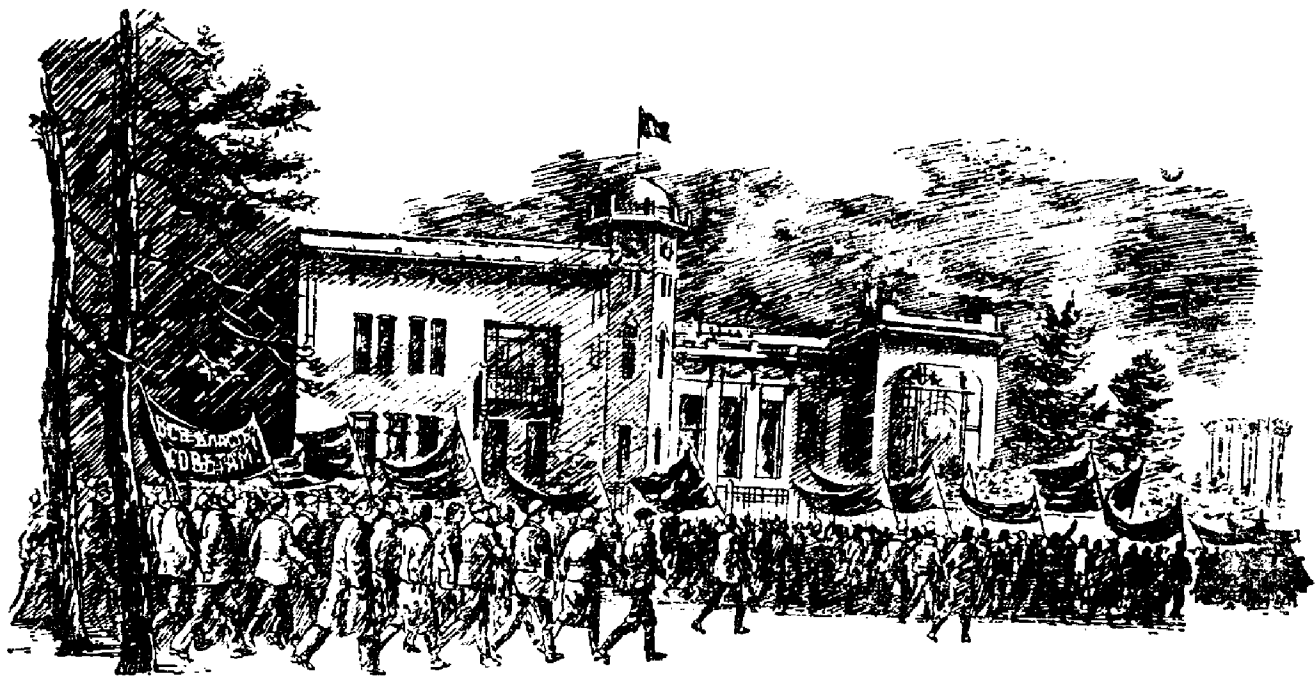
Доклады Ленина и Сталина на конференции в огромной степени помогли разбросанным по стране военным работникам со всей четкостью уяснить себе линию партии, направленную к борьбе за Великую социалистическую революцию.

Конференция избрала всероссийское бюро военных организаций большевиков при ЦК РСДРП(б) в составе: Л. М. Кагановича, Н. И. Подвойского, Н. В. Крыленко, К. А. Мехоношина, Е. Ф. Розмирович, М. С. Кедрова и др.

Всероссийская конференция военных организаций большевиков сыграла крупнейшую роль в борьбе за армию в великом 1917 году. Ее результаты сказались и в июльские дни, и в борьбе с корниловщиной, и в непосредственной подготовке вооруженного восстания в Октябре. Под непосредственным руководством ЦК большевиков и вождей партии — Ленина и Сталина — военная организация своей работой добилась того, что к Октябрю большинство солдатской массы находилось на стороне большевистской партии.

Опыт военной работы большевистской партии в России является классическим примером того, как в социалистической революции пролетариат, разбивая старую армию как часть старого государственного аппарата, вместе с тем завоевывал революционное большинство солдатской массы на сторону Великой социалистической революции.

П. Галкина

И Ю Л Ь С К И Е Д Н И

1

К июлю 1917 года буржуазное Временное правительство ни одной задачи революции не разрешило. Общехозяйственная разруха усиливалась. Транспорт замирал. Продовольственные затруднения возрастали. «Хвосты» у булочных удлинялись, зигзагообразно разворачиваясь по улицам и переулкам городов и рабочих поселков. Предприниматели все чаще и чаще прибегали к локауту. Безработицей и голодом буржуазия пыталась заставить рабочий класс сложить оружие и отказаться от борьбы за власть.

Это намерение буржуазии было прямо выражено в речи крупного промышленника Рябушинского на съезде торговцев и промышленников в июле. «Может быть для выхода из положения,—говорил он,—потребуется костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лжедрузей народа, демократические советы и комитеты»¹.

Было ясно, что буржуазия наступит. Наступление буржуазии вызвало ответную волну рабочих забастовок.

¹ Цитируется по книге Сталина «На путях к Октябрю», стр. 105.

Весь июнь непрерывно возникали забастовки с требованиями восьмичасового рабочего дня и улучшения экономического положения рабочих. Бастовали рабочие уральских заводов, Сормова, петроградских, московских, — словом, всех решающих промышленных пунктов страны. Начавшись как экономические, — забастовки неизменно принимали политический характер. В Петрограде «2 июня рабочие «Скорехода» потребовали передачи власти советам, 8-го — обуховцы приняли подобную резолюцию, 10-го — «Старый Парвизайнен» настаивал на передаче власти советам, 13 июня уже 19 заводов и 3 военных единицы в Петрограде были на стороне большевиков»².

В деревнях нарастало крестьянское движение, охватившее к июлю 43 губернии. Крестьянская масса, отказываясь ждать Учредительного собрания, через голову эсеров, выдававших себя за руководителей крестьянства, боролась за землю, против помещиков. Рост рабочего и крестьянского движений оказывал свое действие на армию. Усилившееся движение в армии разжигалось ненавистным для солдат ло-

² «ИГВ». Т. 1, стр. 160. 1-е изд.

зунгом «Война до победного конца».

Действительными результатами авантюрного наступления на фронте, принятого Временным правительством 18 июня, были: резкое озлобление солдатской массы против командного состава, падение авторитета соглашательских, эсеро-меньшевистских комитетов и стихийный рост большевистского влияния в армии. Тяга солдатской массы к миру и земле преобразовалась в сочувствие большевистской партии, которая одна лишь могла привести крестьян, одетых в солдатские шинели, к осуществлению их чаяний.

Политическая атмосфера в стране стеснилась. Движение за передачу всей власти советам нарастало с исключительной быстротой.

15 июля¹ буржуазия в лице кадетской партии отозвала из Временного правительства своих представителей, рассчитывая, что вожди меньшевиков и эсеров, возглавлявшие Советы рабочих и солдатских депутатов, в создавшейся сложной обстановке побоятся взять власть и уцепятся за буржуазных «государственных деятелей», согласившись на любые уступки. Таким путем буржуазия надеялась получить от мелкобуржуазных лидеров всю полноту власти и крепкую поддержку, а затем спровоцировать выступление пролетариата на улицы, потопить его в его собственной крови, разгромить партию большевиков и задушить таким образом революцию. Расчет буржуазии на податливость меньшевиков и эсеров был верен.

Но партия большевиков разоблачила заговор буржуазии и довела о нем до сведения пролетарских масс.

Раскрытый маневр буржуазии вызвал среди рабочих и солдат взрыв возмущения, форма проявления которого ярко описана в I томе «Истории гражданской войны». Утром 16 июля в 1-м пулеметном полку Петроградского гарнизона на объединенном собрании ротных и полковых комитетов раздались голоса, требующие обсуждения вопроса о вооруженном выступлении. Присутствующие подхватили предложение, и тут же открылся митинг. Представители солдатской массы потребовали немедленного во-

оруженного выступления с целью свержения Временного правительства. Раздались призывы: «На улицу!» Наэлектризованные пулеметчики с криками «Долой войну!», «Вся власть советам!» повалили из барака, где происходило собрание. Погрузив пулеметы на автомашины, украшенные плакатами «Да погибнет буржуазия от наших пулеметов!», «Долой десять министров-капиталистов!», полк, вопреки призыву партии большевиков не выступать, двинулся к Таврическому дворцу — зданию ВЦИК. Одновременно полк послал своих делегатов в другие полки, на крупные заводы и к кронштадтским матросам.

Делегаты пулеметчиков всюду находили массу, готовую вступить в бой с Временным правительством. Поздней ночью к Таврическому дворцу потянулось около 30 тысяч путиловцев с женами и детьми, увлекая по дороге другие заводы и полки. Рано утром 17 июля в Петроград двинулись кронштадтские матросы.

Партия большевиков, всегда тесно связанная с массами, знала настроения в войсках и на заводах, но не считала обстановку уже созревшей для взятия власти путем вооруженного восстания. Ленин предупреждал, что вооруженное выступление против Временного правительства будет преждевременным и потому невыгодным для пролетариата.

Вечером 16 июля товарищ Сталин на происходившей тогда общегородской конференции большевиков заявил от имени ЦК, что партия решила не выступать.

Делегаты конференции были немедленно направлены в районы, чтобы удержать массы от выступления.

Однако возмущение масс было столь сильно, что предотвратить их выступление оказалось невозможным.

В связи с этим ЦК вынес новое решение, призвав большевиков принять участие в демонстрации, возглавить ее и правильно ориентировать массы в создавшейся политической обстановке.

«Мы, как представители партии революционного пролетариата, — писал Владимир Ильич, — скажем, что наша партия всегда была и всегда будет вместе с угнетенными массами, когда они выражают свое тысячу раз спра-

¹ Даты даются по новому стилю.

ведливое и законное возмущение дороговизной, бездеятельностью и предательством «социалистических министров», империалистской войной и ее затягиванием. Наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе с справедливо возмущенными массами 4-го июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4 июля еще возможен был мирный переход власти к Советам, еще возможно было мирное развитие вперед русской революции»¹.

«Как партия пролетариата,—говорил товарищ Сталин после июльских событий,—мы должны были вмешаться в выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью захвата власти»².

Несмотря на революционное настроение солдат и рабочих, несмотря на глубину их движения лозунг вооруженного захвата власти был бы в июле ошибочным, ибо благоприятной для этого расстановки классовых сил в стране еще не было. Большинство в советах находилось еще в руках соглашателей.

«Мы, — писала «Правда» еще накануне июльских дней, — понимаем горечь, мы понимаем возбуждение петерских рабочих. Но мы говорим им: товарищи, выступление сейчас было бы нецелесообразно. Нам приходится теперь изжить целый новый этап в нашей революции. Ближайшее время принесет крах политике правящих партий меньшевиков и эсеров, которым верит еще большинство народа. Необходимо суметь выждать этого времени. Силы нашей партии, силы интернационализма растут»³.

17 июля развернулась новая мощная демонстрация, возглавленная большевиками под лозунгом «Вся власть советам», в которой приняло участие свыше полумиллиона рабочих и солдат.

Лозунг «Вся власть советам» означал еще возможность мирного развития революции, мирного захвата власти, ибо до июля власть фактически была в руках советов.

Если бы меньшевики и эсеры, стояв-

шие тогда во главе советов, пожелали разорвать связь с буржуазией и всю власть сосредоточить в своих руках, им не могли бы помешать в этом ни один класс, ни одна партия. Вот почему в доиюльский период большевики выступили за единство революционного фронта. «Наш лозунг «Вся власть советам», — писал товарищ Сталин, — и значит создать единый революционный фронт»⁴. В этой тактике единого фронта большевики направляли главные удары против соглашательских партий, без изоляции которых нельзя было рассчитывать на победу социалистической революции.

Лозунг «Вся власть советам» означал разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо советы были тогда эсеро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т. е. для большевиков) и свободную борьбу внутри советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции»⁵.

17 июля петроградские рабочие, солдаты и кронштадтские матросы выступили грозной силой с требованием к советскому большинству порвать связь с буржуазией и взять власть. В этом был политический смысл и значение июльской демонстрации.

Полумиллионная демонстрация направилась к дворцу Кшесинской, где помещались ЦК и Петроградский комитет партии большевиков.

В проходившие мимо дворца колонны рабочих и солдат летели зажигающие слова тов. Свердлова: «Мы идем требовать от Советов, чтобы они взяли всю власть в свои руки. Если они откажутся это сделать, положение делается ясным. Тогда ждите дальнейших лозунгов...»⁶

На балконе появился встреченный могучим «ура» Ленин, который начал свою речь словами: «Приветствую вас, краса и гордость русской революции!» Извинившись, что по случаю болезни

⁴ Сталин «На путях к Октябрю», стр. 100.

⁵ Там же, стр. XXXVI.

⁶ «Известия ВЦИК» № 157 от 16 июля 1921 года, статья Луначарского.

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 42.

² Сталин «На путях к Октябрю», стр. 55.

³ «Правда» от 21 июня 1917 года.

говорить много не может, он выразил уверенность, что лозунг «Вся власть советам» должен победить и победит несмотря на все зигзаги исторического пути.

От здания ЦК большевиков демонстрация направилась к Таврическому дворцу, где заседал ВЦИК.

У главного подъезда дворца была поставлена трибуна, на которую вошел встреченный молчанием рабочих и солдат председатель соглашательского ВЦИК Чхеидзе. Охрипшим голосом он пытался успокоить массы, обещая учесть их требования. Однако рабочие и солдаты требовали определенного ответа: возьмет ли ВЦИК в свои руки государственную власть? Чхеидзе, не ответив на прямо поставленный вопрос, посоветовал разойтись по домам и спокойно ожидать того, что сделает ВЦИК. Раздавшийся шум и протест со стороны демонстрантов заставили Чхеидзе оставить трибуну. Вслед за ним поочередно выступали представители полков и заводов, которые заявляли, что они больше не могут оставаться спокойными зрителями того, как правительство помогает буржуазии набивать карманы, как оно оптом и в розницу торгует кровью и потом трудящихся масс.

«Мы требуем, — заканчивали свои речи ораторы, — положить конец эксплуатации наших сил и беспощадной торговле нашей кровью. Для осуществления этого прежде всего государственная власть должна перейти к советам»¹.

Демонстрировавшие рабочие выделили своих представителей, которым поручили выступить с заявлением перед ВЦИК. ВЦИК сначала отказался выслушать представителей пролетариата, а затем милостиво согласился предоставить слово одному из них и то не больше чем на 5 минут.

Делегаты бурно запротестовали: «Это есть полнейшее игнорирование голоса пролетариата, — заявили они. — ВЦИК не желает выслушивать воли авангарда русской революции. Мы должны и будем требовать выслушать их, в противном случае массы заста-

¹ «Пролетарская революция» № 6 за 1922 год., стр. 163.

О демонстрации.

Товарищи! Въ понедельникъ вы вышли на улицу. Во вторникъ вы рѣшили продолжать демонстрацію. Мы звали васъ вчера на мирную демонстрацію. Мы ставили ея цѣлью показать всѣмъ массамъ трудящихся и эксплуатируемыхъ силу нашихъ лозунговъ ихъ вѣст, ихъ значеніе, ихъ необходимость для освобожденія народовъ отъ войны, отъ голода, отъ гибели.

Цѣль демонстраціи достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса и арміи показаны внушительно и достойно. Отдѣльные выстрѣлы съ демонстрантовъ со стороны контр-революціонеровъ не могли нарушить общаго характера демонстраціи.

Товарищи! Въ теченіе даннаго политическаго кризиса наша цѣль достигнута. Мы остановили поэтому закончить демонстрацію. Пусть всѣ и каждый мирно, организованно прекратятъ забастовку и демонстрацію.

Выждемъ развитіе кризиса дальше. Будемъ продолжать готовить свои силы. Жизнь за насъ, ходъ событій доказываетъ правду нашихъ лозунговъ.

Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Петерб. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Межрайонный Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Базис. Органъ при Центр. К. Р. С.-Д. Р. П.
Комиссія Рабоч. Секціи Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Большевистское воззвание о прекращении демонстрации в июльские дни. 1917 г.

вят слушать их голоса»². В конце концов делегатам демонстрантов была предоставлена трибуна.

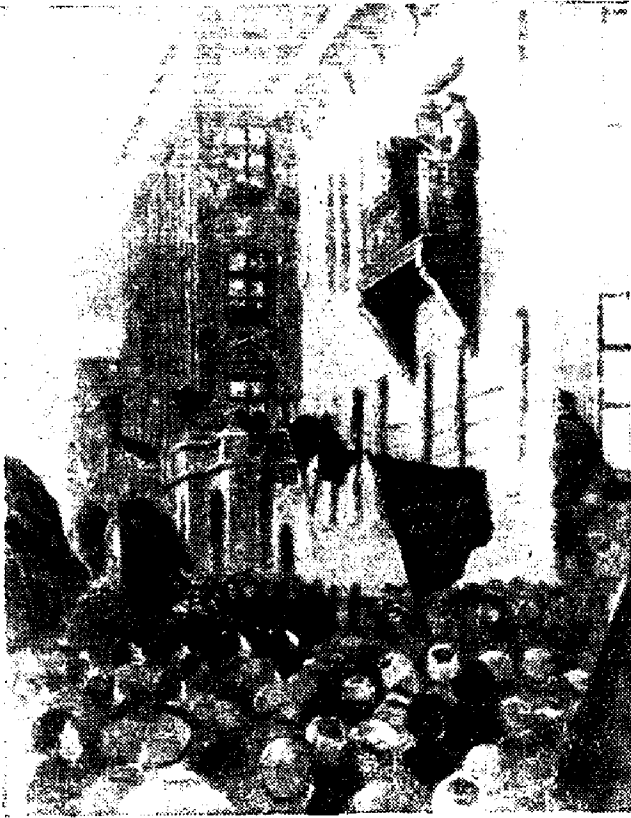
«Здесь представлено 54 завода, — заявил один из делегатов, — о том, что произошло, не следует говорить. Странно, когда приходится читать воззвание ЦИК — рабочие и солдаты называются контрреволюционерами. Наше требование — общее требование рабочих — вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов. Это требование вам и предъявлено»³.

«Перед вами не бунт, а вполне ор-

² Там же, стр. 167.

³ «Современник» № 1 за 1922 год. Статья «3 — 4 июля».

Выступление В. И. Ленина с балкона дворца Кшесинской в июльские дни. 1917 г.

С карт. Моравова

ганизованное выступление, — заявил другой рабочий. — Мы требуем, чтобы были отменены все приказы, направленные против революционной армии. Мы требуем принять все меры борьбы с саботажем и локаутами промышленников и капиталистов. Мы требуем передачи всей власти в руки народа. Пока соглашательская политика с буржуазией будет продолжаться, не может быть успокоения в стране. Довольно отогревать эту гадину за пазухой. Мы требуем, чтобы вся власть перешла в руки советов. Только в этом единственный выход»¹.

Эсеро-меньшевистские вожди, «черпающие свою силу не в революционных действиях рабочих и крестьян, а в соглашательских комбинациях с кадетской буржуазией»², взяли власть отказались.

Выполняя волю буржуазии, они вместе с Временным правительством стали на путь удушения революции. За подписью председателя ВЦИК Чхеидзе рассылались требования о присыл-

¹ «Современник» № 1 за 1922 год. Статья «3—4 июля», стр. 7.

² Сталин «На путях к Октябрю», стр. 58.

ке вооруженных воинских частей для подавления демонстрации. Эсеры Гоц и Авксентьев отправили телеграмму в Гельсингфорс, грозившую финским рабочим и солдатам немедленной расправой, если они вздумают пойти на помощь петроградскому пролетариату. Большевик Войтинский 18 июля на заседании ВЦИК сообщал, что весь день 16 июля ушел у них на то, чтобы стянуть войска и укрепить Таврический дворец, так как у них — меньшевиков и эсеров — было твердое решение «открыть огонь» по демонстрантам.

К вечеру 17 июля в различных частях города: на углу Невского и Садовой, на Литейном проспекте и в других пунктах — вызванные юнкерские и офицерские отряды приступили к разгрому демонстрации, пустив в ход винтовки и пулеметы, обильно полив улицы Петрограда кровью рабочих и солдат.

18 июля партия эсеров в своем обращении «Ко всем эсерам» призвала к поддержке всех действий соглашательского ВЦИК:

«Все члены партии должны всеми средствами оказывать поддержку мероприятиям ЦИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — говорилось в обращении. — Довольно манифестаций! Довольно дикой смуты! Довольно праздного и бессмысленного хождения по улицам!»

Не отставали в этом и меньшевики. 21 июля, также в специальном обращении, посвященном июльским дням, они со злобой констатировали, что выступление полков, руководимых агитаторами из партии большевиков, «увлекло за собой на улицу и рабочих. И самое опасное, самое странное во всем этом то, что несозначательные массы начинают к ним (большевикам. — П. Г.) прислушиваться».

Пытаясь отбить у рабочих охоту стремиться к захвату власти, меньшевики в своем обращении заявляли, что «всякие захваты не только не дадут народу хлеба, но, наоборот, лишь увеличат общий развал, вызовут панику, т. е. нелепый, бессмысленный страх, всеобщее взаимное недоверие и озлобление. И тот лозунг, за кото-

рым идут многие рабочие — «Вся власть советам», — есть опасный лозунг».

Меньшевики и эсеры в союзе с буржуазией расправились с пролетарской демонстрацией и перешли в дальнейшее наступление. 18 июля были разгромлены помещения редакции «Правды» и типографии «Труд».

«Правда», «Солдатская правда» и другие большевистские газеты были закрыты. Штаб большевиков во дворце Кшесинской был разгромлен. Революционные части войск высланы из Петрограда на фронт. Боевые дружины большевиков, по приказу Керенского, разоружены. В городе начались массовые аресты, обыски, погромы.

20 июля Временное правительство опубликовало приказ об аресте Ленина. Ленин ушел в подполье.

25 июля были введены смертная казнь на фронте и военно-полевые суды для расправы с революционными солдатами.

Предательская тактика меньшевиков и эсеров в июльские дни развязала силы контрреволюции. После 16—18 июля двоевластие при активном содействии меньшевиков и эсеров прекратилось. «То, к чему призывал нас т. Керенский, — говорил лидер

меньшевиков Ф. Дан, — нами уже исполнено. Мы не только готовы поддержать Временное правительство, мы не только делегировали ему всю полноту власти, мы требуем, чтобы этой властью правительство пользовалось»¹.

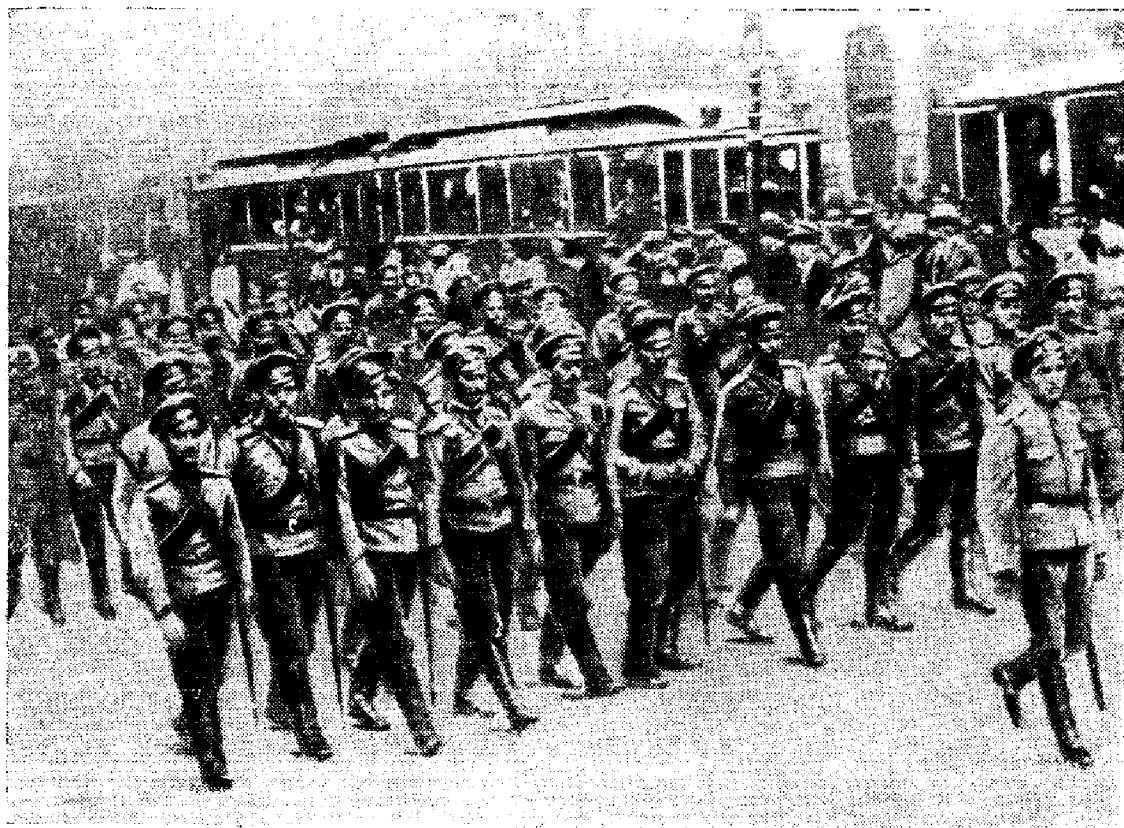
Власть сосредоточилась в руках буржуазии и ее военного штаба. Буржуазия временно торжествовала.

Но, однако, она переоценила свой успех, не заметив изменений в расстановке классовых сил.

Подавив июльскую демонстрацию рабочих и солдат, буржуазия «разбила не рабочую революцию, а доверие, даже не к себе, — оно давно было утрачено, — а к мелкобуржуазным лидерам»², которые в июльские дни окончательно и открыто оформили свой союз с контрреволюцией против рабочего класса. Рядовые члены партии меньшевиков и эсеров, убедившись в предательстве эсеро-меньшевистских вождей, круто повернули в сторону рабочего класса. Рабочая масса решительно изживала остатки навеянных

¹ Газета «Новая жизнь» № 74 от 14 (27) июля 1917 года.

² «История гражданской войны». Т. I, стр. 175.

Козаки, вызванные с фронта для подавления июльской демонстрации. 1917 г.

Расстрел июльской демонстрации в Петрограде.

1917 г.

соглашателями мелкобуржуазных иллюзий.

Именно в классовом сдвиге, происшедшем в июльские дни, кроется сущность июльских событий. По определению Ленина, в июльские дни происходила противоправительственная демонстрация, но демонстрация необычная. «Это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция. Это — взрыв революции и контр-революции в м е с т е»¹.

После июльских событий процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую пошел ускоренным темпом. Переход всей власти в руки советов без вооруженной борьбы был уже невозможен. Всякие надежды на мирное развитие революции исчезли. Следовательно, лозунг «Вся власть советам» после 16 — 18 июля был уже неверен и был поэтому большевиками временно снят.

Теперь, говорил Ленин, могут помочь делу только ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к решительной борьбе.

Ленин призывал «не поддаваться теперь провокации черных сотен и казаков, а собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к решительной борьбе, если ход кризиса позволит это в действительно массовом, общенародном размере... Цель борьбы может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы нашей партии»².

Вместо временно снятого лозунга «Вся власть советам» партией большевиков был выставлен лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, что отнюдь не означало «долой советы».

«Ленин всячески подчеркивал, что речь идет не о советах вообще, как органах революционной борьбы, а лишь о данных, соглашательских советах на данном этапе развития революции»³.

Он разъяснял, что советы могут и должны будут появиться в новой революции, но не теперешние советы — органы соглашательства с буржуазии-

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 21.

² Ленин. Т. XXI, стр. 27.

³ «ИГВ». Т. I, стр. 180 — 181.

ей, а советы — органы революционной борьбы с ней.

После июльских событий партия большевиков взяла курс на непосредственную подготовку вооруженного восстания.

2

Июльское выступление петроградских рабочих нашло немедленный отклик в рабочей массе промышленных городов провинции.

Весть о выступлении петроградских рабочих была получена в Москве 16 июля.

«События 3—5 июля застали нас врасплох, — докладывал VI съезду партии делегат Подбельский, — 4-го мы звонили в Питер за директивами, но не могли дозвониться. По доходившим сведениям мы заключили, что движение может закончиться переходом власти в руки советов»¹.

По получении сведений из Петрограда немедленно было созвано экстренное собрание Московского областного бюро большевиков, Московского комитета, военной организации большевиков и представителей от районов, где было принято решение поддержать петроградский пролетариат и предложить с этой целью всем районным организациям мобилизовать свои силы на случай возможного выступления.

17 июля Московское областное бюро и Московский комитет большевиков с активом районов собрались вторично. После всестороннего обсуждения вопроса о петроградских событиях назначена была на 8 часов вечера этого же числа вооруженная демонстрация к Московскому совету рабочих и солдатских депутатов под лозунгом «Вся власть советам!»

Решение московских большевиков о демонстрации было принято вопреки приказу, изданному в этот же день эсеро-меньшевистским Московским советом, которым воспрещались какие бы то ни было митинги и уличные шествия.

В борьбе с революцией буржуазия применила испытанное царизмом сред-

ство — организацию «летучих» черносотенных отрядов.

На площадях Москвы в течение всего дня 17 июля происходили черносотенные митинги. Большевиков, пытавшихся выступить на них, подвергали избиению.

В редакцию большевистской газеты «Социал-демократ» многократно сообщали в течение дня о намерениях черносотенной толпы разгромить редакцию. Демонстранты, направлявшиеся к Московскому совету из районов, также подверглись нападению со стороны черносотенцев и офицерства. Происходили рукопашные схватки, вследствие которых поредевшие колонны демонстрантов подошли к совету только около 10 часов вечера. Несмотря на это демонстрация была внушительна.

«В демонстрации, — сообщает один из свидетелей, — принимали участие отдельные части московского гарнизона, причем одна часть вышла в полном вооружении; в общем демонстрация была настолько значительна, что не поместилась на Скобелевской (ныне Советской) площади, а стала по Тверской улице, начиная с Охотного ряда»².

Начавшиеся после июльских дней репрессии распространились и на Москву. «Басманный и Городской районные комитеты подверглись обыску, — свидетельствует тогдашний секретарь московского военного бюро большевиков тов. Варенцова. — В последнем отобрали оружие. На улицах был арестован ряд партийных работников. Агитаторам военного бюро был закрыт доступ в казармы. Почта отказывалась отсылать наши газеты на фронт»³.

Все московские буржуазные газеты вслед за петроградскими начали против Ленина кампанию злостной клеветы, которая встретила со стороны рабочих и солдат резкий отпор.

Массы выносили гневные резолюции против травли большевистской партии и ее вождя, возмущаясь обысками, арестами и вообще ликвидацией свобод, завоеванных февральской буржуазно-демократической революцией.

² Журнал «Пролетарская революция» № 2—3 за 1929 год, стр. 128.

³ Там же, № 6 за 1937 год.

¹ Протоколы VI съезда партии.

Палачи июльской демонстрации—генерал Пोलовцев и эсеры Алексантьев и Год.

Карикатура Кукрыниксов.

Рабочие и солдаты, собравшиеся в июльские дни в Бутырском народном доме, потребовали в своей резолюции перехода всей власти в руки советов. «Мы,—заявили рабочие и солдаты,—протестуем против политики и тактики эс-р. и меньшевиков в советах, запретивших свободную агитацию, ограничивших свободу слова, собраний, демонстраций. Мы, солдаты, возмущены приказом Керенского о воспрещении солдатам читать газеты «Правда», «Солдатская правда», «Окопная правда». Относительно травли большевиков обращаемся к товарищам печатникам с просьбой не прилагать своей руки к печатанию и распространению грязной клеветы против наших товарищей»¹.

Подобные резолюции повторялись на многих собраниях, они свидетельствовали о происходившем сдвиге в рабочих и солдатских массах в сторону пролетарской революции.

Однако к июльским дням московский гарнизон далеко еще не освободился от мелкобуржуазных иллюзий, что отчетливо проявилось во время выборов в Московскую городскую ду-

му 8 июля (25 июня). Резкий отход солдатской массы от эсеров и меньшевиков начался после июльских событий. Выступление московских рабочих 17 июля показало стойкость, выдержанность и солидарность их с петроградским пролетариатом.

Горячо и живо откликнулся на события в Петрограде текстильный пролетариат Иваново-Вознесенска.

Иванововознесенский пролетариат находился к этому времени под безраздельным влиянием и непосредственным руководством местной организации большевиков и, будучи готовым к захвату всей власти в городе, ждал лишь призыва со стороны центрального руководства большевистской партии.

Власть в городе фактически осуществлялась Советом рабочих и солдатских депутатов. Еще задолго до июльских дней Совет установил 8-часовой рабочий день, фактический рабочий контроль на фабриках, организовал народную милицию и Красную гвардию и трижды практически ставил вопрос о ликвидации местного органа Временного правительства — Исполнительного комитета общественных организаций.

В июльские дни в полном распоряжении Иванововознесенского совета находились милиция, гарнизон, почта и телеграф.

17 июля Иванововознесенский комитет большевиков получил от Московского областного бюро партии большевиков телеграмму: «Петрограде решительные выступления фабрик, полков. Областное бюро призывает немедленно к демонстрациям и забастовкам. Лозунг: «Вся власть советам». Срочно телеграфируйте получение, организуйтесь вокруг Кинешмы»².

В Иваново-Вознесенске поняли телеграмму ошибочно, решив, что Временное правительство в центре свергнуто и власть перешла в руки советов.

В ночь с 17 на 18 июля большевики созвали экстренное заседание партийного комитета и Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов

¹ «Социал-демократ» № 105 за 1917 год.

² Централхив. «Рабочее движение в 1917 г.», стр. 171.

Центрального бюро фабзавкомов, на котором и решили утром 18 июля созвать общее собрание Совета рабочих и солдатских депутатов, а днем остановить фабрики и вывести на демонстрацию вооруженных рабочих и солдат в боевой готовности.

Полученная телеграмма вызвала большое беспокойство у местных эсеров. Член городской управы эсер Салов явился в Совет и спросил председателя его А. С. Киселева: «Как Совет намеревается реагировать на эту телеграмму?» Получив ответ, что изложенный в телеграмме призыв будет поддержан, Салов возмущенно заявил, что Совет не имеет основания и права устраивать демонстрации и что они, эсеры, в нужный момент не остановятся перед вооруженным отпором этим намерениям.

Угроза не подействовала. В эту же ночь, 18 июля, секретарь Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов на основании ошибочно понятой телеграммы предложил председателю полкового комитета Иванововознесенского гарнизона «созвать экстренно, ночью, полковой комитет с указанием, что в Петрограде Временное правительство свергнуто и власть переходит в руки Совета Р. и С. Д.»¹.

В ночь на 18-е же был установлен вооруженный рабочий контроль на телефонной станции, на почте и телеграфе. Выделенные Советом для контроля рабочие были введены в помещение почт и телеграфа начальником милиции Бубновым В. С. в сопровождении вооруженных милиционеров. Они потребовали для цензуры всю телеграфную корреспонденцию, которая была им предоставлена при большом сопротивлении со стороны почтовых чиновников.

Вынужденные допустить советский контроль, почтовики тут же, в 4 часа утра 18 июля, телеграфировали в Москву в Исполнительный комитет почтово-телеграфных служащих Московского округа: «Прибыли делегаты от Ивановского совета Р. и С. Д. с требованием контроля всех теле-

Разгром юнкерами особняка Кшесинской и редакции «Солдатской правды» в июльские дни. 1917 г.

грамм, на что пред'явлен мандат. Просьба срочного распоряжения. Ожидаем»².

Исполнительный комитет почтово-телеграфных служащих, возглавленный меньшевиками и эсерами, на призыв ивановских почтовиков немедленно откликнулся депешей за № 222, в которой предлагал им в случае дальнейшего контроля учреждений и захвата власти местным Советом бросить работу. Однако протесты и угрозы эти не оказывали действия на ивановских рабочих. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов послал своего представителя также в редакцию газеты «Комитета общественной безопасности» — «Иваново-Вознесенск» — со следующим мандатом: «Пред'явитель сего член Исполнительного Комитета С. Р. и С. Д. А. Ф. Федоров делегирован исполнительным комитетом в редакцию газеты «Иваново-Вознесенск» для проверки полученных (опубликованных) и имеющихся к опубликованию телеграмм, как правительственных, так и частных»³.

¹ Газета «Иваново-Вознесенск» № 92 от 10 июля 1917 года.

² Газета «Иваново-Вознесенск» № 93 от 11 июля 1917 года.

³ Там же.

Разоруженные солдаты 1-го пулеметного полка.

Петроград. 1917 г.

Таким образом, ивановские большевики сумели в короткий срок мобилизовать и расставить свои силы, обеспечивающие взятие власти.

Утром 18 июля заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, после доклада А. С. Киселева о петроградских событиях, приняло резолюцию, в которой заявляло: «Экономическая разруха хозяйства страны и усиленная кровавая бойня ставят Россию на край пропасти. Временное правительство ничего не сделало для задержки этой грядущей гибели, а, наоборот, своими распоряжениями вносит еще большую неурядицу в те начинания, которые революционная демократия, в лице советов, проводит на местах для ослабления и спасения от разрухи и безработицы, а потому, протестуя против соглашательской политики с буржуазией в министерстве, Совет Р. и С. Д., вместе с революционными войсками и рабочими Петербурга, присоединяет свой голос к лозунгу «Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депута-

тов», который и поддерживает вооруженной демонстрацией»¹.

Присутствовавшие на заседании Совета эсеры в лице председателя «Исполнительного комитета общественных организаций» Майорова и члена городской управы Салова выступили с призывом воздержаться от демонстрации, мотивируя свое требование тем, что демократия, составляющая большинство, за большевиками не идет и что у рабочих не хватит сил управлять государством в случае взятия власти советами. В то же время эсеры выставляли «заслуги» Временного правительства в разрешении (?) вопроса о промышленности и о земле. Доводы эсеров не имели успеха. В ответ на них большевики заявили: «Власть в Иваново-Вознесенске фактически находится в руках советов и сил у рабочих хватает и хватит для управления... Политика соглашения потерпела крах. Будет преступно не ока-

¹ Отчет Совета рабочих и солдатских депутатов Иваново-Вознесенска за 1917 год, стр. 6.

зять помощи петроградским товарищам»¹.

После принятия большевистской резолюции на заседании Совета, при 10 «против» и 1 воздержавшемся, эсеровская фракция, еще раз заявив, что она против вооруженной демонстрации и лозунга «Вся власть советам», покинула заседание, грозя расправой. В угрозах эсеры не были голословны. Еще в ночь с 17 на 18 июля установленный на телефонной станции рабочий контроль перехватил разговор председателя полкового комитета эсера Майорова с Шуей: «Пусть едут из Шуи Нырков и К° — большевики берут власть в свои руки. Приезжайте к 9 часам».

Опираясь на эсеров, почтово-телеграфные служащие обратились к населению с контрреволюционным воззванием, в котором, протестуя против установленного на телеграфе рабочего контроля, обливали грязью представителей Совета.

«Находя захватнические, насильственные действия недопустимыми нигде, а тем более в свободном государстве, каким является в настоящее время свободная Россия, — заканчивали воззвание почтовики, — служащие ведомства считают своим долгом обратиться ко всем сознательным гражданам, коим дорога свобода России, с призывом оградить наши учреждения от подобных насилий»².

Наряду с почтовиками против Совета рабочих и солдатских депутатов выступило частное совещание при городской управе, обратившееся с протестом в «Исполнительный комитет общественных организаций». Последний счел действия Совета «мешающими делу укрепления революции».

Весь день 18 июля большевики и большевистски настроенные члены Совета вели напряженную разъяснительную работу среди фабричных рабочих и солдат, готовя организованное выступление в Иваново-Вознесенске. Демонстрация состоялась 19 июля. В 11 часов дня стали все фабрики и заводы. В 12 часов во дворе Небурчиловских казарм собрались солдаты, вы-

разившие желание принять участие в демонстрации. Отсюда 199-й пехотный полк в полном составе и боевом снаряжении, с оркестром музыки направился в центр города, влившись там в демонстрацию рабочих. В демонстрации приняло участие более 30 тысяч человек. «Плакатов с боевыми лозунгами большевиков было более ста»³. Демонстрация была проведена исключительно организованно.

Руководитель демонстрации Жугин благодарил демонстрантов за строгий и стройный порядок, соблюдаемый ими во время шествия. «Демонстрация... протекала мирно, организованно, в полном порядке»⁴, — отмечала газета «Иваново-Вознесенск».

Июльские дни в Иваново-Вознесенске показали Временному правительству и всей буржуазии, что провинциальные пролетарские центры таят в себе силу, которая, слившись с силой столичного пролетариата, взорвет буржуазно-помещичий строй и до конца уничтожит его.

Временное правительство обратило еще более серьезное внимание на Иваново-Вознесенск — «город бунтарей», как его называли при царизме, — и назначило следствие по делу об организаторах июльской демонстрации в Иваново-Вознесенске. В акте дознания владимирского комиссара по делу об июльских днях в Иванове эта демонстрация рисуется следующим образом: «6 июля с 11 час. дня на всех фабриках и заводах прекращены были работы и с часу дня началась после митинга перед Советом демонстрация, охранявшаяся шедшей впереди вооруженной ротой солдат и сзади — конными милиционерами. Участники демонстрации, кроме охраны, были вооружены; в ней принимали участие рабочие почти всех фабрик, и, по исчислению некоторых лиц, она достигала 20 тысяч или более человек. Демонстрация прошла мирно и закончилась в 3—4 часа дня. По исчислению других членов Совета в демонстрации принимало участие до 30 — 40 тысяч человек»⁵.

¹ Цитируется по книге М. Д и а н о в о й «За власть советов», стр. 116.

² Газета «Иваново-Вознесенск» № 93 от 11 июля 1917 года.

³ Газета «Иваново-Вознесенск» № 92 от 10 июля 1917 года.

⁴ Там же № 91 от 7 июля 1917 года.

⁵ АОР, ф. VI, д. № 1/2, ч. 1-я, л. 49.

Губернская эсеро-меньшевистская власть и Московский эсеро-меньшевистский совет, узнав о столь решительных революционных действиях иванововознесенского пролетариата, выслали своих представителей «для расследования дела». Эта поддержка и сведения о «поражении» рабочих Петрограда заставили иванововознесенский «Исполнительный комитет общественных организаций» оживиться и вновь заявить о себе как о единственной власти в городе. Не довольствуясь областной комиссией, созданной для выяснения событий 17—18 июля в городе, «Исполнительный комитет общественных организаций» занялся непосредственно обвинением большевиков в «претензии» передать власть в руки советов. Обсуждение этих событий в «Исполнительном комитете общественных организаций» происходило 24—25 июля. Комитет, рассмотрев вопрос об июльской демонстрации в Иваново-Вознесенске, нашел действия исполкома Совета Р. и С. Д. мешающими делу революции и противоречащими постановлениям Центрального исполнительного комитета Советов Р. и С. Д. По предложению фракции меньшевиков, 25 июля Комитет постановил создать следственную комиссию в составе представителей от Комитета, трех от Совета Р. и С. Д. и по одному представителю от политических партий, «которая бы выяснила действия отдельных лиц в происшедших событиях 17—18 (4—5) июля»¹.

Предложение было принято 40 головами против 36 при 5 воздержавшихся.

Но Иванововознесенский совет не думал сдавать занятых позиций. Больше того, в этот же день, 25 июля, он указал на необходимость переизбрать президиум «Исполнительного комитета общественных организаций», передать его газету Совету рабочих и солдатских депутатов на том основании, что «Комитет» настроен против Совета. По поводу же создания комиссии по расследованию виновников июльских событий Совет высказался резко отрицательно, заявив, что перед «Ко-

митетом» за свои действия отвечать не будет. Однако, учитывая осложнившуюся политическую обстановку и разгул контрреволюции в стране, Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов на заседании 17 июля после многочисленных выступлений решил войти в комиссию, созданную при «Исполнительном комитете общественных организаций», со следующим обоснованием вхождения: «Исполнительный комитет Совета Р. и С. Д. действия в ночь с 4 на 5 (17—18) июля признает правильными и за свои действия отвечает только перед Всероссийским советом Р. и С. Д., но в целях раскрытия всей грязи, которой обливают отдельных лиц, как членов Совета Р. и С. Д., так и начальника милиции, дает своих представителей в организующуюся «Исполнительным комитетом общественных организаций» комиссию»². (Была ли в конце концов создана комиссия и чего она добилась, выяснить не удалось.)

Для ивановских рабочих июльские дни явились репетицией к взятию власти в Октябре.

Классовая борьба развернулась после июльских событий еще сильнее, еще решительней. Иванововознесенский совет перешел на положение революционной обороны. 11 августа были назначены ночные дежурства из членов Исполнительного комитета Совета и поручено начальнику милиции поставить при Совете конную охрану. Депутаты Совета были вооружены, вооружались и рабочие.

В то время как столичная буржуазия после июльских событий свела деятельность центральных советов к нулю, Иванововознесенский совет рабочих и солдатских депутатов продолжал осуществлять фактическое единовластие в интересах пролетариата, открыто игнорируя местный орган буржуазной власти. В то время когда столичная буржуазия расправлялась с большевистской печатью и ставила своей ближайшей задачей окончательное удушение революции, Иванововознесенский совет рабочих и солдатских депутатов вынес 25

¹ «Известия Иванововознесенского комитета общественных организаций» № 22 за 1917 год.

² Ивоблрхив. Протоколы Иванововознесенского совета рабочих и солдатских депутатов. Протокол № 32 от 17 июля.

июля решение о закрытии печатного органа «Исполнительного комитета общественных организаций» и постановил «вообще запретить продажу буржуазных газет в киосках города». Совет, подтвердив правильность своих действий 17—18 июля, постановил: «Устроить митинги для рабочих, снабдить агитаторов мандатами и обязать председателей митингов оповещать собрание о каждом выступающем, о его принадлежности к партии».

Контрреволюционные акты буржуазии вызывали ответные революционные действия рабочих центра и мест. И чем контрреволюционней были действия буржуазии, тем больше революционизировали они пролетариат, который еще тесней сплачивался под знаменем большевиков. Рабочие Товарищества Иванововознесенской ткацкой мануфактуры на митинге 27 июля заявили: «Против действий буржуазии мы представляем свою политику, а именно: требуем перехода всей власти в руки советов и немедленного осуществления контроля над производством и распределением».

Пролетариат в Иваново-Вознесенске, находившийся под безраздельным влиянием большевиков, подходил к Октябрю, овладев советским аппаратом. Однако из этого не следует, что в Иваново-Вознесенске еще до Октября было установлено полновластие Совета рабочих и солдатских депутатов или нечто подобное Советской республике в городском масштабе. Этого не могло быть до установления диктатуры пролетариата в решающих промышленных центрах страны, ибо «вся полнота власти требует власти над всей землей, над всеми банками, над всеми фабриками»¹.

Но та огромной важности политическая роль Иванововознесенского совета, которую он завоевал до Октября, вмешательство его в дела местной промышленности, установление 8-часового рабочего дня, фактического рабочего контроля на фабриках, ор-

ганизация народной милиции и Красной гвардии и тому подобные мероприятия — все это было большим вкладом в дело углубления и развертывания революции, все это было крупнейшей победой иванововознесенских большевиков и рабочих, успешно закреплявших свои пролетарские позиции.

Анализируя ход революции в провинции, Ленин призывал в предоктябрьский период использовать особенность хода революции в ряде мест, для чего указывал на неотложную задачу укрепления завоеваний, достигнутых большевиками на местах, ибо «движение вперед в этом отношении (в отношении непосредственного использования власти советами. — П. Г.) возможно, — говорил Ленин, — прежде всего, из провинции»².

«Местная муниципальная революция идет вперед. Места становятся образцом»³.

В росте роли революционных советов на местах Ленин видел залог подготовки сил для второго этапа революции, для революции пролетарской, которой предстояло установить советскую власть во всей стране. Решающая роль в революции оставалась за столицей, ибо центральный вопрос всякой революции — вопрос о власти. Органы же общегосударственной власти сконцентрированы в центре, в столице. Отсюда без революции в центре не могло быть успешной и тем более завершенной революции в стране.

Только революция в центре могла обеспечить закрепление всех революционных завоеваний, достигнутых на местах, под руководством столичного пролетариата во главе с партией Ленина—Сталина. Октябрьская социалистическая революция в центре, опираясь на такие местные революционные пункты, как Иваново-Вознесенск и ряд других пролетарских центров, свергла власть буржуазии и проложила прямой путь к свободному, бесклассовому, коммунистическому обществу.

¹ Ленин. Т. XXI, стр. 268.

² Ленин. Т. XX, стр. 257.

³ Ленин. Т. XXI, стр. 56.

А. Шестаков

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В 1906—1907 гг.

1

1906 и 1907 годы в России были годами продолжающейся буржуазно-демократической революции, правда, шедшей уже на убыль после поражения вооруженного восстания в декабре 1905 года. Однако и экономическое и политическое положение в России того времени говорило о том, что в стране имеются предпосылки для дальнейшего развития революции и большевики сделали все, чтобы реализовать эти предпосылки.

Небольшой подъем в промышленности России перед русско-японской войной (1903 год) очень скоро сменился упадком, растянувшимся на ряд лет. Русско-японская война и революционные события 1905 года углубили кризисное состояние хозяйства страны, перешедшее в 1906—1907 годах в депрессию, продолжавшуюся до конца 1909 года.

Уже в конце XIX—начале XX века в России появились такие крупные промышленные объединения, как тресты и синдикаты, находившиеся в руках банковского финансового капитала.

Годы кризиса и депрессии—1906—1907—способствовали ускорению развития России по пути империализма. Кризис не только разорвал мелкие промышленные предприятия и наносил удары средним и крупным капиталовладельцам, но и создавал предпосылки для возникновения капиталистических объединений.

В условиях гибели мелких и средних промышленных предприятий происходила под эгидой банковских воротил—финансовых олигархов—кон-

центрация наиболее мощных и жизненных отраслей производства, располагавших крупнейшими предприятиями-гигантами. Это была та фаза капиталистического развития, которую В. И. Ленин называл империализмом, последним этапом в развитии капитализма. Но русский империализм имел еще и свои, особенные, специфические черты. Его развитие происходило в условиях удержавшегося у власти царского самодержавия, т. е. в условиях господства над всей системой государственного управления крепостников-помещиков и сановной бюрократии, решительно отстаивавших свои права и привилегии.

«...Царская Россия, — писал товарищ Сталин, — была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме... Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат... Царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ иностранному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат... Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпущавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе...»¹

Особый характер российского империализма, его связь с западноевропейским финансовым капиталом и зависимость от него отнюдь не означают, что капитализм в России был явлением, не органически связанным со всем предыдущим развитием Рос-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 4—5. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 10-е изд.

сии, а привнесенным извне, как это пытались изобразить враги народа Ванаг и Томсинский, заявлявшие, что капитализм в России являлся лишь придатком к системе империализма Западной Европы и что финансовая олигархия Запада держала в своих руках якобы всю экономическую и политическую жизнь России. Это чудовищное извращение было не случайным: оно вытекало из всей системы взглядов контрреволюционного троцкизма, строившего на этой основе свои «прогнозы».

Ленинскому указанию на «среднюю» степень отсталости экономического развития России, основанному на научно разработанных данных, Троцкий противопоставил свою концепцию — об искусственном насаждении всей промышленности в России иностранным капиталом. На хлесткой фразе об азиатской отсталости России и «европейских концах» контрреволюционер Троцкий строил свою теорию о полной зависимости русской промышленности от иностранного капитала и, основываясь на этом положении, пытался доказать, что вся система хозяйственных связей России с Европой так велика, что вырваться из петли западноевропейских империалистов Россия не могла и не сможет даже после победы пролетарской революции. Это нужно было Троцкому и смыкавшемуся с ним по этому вопросу правому оппортунисту Бухарину для того, чтобы доказать «тезис» «о невозможности построения социализма в одной стране».

Меньшевистское положение о якобы крайней отсталости капиталистического развития России и о невозможности поэтому социалистической революции в ней, как известно, нашло свое отражение и в бухаринской «экономике переходного периода», где этот матерой двурушник изображал капитализм в России как исключительно отсталый и недалеко ушедший от Китая или Турции. В. И. Ленин на полях бухаринской «Экономики» сделал соответствующее замечание, указывая, что отсталость России все же является условной и отнюдь не может быть сравнена с отсталостью азиатских стран.

Троцкистский вредитель Ванаг подвел под эти тезисы Троцкого и Бухарина «научную базу», «доказывая» цифровыми выкладками из банковских отчетов, что финансовый капитализм в России был якобы исключительно иностранного происхождения и иностранные империалисты держали в своих руках всю экономику России вплоть до второстепенных отраслей промышленности.

Когда русская буржуазия до революции кричала об иностранном засилье в России, ей это нужно было для того, чтобы оградить свои предприятия от иностранной конкуренции высокими таможенными тарифами. Это давало возможность русской буржуазии получать бешеные барыши, сдирая три шкуры с потребителя, т. е. с рабочих и крестьян. Для вредителей и врагов народа — троцкистов и бухаринцев — изображение экономики России как крайне отсталой и всецело находящейся в зависимости от иностранного капитала нужно было после победы пролетарской революции для целей реставрации капитализма, т. е. для тех же целей грабежа народов СССР капиталистами. Так смыкается круг контрреволюционных «экономических» концепций буржуазии и «исторических» изысканий господ Ванагов и Томсинских.

В действительности дело обстояло совсем не так. Русская национальная буржуазия, имея крепкие корни в пореформенной экономике России, ловко пользовалась тем же иностранным капиталом, привлекая его в свои банки и предприятия. Но это отнюдь не означало, что финансовые олигархи Запада не делали попыток овладеть теми или иными отраслями промышленности, что им и удавалось, как указывает товарищ Сталин. Кроме того, субсидируя государственную казну царского правительства, империалистическая буржуазия Западной Европы отнюдь не отказывалась от известной степени контроля над вкладываемыми капиталами и стремления оказывать давление на политику того же царизма и связанных с ним кругов русской национальной буржуазии. Однако это отнюдь не делало Россию колонией или даже полуколонией западноевропейского империализма. Россия

как государственная политическая единица с ее особым характером развития «военно-феодалного империализма» была самостоятельным фактором во внешней политике мировых держав и тем более самостоятельно решала свои внутренние вопросы в зависимости от соотношения борющихся классовых сил.

2

Крепнувший и растущий в России финансовый капитал овладевал важнейшими отраслями народного хозяйства, извлекал выгоды из кризиса и депрессии.

В 1905 году выплавка чугуна дала на 14 миллионов пудов меньше чем в 1904 году, т. е. 165 миллионов пудов против 179; в следующем, 1906 году имеется новое небольшое снижение — до 164 миллионов пудов — и в 1907 году некоторое повышение — до 171 миллиона пудов; эта цифра повторяется и в 1908 году, повышаясь до 175 миллионов пудов в 1909 году, но все же оставаясь ниже уровня 1904 года. Только в 1910 году выплавка чугуна вылезает из этой «депрессивной» цифры и повышается до 185 миллионов пудов. В особо застойном состоянии находилась металлургия Урала с ее крепостническими пережитками, с остатками посессионных отношений, с отсталой техникой, плавкой на древесном угле и т. д. Тормозом развития металлургии Урала являлось также и особо привилегированное положение уральских заводчиков с именитыми фамилиями. Более передовым был Донбасс, где заводы строились вблизи угольной базы, оборудовались новейшей техникой и где владельцами были «анонимные» акционерные общества — прямая агента русско-иностранного финансового капитала. Заводы в Донбассе и на Украине были в большей степени синдицированы чем уральские.

Заводчики юга Российской империи были предприимчивее и наглее в своих притязаниях. Они добились снижения экспортного тарифа на чугун в 2 раза по сравнению с обцим. В результате они сумели вывезти за границу в 1907 году через черноморские порты 4,5 миллиона пудов чугуна и 15 миллионов пудов железа, т. е. в

2³/₄ раза больше того прироста, который имела вся металлургия за этот год: 7 миллионов пудов против вывезенных 19,5 миллиона пудов.

Этому успеху металлургических предприятий юга России содействовал промышленный подъем 1907 года в Западной Европе, которая поглощала избытки металла, не находившие себе сбыта на русском внутреннем рынке. Таким образом, финансовые воротилы Донбасса и Украины очень умело использовали благоприятную конъюнктуру на Западе. Вместе с тем, прикрываясь кризисом, они вели решительное наступление на пролетариат, снижая заработную плату, усиленно преследуя «крамолу» (читай: большевиков), усиливая штаты полиции, угрожая локаутами и т. д.

В очень тяжелом положении оказались рабочие Урала, на которых кризис и связанная с ним безработица давили чрезвычайно остро. Не лучше было положение и у рабочих металлообрабатывающей промышленности и на паровозо- и вагоностроительных заводах. В 1906 — 1907 годах многие из этих заводов приостанавливали производство, другие сокращали его. Стояли сталелитейные заводы Пастухова. В Сормове лишь с осени 1907 года появились небольшие заказы. На Тульском патронном заводе число рабочих с 7100 в 1906 году упало в начале 1907 года до 3153 и в конце этого года — до 1470 человек. На Брянском заводе сокращено было за эти же годы до 1/3 всего состава рабочих. На паровозо- и вагоностроительных заводах Луганска, Харьковском и др. рабочим давали отпуска «на неопределенное время» (конечно, без выдачи заработной платы). Заводы сокращали штаты, ссылаясь на отсутствие заказов. Плата рабочим катастрофически снижалась. Токарь на Брянском заводе, зарабатывавший до 1906 года до 40 рублей в месяц, в 1907 году получал всего 7—10 рублей.

Нефтепромышленный синдикат намеренно тормозил добычу нефти. Он добивался высоких цен. Синдикат «Продуголь», пользуясь выгодной конъюнктурой, повышал добычу угля и поднял ее с 1326 тысяч пудов в 1906 году до 1538 тысяч пудов в 1907 го-

ду. В этих отраслях промышленности финансовый капитал за время депрессии сильно укрепил свои позиции.

За годы революции переработка хлопка, где финансовый капитал еще только начал завоевывать свои позиции, монополизировав в своих руках пока только сырье-хлопок и поставку оборудования текстильных фабрик, шла хотя и медленно, но неуклонно вверх. В 1905 году было переработано 16,6 миллиона пудов хлопка, в 1906 году—18 миллионов пудов и в 1907 году—19,4 миллиона пудов. Эта последняя цифра была уже значительно выше цифры переработки хлопка в 1905 году. Однако многие фабрики уже и в эти годы работали больше на «склады», чем на рынок. Вследствие разорения деревни и обнищания народов колоний внутренний рынок не мог поглотить и этого, сравнительно небольшого количества переработанного в ткани хлопка.

Приостановившиеся в 1905 году вклады иностранных капиталов (за этот год было организовано лишь 4 иностранных компании с 2862 тысячами рублей) в 1906 году дали рекордную цифру вложений—в 22 848 тысяч рублей при 8 компаниях. В 1907 году число вновь образуемых компаний снизилось до 7, а капиталовложение—до 7521 тысячи рублей. Больше всего вкладывалось английских капиталов: в 1906 году—14,5 миллиона рублей и в 1907 году—3311 тысяч рублей.

Кредитование иностранным капиталом банков России также не падало: в 1905 году банки получили 75 миллионов рублей, а в 1906 году—84,5 миллиона рублей. В том же году царское правительство реализовало во Франции новый заем на 2,25 миллиарда франков.

Учетный процент банков также дает интересные показатели для этого периода. В 1904 году он составляет 5,38, в 1905 году—5,63, в 1906 году он поднялся до 7,27 и в 1907 году снизился до 7,12. Это также указывало на то, что 1906—1907 годы во все не были так неблагоприятны для привлечения капиталов в банки, а, наоборот, были периодом, в который учетный процент был выше чем в

предшествующие и последующие годы (в 1908 году этот процент упал до 5,99, в 1909 году—до 4,99 и в 1910—1911 годах—до 4,5).

Несколько иную картину мы видим в цифрах вывоза и ввоза в Россию товаров по их ценности. Так, в 1905 году вывоз в миллионах рублей составлял 1077, в 1906 году он повысился до 1094, но в 1907 году снизился до 998 миллионов рублей. В последующие годы идет значительное повышение вывоза: в 1908 году—до 1427 миллионов рублей с дальнейшей прогрессией до 1911 года, когда вывоз достиг цифры в 1591 миллион рублей.

В русском вывозе в то время играли ведущую роль зерновые продукты, и падение вывоза в 1907 году объясняется прежде всего сильнейшим неурожаем, постигшим Россию в 1906—1907 годах. Ценность ввоза в Россию за изучаемые годы шла вверх.

Так, в 1905 году ввоз достигал 635 миллионов рублей, в 1906 году—800 миллионов рублей и в 1907 году—847 миллионов рублей и затем неуклонно повышался в последующие годы и доходил в 1911 году до 1161 миллиона рублей.

Из этих статистических данных видно, что в 1906—1907 годах катастрофического положения в русском хозяйстве в целом не наблюдалось. Депрессивно-кризисное состояние промышленности затронуло лишь отдельные отрасли, хотя и чрезвычайно важные, такую, например, как металлургическая.

Буржуазные экономисты во главе с Туган-Барановским пугали массы кризисом и вытекающей из него безработицей, чтобы буржуазии легче было справиться с революционным пролетариатом. Система локаутирования, применявшаяся главным образом в текстильной промышленности в Польше и лишь отчасти в Петербурге и Центральном районе, не получила широкого применения в других отраслях промышленности несмотря на застойность дел. Буржуазия еще очень считалась с революционным пролетариатом.

Увеличение числа безработных в промышленных центрах находилось

в тесной связи с теми процессами, которые происходили в этот период в деревне. Аграрное движение 1905—1906 годов вызвало усиленную распродажу земли помещиками. За три года после бурного 1905 года дворяне продали Крестьянскому поземельному банку и непосредственно крестьянам при его содействии свыше 4 миллионов десятин земли на сумму около 479 миллионов рублей. Распродажа дворянских имений таким образом достигала огромных размеров, невиданных до сих пор в России. Она касалась прежде всего полукрепостнических латифундий. Распродаваемые земли переходили главным образом к кулакам, что еще больше усиливало классовую дифференциацию в деревне. Кулаки прибирали к своим рукам и те участки земель, которые деревенская беднота арендовала на кабальных условиях у помещика. Это влекло за собой полное разорение деревенской бедноты и превращало ее в резервную армию пролетариата. Отсюда-то и шло пополнение той армии безработных, которая из году в год увеличивалась в течение всего периода промышленной депрессии в царской России. Огромное значение имел также и неурожай, который, как указывал Ленин, «всегда выбрасывал массы среднего крестьянства в ряды пролетариата»¹.

Обнищание деревни влекло за собой усиление переселенческого движения. С 500 тысяч человек, перевезенных по железной дороге по тарифу переселенцев в 1903 году, эта цифра в 1906 году возросла до 1364 тысяч, а в 1907 году — до 3567 тысяч человек. Связанное с этим переселенческим движением уничтожение отработок, задерживавших дифференциацию крестьянства, также способствовало дальнейшему классовому расслоению деревни.

В период 1906—1907 годов из земледельческих районов усиленно уходило именно бедняцкое крестьянство. Так, по Черниговской губернии 40% всех переселявшихся крестьянских хозяйств составляли хозяйства с наделом 0,3 десятины². Огромная масса переселявшейся бедноты продавала

обычно принадлежавшие ей клочки земли за полцены. Ее захватывали кулацкие группы деревни. Таким образом, классовая дифференциация крестьянства усиливалась и этим путем.

В 1906—1907 годах знаменитый столыпинский указ от 6/XI 1906 г. «о выходе из общины», (принятый в переработанном виде в 1910 году еще не успел полностью проявить своего разрушающего влияния на расслоение деревни, однако оно шло очень быстрыми темпами как и до проведения в жизнь этого гнуснейшего мероприятия царизма, обострившего нищету и разорение широчайших крестьянских масс.

3

В этом сложном переплете экономических отношений в царской России в 1906—1907 годах можно определить следующие основные линии развертывавшихся новых общественных отношений. Помещики преследовали цели удушения революции и закрепления своего господства над массами, не останавливаясь ни перед чем. Они всемерно отстаивали отжившую систему крепостнических пережитков — отработки и другие виды феодальной кабалы, которые тормозили развитие производительных сил страны. Это означало также, что и развитие промышленности, связанное через суженный рынок всеми этими крепостническими пережитками, должно было идти не вглубь, авширь, т. е. по линии дальнейшего завоевания колоний, дальнейшей хищнической эксплуатации уже завоеванных народов. Займы, которые получало царское правительство от заграничных банкиров, приковывали страну к иностранной бирже, усиливали ее зависимость от западноевропейского империализма, но все же не настолько, чтобы лишить ее самостоятельной внешней и внутренней политики.

Стоявшая во главе контрреволюции клика помещичьей сановной бюрократии с небольшой примесью банковской олигархии оставалась на старых позициях полицейского террора.

¹ Ленин. Т. III, стр. 131.

² Я м з и н «Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян», стр. 108. Киев. 1912.

В 1906 году новым премьер-министром царского правительства был назначен Столыпин-Вешатель, кравший сотни тысяч рублей из государственной казны, пособник провокатора Азефа, организатор и вдохновитель черной сотни, казнивший направо и налево и за политическое убийство и за ограбление винной лавки на пять рублей, антисемит и угнетатель всех других национальностей России. Столыпин был ярким олицетворением правительственной политики. Он первым бросил клич: «Ставка на сильных!» — клич защиты 150 тысяч привилегированных дворян. С этими принципами он приступил к ломке крестьянской общины, защищая прежде всего помещичье землевладение и подпирая его «ставкой на кулака» — на буржуазию деревни.

Столыпин собирал вокруг себя и представителей крупной буржуазии — октябристов, тесно сраставшихся с кучкой феодалов на основе правительственных заказов и субсидий. Революция сплотила их в партию, «омолаживавшую» самодержавие на европейский, буржуазный манер и приобретавшую вместе с этим черты военно-феодалной империалистической буржуазии. Монархисты — эти представители крепостников-помещиков — и октябристы, представлявшие часть помещиков и в особенности более отсталые слои буржуазии, полностью использовали арену II государственной думы для своего политического усиления. Монархисты получили во II думе 10 мест; в I думе они не имели ни одного. Октябристы отвоевали у кадетов 44 места. Так подготовлялся Столыпиным государственный переворот 3 июня 1907 года.

В числе врагов революции были кадеты — знаменитая в то время партия конституционалистов-демократов, именовавшая себя партией «народной свободы». На выборах во II государственную думу кадеты потеряли огромное число мест. Вместо 179 депутатских мест в I думе они получили лишь 98 мест во II. Это произошло потому, что часть либеральных помещиков вследствие продолжавшихся крестьянских восстаний ушла от кадетов в правые группы. Возникшие в эти го-

ды партии «мирных обновленцев», «умеренных прогрессистов», в просторечье именовавшихся «упокойниками», означали лишь стыдливое прикрытие правых тенденций у этих перебежчиков от конституционалистов к махровым монархистам. Впрочем, и сами конституционалисты — кадеты — были очень далеки от идей буржуазной конституции, и отличить кадетов-конституционалистов от монархистов было нелегко.

Мелкобуржуазный хвост кадетской партии оторвался от нее вскоре же после разгона I думы и ушел отчасти в мелкобуржуазные партии, отчасти остался вне политической жизни. За кадетами шли лишь представители средней буржуазии, буржуазная интеллигенция и те наиболее дальновидные представители финансовой олигархии, субсидировавшие кадетов, которые понимали, что столыпинскими методами революцию в России не остановить, что нужна более тонкая работа по удушению революции. Эта прослойка кадетской партии действовала за кулисами: она субсидировала кадетскую печать, давала лидерам партии руководящие указания, направляла большую политику партии «народной свободы». Эта часть кадетской партии была непрочь столкнуться с царским самодержавием, но так, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Идеологи кадетской партии были лишь рупором этой закулисной клики. Когда московский генерал-губернатор Трепов в 1906 году повел переговоры с представителями кадетской партии о вхождении их в состав министерства, огромную роль в переговорах кадетов с монархистом Треповым играли как раз представители финансовой олигархии, надеявшиеся таким путем подползти к власти и более успешно расправиться с революцией. Но, как известно, из этих переговоров ничего не вышло: кадеты остались не при чем, а Трепову было указано на всю необоснованность заигрывания с либералами. Под влиянием тех же кругов банковских воротил кадеты со спадом революционной волны повернули руль еще более направо, отказавшись даже от требования своей программы о принудительном отчуждении земли за выкуп.

Ленин уже в эти годы предсказывал слияние кадетов и октябристов, которое произошло несколько позднее в той же Государственной думе, в так называемом прогрессивном блоке. Под влиянием закулисной клики банковских воротил кадеты отказались от требования думского министерства, проводили тактику сохранения Думы во что бы то ни стало и т. д.

На другом полюсе стояли пролетариат и крестьянство, у которых была задача — вырвать страну из лап хищников, избавиться от сковывавшего ее по рукам и ногам военно-феодалного империализма и крепостнических пережитков; пролетариат как гегемон революции боролся за свержение самодержавия для того, чтобы перейти к следующему, социалистическому этапу революции. В этом заключалось основное содержание первой русской революции.

Размежевка общественных сил, развернувшаяся в 1905 году, продолжалась и в 1906—1907 годах. Противостояли две силы — силы революции и силы контрреволюции. Пролетариат, сознательная часть крестьянства, отдельные прослойки интеллигенции, распропагандированная часть армии и флота отступали под натиском пушек и пулеметов Дубасова, карательных экспедиций Мина, Рененкампа и прочих «доблестных» представителей царского режима. В Москве еще зияли бреши разбитых снарядами зданий, еще шли судебные процессы участников баррикадных боев.

Единственная руководительница революционного движения, фракция большевиков, потерпев поражение в декабрьских схватках, продолжала свою героическую работу по организации сил революции. Действовали подпольные боевые организации большевиков с мастерскими бомб, со складами оружия, с «фабриками» паспортов для снабжения ими дружинников, отправляемых на подпольную работу в другие города. Оборудовались подпольные типографии, выпускавшие тысячи листовок, призывавших к упорному продолжению борьбы, к подготовке восстания против царизма, помещиков, буржуазии. Через свои военные орга-

низации большевики развертывали в армии и флоте напряженную революционную работу.

Арьергардные схватки продолжались. Против наседавшего врага, старавшегося ликвидировать завоевания 1905 года, применявшего все меры к тому, чтобы задушить революцию, велись атаки на всех фронтах борьбы. Главными из них были фабрики и заводы, где стачечное движение пролетариата шло на снижение, но все же еще было значительным. В 1906 году бастовало 1108 тысяч рабочих, причем во вторую четверть 1906 года одних только политических стачечников было четверть миллиона, в 1907 году — 740 тысяч; 35,4% общего числа этих стачек было выиграно рабочими против 23,7% в 1905 году. Это указывало на огромную сопротивляемость пролетариата в первый год после декабрьских баррикад 1905 года. Но уже труднее рабочим было выигрывать стачки в следующем, 1907 году, когда истощение сил дошло до предела. Но все же и в этом году рабочие выиграли 16,2% общего числа стачек. Статистика закончившихся компромиссом стачек дает в эти же годы такие цифры: 1905 год — 46,9%, 1906 год — 31,1%, 1907 год — 26,1%. Процент проигранных стачек давал в 1905 году цифру в 29,4% общего их числа, в 1906 году — 33,5% и в 1907 году в 57,6%.

Одновременно с падением числа стачек падал процент выигранных и увеличивался процент проигранных стачек. Владимир Ильич Ленин объяснял это тем, что «октябрьско-декабрьская борьба почти целиком легла на один пролетариат. За всю нацию систематически, организованно, непрерывно боролся один только пролетариат. Не удивительно, что в стране с наименьшим (по европейскому масштабу) процентом пролетарского населения пролетариат должен был оказаться неимоверно истощенным такой борьбой. К тому же объединенные силы правительственной и буржуазной реакции обрушились... на пролетариат. Полицейские преследования и казни децимировали¹ пролетариат в течение по-

¹ Децимировать — наказывать каждого десятого. — Ред.

лутора года, а систематические локауты, начиная с «карательного» закрытия казенных заводов и кончая заговорами капиталистов против рабочих, доводили нужду рабочих масс до невиданных размеров»¹.

В связи с наличием широкого забастовочного движения в отдельных отраслях промышленности большевики, твердо проводя линию на дальнейшее развитие революции, используя профессиональные союзы, в конце 1906 — начале 1907 года готовили такие мероприятия, как всеобщая стачка текстильщиков Московского промышленного района, которая должна была охватить 400 тысяч рабочих. На двух конференциях представителей всех профессиональных союзов области (на первой было представлено 10 тысяч, а на второй — 20 тысяч рабочих) в конспиративной обстановке был тщательно разработан план стачки. Ленин во время своего пребывания в Москве в 1906 — 1907 годах был хорошо осведомлен об этой работе. В статье «Против бойкота», написанной 9 июля 1907 года, Владимир Ильич говорил, что стачка эта может быть началом «некоторого частного под'ема, имеющего революционное значение. Обязаны ли мы приложить все усилия, чтобы поддержать и развить его, стремясь превратить в общий революционный под'ем, а затем и в движение наступательного типа? Безусловно»².

Попытка текстилей провести областную стачку, однако, все же не удалась. Массовые аресты руководителей, суровые репрессии, подачи отдельным группам рабочих, угроза голода и локаута — все было пущено в ход, чтобы сломить новый революционный под'ем масс.

Вторым участком фронта борьбы общественных сил в 1906—1907 годах была Государственная дума. Пролетариат и на этом участке достиг сравнительно больших успехов: на выборах во II думу рабочая курия дала почти сплошь социал-демократов. Кроме того в 22 городах с 153 тыся-

чами избирателей левый блок³ получил 41 тысячу голосов.

В своей борьбе пролетариат имел революционного союзника в лице крестьянства, и хотя крестьянское движение, бурно охватившее всю страну в 1905 году, под напором чудовищных репрессий в 1906 и особенно в 1907 годах пошло также на снижение, все же оно было еще достаточно сильным.

Попутно необходимо внести некоторые поправки в установившееся с легкой руки М. Н. Покровского представление, что крестьянское движение сильнее развернулось в 1906 году чем в 1905 году. По данным о разгроме имений помещиков за 1905—1907 годы, по уездам мы имеем следующие цифры: за 1905 год разгромы происходили в 133 уездах, в 1906 году — в 76 уездах и в 1907 году — всего лишь в 6 уездах. Такая форма аграрного движения, как порубка помещичьих лесов, за эти же годы дает следующие цифры: за 1905 год — 204 уезда, за 1906 год — 194 уезда и за 1907 год — 70 уездов. Большое число потрав, самовольных покосов, тайных поджогов и особенно сельскохозяйственных стачек в 1906 году против 1905 года не может служить обстоятельством, подтверждающим положение Покровской о более значительном размере крестьянского движения в 1906 году по сравнению с 1905 годом, так как в 1906 году движение носило характер мелких, разрозненных стычек, между тем как в 1905 году (особенно зимой 1905—1906 года) в движении принимали участие широчайшие слои деревни, выступавшие компактной массой. В 1907 году оно пошло еще больше на снижение. За 1907 год крестьянское движение дало около 2,5 тысячи выступлений и на этом уровне продолжало стоять и в последующие, 1908—1909 годы.

Крестьянские мелкобуржуазные партии во II государственной думе получили значительное количество мест: трудовики — 104, н.-с. — 16, эсеры — 37 — против 94 депутатов, которые

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 38—39.

² Там же, стр. 40.

³ Избирательное соглашение социал-демократов с эсерами и трудовиками, направленное против кадетов.

имели все эти партии вместе взятые в I думе. В среде эсеров шел своеобразный распад: после разгона I думы часть эсеров отделилась и образовала полукadetскую легальную «трудовую народно-социалистическую партию». Дальнейший переход части эсеров и трудовиков к энесам все продолжался.

В этом сказался тот усилившийся раскол в крестьянских массах, который был внесен мероприятиями помещиков и правительства в деревне. Зажиточная часть крестьянства отходила от революции, надеясь через Крестьянский банк получить распродаваемые помещичьи земли. Крестьянская буржуазия, захватывая земли переселенцев и разорявшейся бедноты, поддерживала такую явно кадетствующую группировку, как энесов. Кулацкое лицо этой партии становилось все более и более ясным. Они устранили из своей программы и республику и требование передачи всей помещичьей земли крестьянству. Крайняя левая народнических партий, эсеры-максималисты, очень немногим отличалась от анархистов.

Мелкая буржуазия проявляла крайнюю неустойчивость, что выражалось и в создании политически неустойчивых партий типа трудовиков, колебавшихся между кадетами и социал-демократами. Размежевка в рядах мелкой буржуазии в переходный момент революции, каким были 1906—1907 годы, не являлась законченной. Но основное ядро крестьянства — многомиллионная масса деревенской бедноты и непрерывно разорявшихся середняков, которым некуда было податься без земли, которые попрежнему вынуждены были оставаться под ярмом помещиков и кулаков, без политических прав и свобод, в положении бесправного быдла, над которым мог безнаказанно издеваться любой держиморда в деревне: земский начальник, исправник, полицейский исправник, кулацкий старшина, — было по своему положению кровно заинтересовано в революционной борьбе пролетариата. Задача революционной партии заключалась в том, чтобы раз'яснить этим массам их интересы.

Плоть от плоти пролетариата и крестьянства, матросы и солдаты царской армии не остались в стороне от

борьбы: в 1906 году происходили военные восстания в Кронштадте, Свеаборге, во Владивостоке. Во Владивостоке бок о бок с матросами выступали все портовые рабочие. Работа военных организаций большевиков среди солдат и матросов давала свои плоды.

Революционные схватки 1905 года просветили все классы: выросло классовое сознание пролетариата и крестьянства. Они узнали теперь не только за что бороться, но и как бороться. Революция стояла на твердой почве. Все основные причины, ее вызывавшие, продолжали действовать.

Таким образом, у партии пролетариата были все основания считать, что революция не сошла с порядка дня общественной жизни страны и что необходимо сделать все, чтобы организовать революционную энергию масс и повести их на штурм самодержавия.

На других позициях стояли прихвостни буржуазии — меньшевики. Они на всех перекрестках кричали, что революция раздавлена, что никаких надежд на ее под'ем нет. «Не надо было братья за оружие», — вещал из своего заграничного далека идеолог меньшевиков Плеханов, осуждавший декабрьское восстание. Меньшевики не верили в революцию, они не видели никаких возможностей снова поднять массы против царизма и призывали примириться с существующей «подлостью». Это была гнуснейшая линия на срыв революции, на угашение революционного энтузиазма масс.

Меньшевики, эти проводники буржуазного влияния на пролетариат, предлагали вступить в блок на выборах во II государственную думу с душителями революции — кадетами. Представителя этих кадетов, Головина, меньшевики — депутаты Думы — проводили в председатели II думы. У кадетов меньшевики, заимствовали тот парламентский кретинизм, который тесно сплетался с кадетской линией органической работы в Государственной думе. И тысячу раз были правы большевики накануне Лондонского с'езда РСДРП, разоблачая меньшевистское сотрудничество с кадетами, бо-

рясь за устранение меньшевиков от руководства партией.

Революционное крыло РСДРП, руководимое Лениным и Сталиным, видело все трудности продолжения борьбы. В своей революционной тактике большевики исходили из того, что в этот период в революционных классах страны было еще много боевой энергии. Началом решающих революционных действий мог послужить любой конфликт, любое событие.

Огромная вера в творческие силы революционных масс, глубокое сознание ответственности перед страной за судьбу революции требовали от большевиков тактики, рассчитанной на дальнейший подъем революционной волны. Говоря о периоде 1906—1907 годов, Ленин писал: «Если бы пролетариат не сумел при этом по меньшей мере дважды подниматься для но-

вого натиска на врага (четверть миллиона одних только политических стачечников во вторую четверть 1906 года и также 1907), то поражение было бы еще сильнее; государственный переворот произошел бы не в июне 1907 г., а годом, или даже более чем годом, раньше; экономические завоевания были бы отобраны у рабочих еще быстрее»¹.

Величайшей заслугой большевиков в 1906—1907 годах было то, что они своей тактикой замедлили, задержали наступление контрреволюции и ослабили ее удар, то, что они облегчили и ускорили размежевку классовых сил в стране и способствовали развитию классового самосознания российского пролетариата.

¹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 19.

ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ*

С 40-х годов XIII века и по 60-е годы XV века над русской землей властвовал золотоордынский хан. «Это иго, — говорит Маркс, — не только давило, оно оскорбляло самую душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары установили режим систематического террора, причем, разорение и массовые убийства стали его постоянными институтами»¹.

Как же могло случиться, что многочисленный народ, занимавший огромную территорию в Восточной Европе, не раз доказывавший умение защищать себя, стал надолго жертвой агрессии монгольского хана? На этот вопрос нам дает ответ история этого периода.

1

К концу XII века Киевское государство уже окончательно распалось. На его обширной территории образовалось несколько независимых феодальных княжеств, каждое из которых делилось на более мелкие части, со своими особыми политическими центрами, почти не связанные друг с другом. Непрекращавшиеся и неизбежные феодальные войны, разорительные особенно для крестьянства и городских низов, делали политическое существование этих разрозненных единиц крайне неустойчивым.

Не всегда удавалось феодальным владетелям защитить свои земли от вторжений Польши, Венгрии, Литвы,

* Более подробно этот предмет рассматривается в выпускаемой Соцэкгизом работе: Греков В. Д. и Якубовский А. Ю. «Золотая орда и Россия».

¹ К. Маркс «Секретная дипломатия». XVIII век.

Ливонского и Тевтонского орденов. Но все же здесь, на западе, сталкивались силы равные, и отдельные русские княжества имели достаточно возможностей, чтобы отразить агрессию этих государств, что они неоднократно и доказывали.

Сложнее были дела на юговостоке. Киевские владения в Причерноморье и Приазовье подпали под власть половцев-кыпчаков, образовавших в это время здесь, на юговостоке, свое большое государство — Денг-и-Кыпчак.

Автору «Слова о полку Игореве» оставалось только с грустью отметить, что побережье Черного и Азовского морей для Руси стало «землей неизвестной».

В 1168 году киевский князь Мстислав Изяславич, уже низведенный на положение владетеля небольшой территории, сделал было попытку сговориться со своими братьями «пожалиться о русской земле» и пойти против половцев, которые «несут хрестьяны на всяко лето у вежи свои» (т. е. забирают на Руси огромный полон) и «Греческий путь изотимають и Соляный и Залозный»². Поход был для русских князей удачным, но эта удача не могла изменить ясно наметившегося хода вещей и предотвратить дальнейшее углубление процесса дробления русских княжений и усиления на юговостоке половецкого государства.

Для иллюстрации создавшегося положения возьмем историю некоторых земель, игравших в то время наиболее заметную политическую роль: Владимиро-Суздальского княжества, Новгородской феодальной республики и земель Галицкой, Волынской и Киевской.

* * *

Совсем не случайно киевский князь Мономахович, Андрей Юрьевич Боголюбский, не захотел вопреки желанию своего отца оставаться в Киеве и перешел на северо-восток, в Ростово-Суздальскую землю, в новый город — Владимир на Клязьме.

Именно здесь, на северо-востоке, и

² Ипатьевская летопись, 1170 год, стр. 368 (дата Ипатьевской летописи признается неточной).

особенно в новых городах заметно росли те элементы, которые, протестуя против бесконечных феодальных войн, против гнета старой боярской знати, тяготели к сильной княжеской власти. Союз этих элементов с княжеской властью мы можем констатировать ярче всего именно во Владимиро-Суздальском княжестве уже со времен Андрея Боголюбского.

Расположенная на удобных речных путях, непосредственно связанная на северозападе с тогдашним окном в Европу — Новгородом, на востоке — с Болгарским ханством, и в то же время располагая возможностью сноситься по речным системам с югом, Ростовско-Суздальская земля находилась в очень благоприятных условиях для дальнейшего своего развития.

Этот край стал особенно быстро расти в связи с теми переменами, которые в XII веке происходили в хозяйственном положении Западной и Южной Европы. Новые торговые пути и новые торговые обороты, вызвавшие большое оживление в жизни итальянских, французских и немецких городов, дали в свою очередь толчок к дальнейшему росту Новгорода, подняли значение Крыма, превратив его в базу гентуэзской торговли с Восточной Европой.

Хозяйственное преуспевание края сказалось прежде всего в росте но-

вых городов, по своей общественной структуре значительно отличавшихся от старых городов. В новых городах энергично развиваются ремесло и торговля.

Очень знаменательно отношение старого ростовского боярства к новому городу Владимиру. Ростовские бояре не могли равнодушно смотреть на его разрастание: они видели в нем враждебную себе силу. Полным пренебрежением дышат их слова, адресованные к ремесленникам Владимира: «Несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, а наши смерды в нем живут и холопы, каменосечцы и древодели и орачи»¹.

Когда Андрей Боголюбский окончательно переселился с юга на север, он постарался повести дело так, чтобы Владимир, этот город каменщиков и плотников, мог перегнать боярский Ростов. Борьба со старым боярством окончилась лично для князя Андрея печально: он был убит группой бояр, во главе которых стояли бояре Кучковичи, те самые, у которых отец Андрея, Юрий, отобрал Москву.

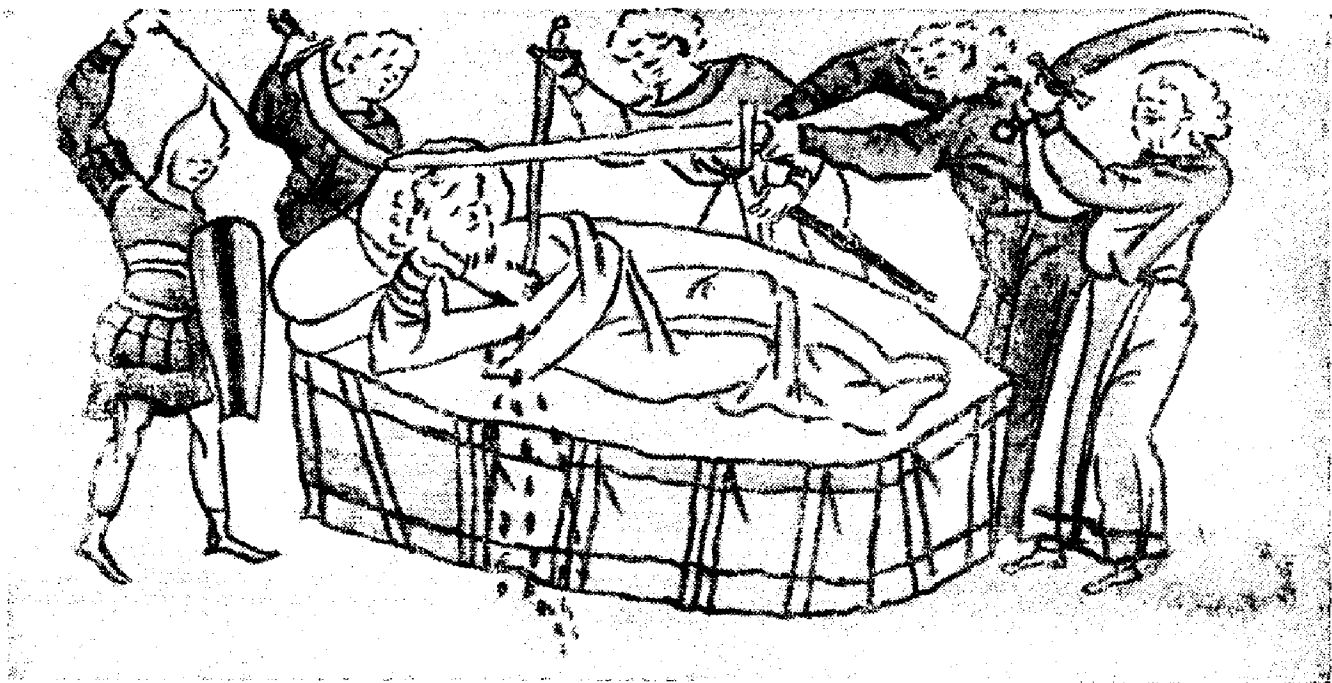
Но смерть Андрея не означала конца начатой борьбы: она продолжалась и окончилась полным торжеством княжеской власти, стремившейся к централизации. После упорной борь-

¹ Никоновская летопись, 1177 год.

Половцы угощают после набега пленных и скот. XII век.

Кенигсбергская летопись.
Гос. исторический музей.

Убийство великого князя владимирского
Андрея Боголюбского. 1175 г.

Кенигсбергская летопись.
Гос. исторический музей.

бы, в которой принимали участие ростовские бояре в союзе с Рязанью с одной стороны и городское население города Владимира, восставшего против ставленников боярства, — с другой, на Владимирский стол сел брат Андрея Всеволод Большое гнездо.

Опираясь на сочувствующую ему городскую массу, он быстро упрочил здесь свое положение. Всеволод велел конфисковать боярские села и тем самым нанес новый удар своему врагу; за этой расправой последовал победоносный поход Всеволода на Рязань — союзника ростовского и суздальского боярства. Рязанский князь Глеб и его родственник князь Мстислав, прославившийся своими грабежами во Владимире в бытность свою там на княжении, попали в руки Всеволода в качестве пленных. Мстиславу удалось, однако, получить свободу, и он нашел себе совсем не случайно радушный прием в Новгороде Великом: новгородские бояре внимательно следили за развертывающимися событиями в Суздальской земле и не скрывали своей солидарности с ростовским и суздальским боярством.

Всеволод несколько раз ходил и на Новгород и, в конце концов, получил возможность распоряжаться там не менее свободно чем на своих землях.

Это тот самый Всеволод Большое гнездо, о котором так ярко отозвался автор «Слова о полку Игореве»: «Ве-

ликий княже Всеволоде! не мыслию ти прилетети издалеча отня злата стала поблюсти: ты бо можешу Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти; аже бы ты был, то была бы чага¹ по ногате, а кощей² по резане. Ты бо можешу по суху живыми шерешеры³ стрелятя удалыми сыны Глебовы».

Автор «Слова» жалеет, что нет на юге Всеволода, который мог бы легко справиться с половцами и княжескими усобицами.

Время княжения Всеволода (1176—1212) — блестящее время в истории Владимирской земли. При нем границы этого княжества значительно расширились, главным образом на востоке. Два похода на Болгарское ханство и четыре похода на Мордву дали ему возможность продвинуться к Волге, а его сыну, Юрию, — твердо укрепиться на берегах Волги. В 1221 году на месте разрушенной мордовской крепости был построен город Нижний (теперешний город Горький).

Дальнейшее продвижение на Волгу было приостановлено татарским нашествием.

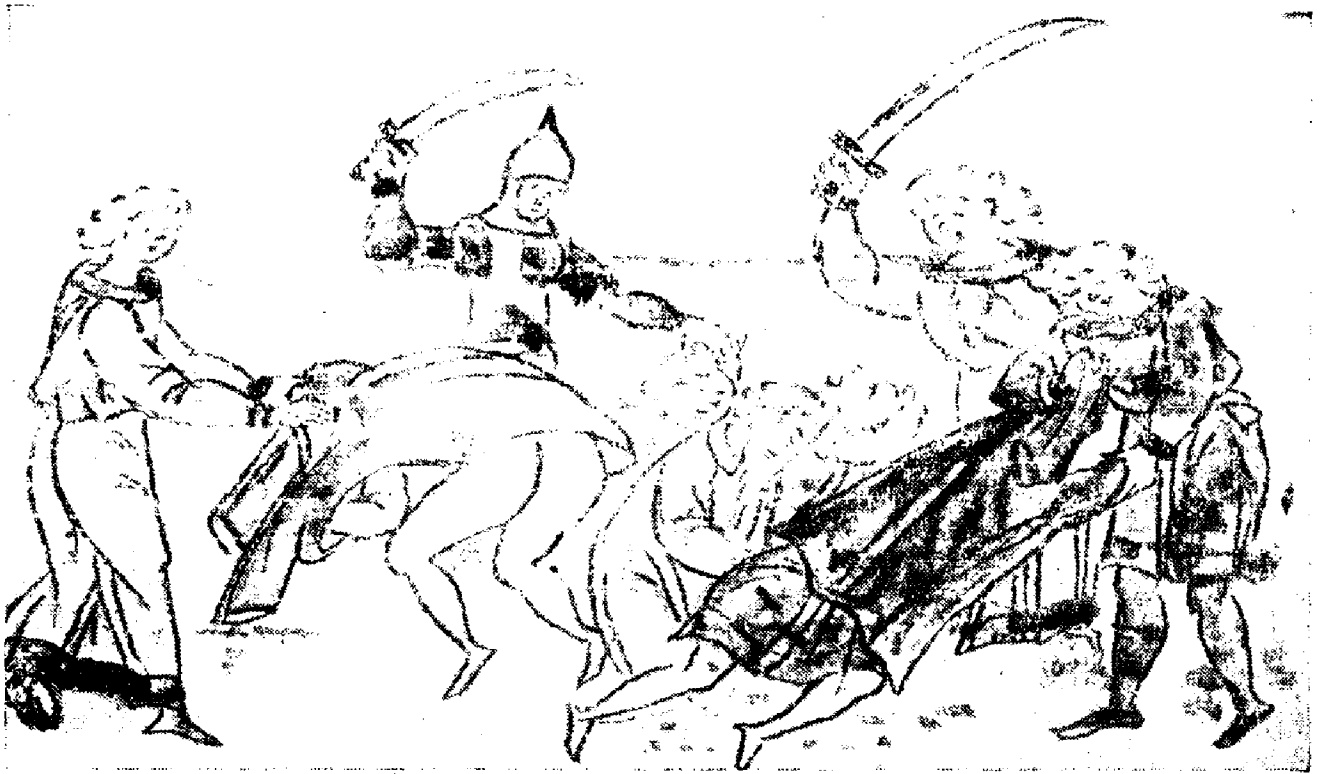
* * *

Совершенно иную картину общественного развития мы можем наблюдать в Новгородской земле.

¹ Чага — пленница.

² Кощей — пленник.

³ Шерешеры — луки-самострелы.

Восставшие боголюбские горожане избивают бояр. 1175 г.

Кенигсбергская летопись.
Гос. исторический музей.

Здесь боярство очень рано сделалось огромной экономической и политической силой. Объясняется это тем, что, расположенный на удобных речных путях у выхода в Балтийское море, Новгород очень давно вошел в торговое общение с Западной Европой. Меха, мед, воск, сало, пенька, смола, поташ, деготь, моржевые клыки и другие продукты севера сосредоточивались здесь для отправки за границу в обмен на иностранные сукна, краски, металлические изделия, вина, сладости, фрукты.

Зимой на лошадях, летом на судах в Новгород непрерывным потоком шли товары, расходившиеся отсюда по разным углам русской и нерусской земли. Не удивительно, что Новгород стал богатейшим городом. Все это способствовало сильному обогащению купцов, а еще больше — бояр новгородских.

Купец мог только скупать у населения те продукты, которых требовал рынок. Но основное новгородское население — крестьяне — не производило на сбыт, и закупить у него много было нельзя. Бояре же, издавна владевшие огромными пространствами земли, населенной крестьянством, имели возможность заставлять своих подданных свозить им меха, пряжу,

хлеб, полотно, жиры, мясо, мед, воск и пр. Волей-неволей крестьянину приходилось отдавать не только свои избытки, но и иногда самое для него необходимое.

Если боярину этого казалось мало, он собирал свою дружину и отправлялся с нею подалее на север и восток и там «воевал» туземные племена, которые таким путем впервые познакомились с Новгородом и его алчными до наживы хозяевами.

К концу XI века боярские дружины дошли до Урала.

Так в Новгороде образовалось два слоя богачей: боярство и купечество — с явным преобладанием бояр. Нигде в это время на Руси не было боярства более могущественного чем новгородское.

Этот факт наложил свой отпечаток на всю историю Новгорода. Бояре захватили в свои руки и политическую власть и превратили Новгород в боярскую республику.

В этой феодальной республике был и князь — пришелец из других земель, так как Новгород своих собственных князей не имел с давних времен. Но уже с конца 30-х годов XII века положение князя в Новгороде очень сильно изменилось. В своих правах князь был крайне ограничен: он даже на охоту

не мог ездить, куда хотел, не мог пасти своих лошадей не на заранее указанном месте, рыбу впрок мог готовить только там, где разрешало ему вече, заранее оговаривавшее все эти и подобные мелочи в договорной грамоте, на которой должен был присягать князь.

Богатый город привлекал к себе многих соседних князей.

По мере ослабления Киева его влияние в Новгороде падало, но, тем не менее, притязания киевских князей на него не прекращались.

Андрей Боголюбский, сидя во Владимире, решительно заявил, что будет искать Новгорода «добром или лихом». Из-за Новгорода главным образом он враждовал с Киевом. Два похода снарядил он в 1169 году: один — на Новгород, с целью подчинить себе этот город, другой — на Киев, чтобы покончить со старыми притязаниями киевского князя. 25 февраля 1169 года новгородцы разбили суздальскую рать, посланную на них Андреем, и 8 марта того же года другая рать, снаряженная тем же Андреем, взяла Киев и нанесла ему непоправимый удар.

Преемник Андрея, владимирский князь Всеволод Большое гнездо, вел ту же политику: он ревниво оберегал свое влияние в Новгороде, держал там в качестве князей своих ставленников, заменяя их другими лишь тогда, когда они делались новгородцам невтерпеж.

Против новгородских бояр, связанных с князем Всеволодом, поднялась народная масса и пригласила к себе торопецкого князя Мстислава Мстиславовича Удалого. Он быстро двинулся на Торжок, взял его, арестовал всеволодовых ставленников и послал сказать в Новгород: «Кланяюсь святей Софии и гробу отца моего и всем новгородцем; пришел есмь к вам, слышав насиле от князь, и жаль ми своя отчины». Новгородцы сейчас же схватили сына Всеволода, князя Святослава, и посадили под арест вместе со всеми его приближенными и передали власть Мстиславу, который повел новгородские полки против самого Всеволода. Всеволод не решился на открытый бой и вступил в переговоры. Новгород остался победителем.

Под предводительством Мстислава новгородцы вместе со смольнянами сделали удачные набеги на Киев и Чернигов; под его же водительством уже после смерти Всеволода (1212 год) они вторглись в Ростово-Суздальскую землю и нанесли суздальцам и ростовцам решительное поражение на реке Липице (1216 год). В результате этого боя произошли серьезные политические перемены во всей Владимиро-Суздальской земле: Юрий, сын Всеволода, вынужден был отказаться от города Владимира и своего старшинства и перешел в Суздаль; вместо него посажен был на Владимирский стол Константин, союзник Мстислава Удалого. После смерти Константина Юрий снова занял город Владимир. Так падало значение и Владимирского княжества, и крепла независимость Новгорода, т. е. процесс дробления русской земли на отдельные, обособленные княжения сделал еще один шаг вперед.

* * *

В то время когда на севере шла борьба между Новгородом и Владимирским великим княжеством, на юге поднималось княжество Галицко-Волынское. Это княжество, образовавшееся из объединения двух княжеств: Галицкого и Волынского, — стало к началу XIII века серьезной политической силой, влиятельной не только в Южной Руси, но и среди государств, ее окружавших с юга и запада, — Венгрии и Польши.

Галицкое княжество заметно усилилось уже в конце XII века, при князе Ярославле, которого автор «Слова о полку Игореве» называет Осмомыслом. Только о двух русских князьях поэт говорит как о наиболее могущественных — о Всеволоде Большое гнездо и о Ярославе Галицком: «Галичкий Осмомысле Ярославе! высоко седиши на своем златокованнем столе, подпер горы Угорские своими железными полки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола салтани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого кощя, за землю рус-

Приношение дани Новгороду мехами и скотом. XII век.

Кенигсбергская летопись.
Гос. исторический музей.

скую, за раны Игоревы, буюго Свято-славлича!»

Тот же поэт знает и волынского князя Романа, участника воспеваемого им похода Игоря Святославича. Роман и объединил оба княжества (1199—1205 годы). При нем и затем после него здесь также велась борьба князей и примыкающих к ним общественных элементов с сильным боярством — процесс, уже знакомый нам по истории Владимиро-Суздальской земли.

Роман и сын его Даниил в этой борьбе пользовались прежде всего сочувствием городских элементов: купечества и ремесленников. Летописец так и говорит о Данииле, что его «любяхуть граждане».

Галицкий князь Роман, опираясь на силу и сочувствие тех слоев общества, которые особенно страдали от непрерывных феодальных войн, пробовал распоряжаться и Киевом, найдя и здесь точку опоры в киевских городских низах и купечестве. В этом отношении весьма характерен факт похода Романа на Киев в 1202 году. Киевское городское население открыто стало на его сторону, отворило ворота и впустило его в нижний город. Киевский князь Рюрик, видя, что киевляне восстали против него, даже не думал сопротивляться. Он был изгнан, и Роман посадил на

Киевский стол своего двоюродного брата Ингваря.

За собой Роман не решился оставить Киев по ряду соображений: Киев тогда находился в орбите власти Всеволода Большое гнездо, а Роман был настолько силен, что подчиняться Всеволоду не хотел, но в то же время не хотел и ссориться с могущественным северным князем. Незначительный по своему политическому весу, князь Ингварь обеспечивал Роману некоторую долю влияния на Киевскую землю. Один из южных летописцев просто называет Ингваря наместником Романа.

Однако Рюрик не хотел мириться со своим положением. Он нашел себе союзников, призвал «всю Половецкую землю» и напал на Киев. Город был взят и разграблен победителями.

Это вторичное опустошение Киева, последовавшее через 13 лет после первого, окончательно подорвало его значение.

После смерти Рюрика обстановка на югозападе стала еще более сложной. Гроза севера Всеволод Большое гнездо умер за два года до Рюрика, и во Владимирской земле началась борьба за власть. В Галиче шли распри между претендентами на Галицкий стол. И на севере и на юге эта борьба велась в обстановке крайнего обостре-

ния классовых противоречий между боярством, крестьянами, зависимыми от него, и горожанами.

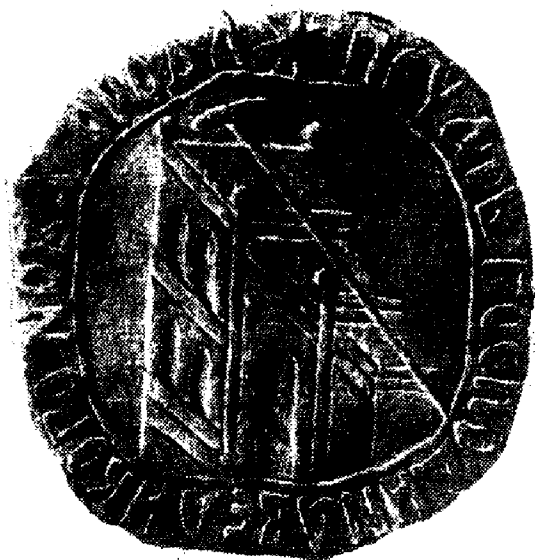
В это трудное и сложное время на юге появляется уже знакомый нам Мстислав Мстиславович, князь торопецкий и новгородский.

В союзе со смоленским князем Мстиславом Романовичем он напал на Черниговскую землю и отсюда двинулся на Киев, взял его, посадил сначала Ингваря, а потом своего союзника — Мстислава Романовича, князя смоленского. Сам Мстислав Мстиславович Удалой вернулся в Новгород, но не порвал связей с южной Русью. Он приезжал сюда и в 1215 и в 1217 годах, после своего знаменитого похода в Суздальскую землю и Липицкой битвы.

Воспользовавшись распрей между Венгрией и Польшей, Мстислав Мстиславович занял Галич, который ему удалось, в конце концов, удержать за собой, несмотря на то что Польша и Венгрия, примирившись, пошли против него.

* * *

Вот в каком приблизительно состоянии находились главнейшие части распавшегося Киевского государства в момент первого появления монголов в нашей стране. Перед нами прошли только наиболее показательные факты, связанные с жизнью только трех уголков великой равнины, занятой народами нашей страны. Если бы продемонстрировать во всей полноте всю

Герб Новгорода с изображением вечевой трибуны и посадничьего жезла.
Гос. исторический музей.

сложность тогдашних общественных и политических отношений, то можно было бы на гораздо более широкой основе прийти к выводу, что перед нами хорошо известный всем странам, переживавшим феодализм, «беспорядок», возведенный в систему — систему, которая, по выражению Энгельса, даже в своем первоначальном, простейшем виде давала достаточно поводов к ссорам.

В разгаре этой княжеской междоусобицы и наблюдавшегося среди русских княжеств полного разобщения сил в нашей стране появилось монгольское войско, являвшееся по тому времени образцом сплоченности, единства воли и действий.

2

Первая встреча русских и половецких дружин с татарами произошла в 1223 году на реке Калке. До этого времени русские ничего не знали о татарах. Какое впечатление произвели татары на русских, лучше всего выразил в своем произведении летописец. «Том же лете,—пишет он,—по грехом нашим придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть: кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их. А зовут я татары, а инии глаголють таурмены, а друзии печенези; инии же глаголють ...яко ж суть ис пустыни Етриевские... Бог един весть, кто суть и отколе изидоша; примудрии мужи ведять я добре, кто книги разумееть; мы же их не вемы, кто суть; но сле вписахом о них памяти ради русских князь и беды, яже бысть от них им: слышахом бо, яко многы страны поплениша — ясы, обезы, косоги и половечь безбожных множество избиша...»

Сейчас мы находимся не в столь беспомощном состоянии и можем ответить на вопрос, кто такие татары и как они очутились в Европе.

Громадные пространства — от озера Байкала, верховьев рек Енисея и Иртыша до западных отрогов Алтайских гор и южнее — были заняты монгольскими племенами¹. Северная часть

¹ Очерк по древнейшей истории татар составлен по А. Ю. Якубовскому (см. стр. 46, прим. *).

Руководители вече в Новгороде. XII век.

Кенигсбергская летопись.
Гос. исторический музей.

их жила в лесах и занималась главным образом охотой и рыболовством.

Никогда не покидая своих лесов, они жили в легких шалашах, устраиваемых из коры березы и других деревьев. Одежду шили из кожи животных, пили древесный сок. Они умели приручать диких животных, мясом и молоком которых питались.

Южнее, в степях, кочевали многочисленные скотоводческие племена. Они разводили рогатый скот, овец, коз и коней. Несколько раз в году они переходили с одного места на другое в поисках пастбищ. Больше всего они ценили лошадь. Табуны коней были главным богатством древнего монгола. Конь служил монголу средством передвижения, был незаменим на войне и на охоте. Монголы питались лошадиным мясом, пили лошадиное молоко, пользовались лошадиной шкурой. Иметь много коней было мечтой монгола. Но редкий из них располагал таким богатством. Даже у знатных монголов в IX—XI веках было немного коней.

Жили эти кочевые племена в войлочных кибитках. Во время передвижений кибитки ставились на колесные повозки, в которые впрягали быков. Путешественник Рубрук, видевший пе-

редвижение монголов, рассказывает, что навстречу ему двигался целый город повозок, нагруженных домами. Кочевали эти монголы не свободно по вольным степям, куда хотели, а каждый род знал границы своих пастбищ и места, где он может пасти свои стада зимой, летом, весной и осенью. Кочевые скотоводческие племена производили все, что им было необходимо для их несложного хозяйства: катали войлок, делали ремни и веревки, домашнюю посуду, сбрую, луки, стрелы, колья, панцыри, сабли. К монголам очень рано стали приезжать купцы из далекого Туркестана.

Кое-где занимались и земледелием, но очень мало. В хлебе монголы всегда чувствовали недостаток.

Религия монголов соответствовала их общественному развитию. Они верили в одушевленность природы, в существование многочисленных добрых и злых духов, которых они старались умилостивить и привлечь на свою сторону. Люди, умеющие обращаться с этими духами, назывались шаманами. Отсюда и эту религию называют шаманизмом.

Пока родо-племенной строй у монголов был господствующим, они кочевали всем племенем, располагаясь на

Разгром Киева Рюриком Ростиславовичем. XIII век.

Кенигсбергская летопись.
Гос. исторический музей.

стоянках куренями, т. е. расставляя свои кибитки кольцом, причем середина круга предназначалась для вождя. Когда родовой строй стал уступать место классовому, когда стали выделяться отдельные богатые люди, владеющие своими собственными стадами, этим людям было невыгодно кочевать с остальными. Они отделяются от племени и образуют так называемые айлы. Само собой разумеется, что кочевать айлом опаснее чем куренем, и богачи объединяются, стараются создать такой порядок, который бы защищал их богатства и их собственную жизнь. Они подчиняют себе бедняков, окружают себя дружинами и выбирают себе своих собственных вождей. Последние гарантируют им пастбища для их скота, места для охоты, право пользоваться чужим трудом. Если таких ханов возникало несколько, они обычно вступали друг с другом в борьбу, которая приводила к усилению победителя.

К концу XII века среди монголов стали формироваться феодальные общественные отношения. Богатые люди становятся «господами», называют себя «богатырями» (по-монгольски — «багатур»), «меткими стрелками» и присваивают себе разные почетные титулы.

Знаменитый монгольский хан Темучин захватил власть и расширил ее в борьбе с другими вождями. Отец его был багатур, который удачно вел мелкие войны, производил набеги, добывая лихих коней, и вел широкое кочевое хозяйство.

Темучин выдвинулся еще больше. Группа монгольских феодалов выбрала его своим ханом, т. е. предводителем во время набегов и охоты. Власть его вскоре признали и соседние племена. В 1206 году на реке Ононе собрался совет (курултай) из наиболее видных кочевых феодалов Монголии и провозгласил Темучина всемонгольским ханом под именем Чингис-хана.

Персидский летописец начала XIV века говорит, что Чингис-хан стал «самодержцем земли и времени», что «все племена и роды монгольские стали его рабами и слугами». Чингис стал главою государства: сыновья его владели улусами (уделами), признавая над собой власть великого хана.

Отдельными частями территории владели также богатейшие феодалы (по-монгольски — нойоны, по-турецки — беки), у которых были свои собственные дружины, слуги и рабы.

Вся масса подвластных великому хану племен была разбита на десятки, сотни, тысячи и тьмы (10 тысяч). Эти

военные единицы состояли из отдельных кочевых хозяйств и были обязаны выставлять определенное число воинов. Так организуется военное ополчение.

Эта армия владела высокой, по тогдашнему времени техникой. В Монголию еще до Чингис-хана приходило много китайских и мусульманских купцов и ремесленников. Последних монголы особенно высоко ценили. Если ремесленники попадались в плен, их отдавали самым высокопоставленным людям, которые образовывали из них особые поселения и заставляли на себя работать. При Чингис-хане этот приток купцов и ремесленников усилился. От купцов он получал необходимые сведения о странах Азии и Европы.

Располагая столь значительной военной силой, Чингис-хан в течение 10 лет подчинил себе Китай и Среднюю Азию. Эти военные успехи облегчались тем, что Чингис-хан имел дело с раздробленными, мелкими феодальными отрядами противника. Из Средней Азии часть монгольских войск прошла почти через всю Персию, Кавказ и появилась в южных степях Причерноморья, где разбила прежде всего половцев. Преследуя отступающих, армия монголов дошла до Крыма, где взяла город Судак.

В 1223 году часть войск Чингис-хана встретилась на реке Калке с русскими дружинами и половцами. Разрозненные русские дружины вместе со своими союзниками — половцами — потерпели поражение. Войска монголов двинулись по Волге к северу, где их движение преградили камские болгары. Разбитые болгарами, монголы отступили.

Чингис-хан умер в 1227 году, и великим ханом стал сын его Угэдэ.

Старшему сыну Чингис-хана, Джучи, еще при жизни его отца была дана в удел югозападная часть владений великого хана — Дешт-и-Кыпчак. Курултай настойчиво требовал от хана завоевания прикаспийских и приазовских степей. С этой целью была снаряжена большая армия с сыном Джучи, Бату, во главе.

В 1229 году монголы послали войска на Волгу. Это был предварительный, разведывательного характера по-

ход. Монголы успели собрать необходимые им сведения о Восточной Европе.

Поход Бату 1237—1238 годов был, таким образом, хорошо продуманным военным и политическим предприятием.

В курултае, состоявшемся в 1235 году в Каракоруме, решен был вопрос о походе на юговосток Европы, и в 1236 году поход этот, как мы уже видели, начал осуществляться. Во главе армии стал Бату; его ближайшим помощником был знаток юговосточной Европы, участник победы на Калке, Субэдэ, едва ли не самый способный из всех полководцев Чингис-хана.

Бату двинулся к Средней Волге; значительная часть населения этой части Поволжья была покорена монгольскими войсками еще в 1229 году. Отсюда часть войска была направлена на камских болгар, а главные силы Бату, продолжая поход на запад, завоевали земли кыпчаков, буртасов, мордвы и всю страну, от Каспийского и Азовского морей до юговосточных пределов Руси, именно до Рязанской земли. Рязанский князь Юрий Игоревич вынужден был встретиться с татарским войском один.

Особенно рассчитывать на помощь Владимира тоже не приходилось: между Владимиром и Рязанью создались очень напряженные и далеко не дружественные отношения. А ведь в это время владимирский князь имел возможность послать на помощь Рязани не только свои владимирские полки, но и новгородское войско. Так же, хотя и по иным мотивам, отнеслись к просьбе Рязани и князья черниговские и северские. Они отказались помогать Рязани потому, что рязанцы в свою очередь отказались придти на помощь черниговцам в битве на Калке.

Несмотря на мужество русских дружин рязанское ополчение было разгромлено превосходными силами противника.

Здесь произошла обычная для татарской военной практики история: города были разрушены, жители перебиты. Мелкие города-крепости этой татарской лавиной были просто стерты с лица земли: Белгород, Ижеславец, Борисов-Глебов после этого погибли

Чингис-хан. XIII век.

Гос. исторический музей.

навсегда и больше в истории не встречаются. В XIV веке путешественники, плававшие по верхнему течению Дона, на холмистых берегах его видели только развалины и пустынные места там, где стояли еще сравнительно недавно города и селения. Так было не только в Рязанской земле, а везде, куда вступала ханская армия. Из Рязани татарские войска двинулись на Владимирское княжество, но не прямым путем на Владимир, а кружным, через Коломну и Москву.

Это обходное движение имело стратегический смысл. Бату ставил себе задачей отрезать владимирскому князю Юрию Всеволодовичу прямой путь отступления на Москву. Под Коломной татарская армия встретила войска Юрия Всеволодовича и разбила их. Уничтожив Москву, Бату направился на Владимир.

Дело происходило зимой. По зимним путям татарская армия двигалась беспрепятственно и 3 февраля 1238 года подошла к Владимиру.

Юрия Всеволодовича здесь не было.

Он отправился собирать войска между Угличем и Бежецком. 7 февраля пал Владимир, а особый отряд, посланный Бату, одновременно занял Суздаль.

В короткое время все Владимирское княжество оказалось в руках татар.

Бату направил свое войско навстречу армии Юрия Всеволодовича. Встреча произошла на реке Сити. Русское войско было разбито, Юрий пал в бою. Это произошло 4 марта, а 5 марта особый татарский отряд, несколько раньше отправленный к Торжку, чтобы перерезать владимирцам соединение с Новгородом, взял Торжок.

В середине марта татарская армия пошла по направлению к Новгороду, но, не дойдя километров 200 до этого города, в конце марта или в начале апреля, когда в этих местах начинается вскрытие рек и озер и вместе с ним весенняя распутица, вынуждена была круто повернуть назад.

Обратный путь батыевой армии шел на юго-восток, через Козельск, задержавший дальнейшее продвижение монголов на 7 недель. Козельск мужественно оборонялся и пал лишь после того, как стены его были разрушены и защитники, продолжавшие упорно сражаться и после этого, перебиты, успев, однако, нанести противнику значительные потери.

Недалеко от Козельска кончалась граница русской земли и начинались владения половцев. Половецкий хан Котян был разбит и с остатками своего войска ушел в Венгрию. Оставив после себя опустошенные земли, татарская армия удалилась за Волгу.

Таким образом, Бату более трудную часть своего плана успел осуществить во время этого своего похода.

В 1239 году татары из-за Волги снова появились на северо-востоке, заняли мордовские земли, снова дошли до Клязьмы, но главные силы Бату направил на юг, на левую сторону Днепра. Южная Русь в военном отношении была в то время слабее Северной. Здесь татарская армия встретила незначительное сопротивление. Самые крупные южные центры — Чернигов и Киев — пали. Киев был взят в 1240 году.

Татарская армия продолжала поход на запад. Военные силы отправлены

были в Волынскую и Галицкую земли; оттуда они двинулись в Польшу, Венгрию и Моравию. Здесь татары столкнулись при Оломунце с централизованным государством Вацлава I и дальше не пошли.

Летом 1242 года Бату повернул обратно и через долину Дуная вошел снова в южнорусские области. Обратный путь татар не был столь грозным для русских земель. Летопись отмечает лишь татарские завоевания по Западному Бугу.

Нетрудно понять, чем объясняется такой огромный успех предприятий татарского войска: в то время когда монголы шли на Восточную Европу сплоченной и хорошо организованной массой, восточноевропейские княжества не имели никакого единства, находились в состоянии враждебной друг к другу разобщенности, в состоянии полной неспособности объединиться и дать врагу отпор. В этом главная причина поражения Восточной Европы.

3

Поход был закончен. На Нижней Волге образовался центр татарского ханства, известный под именем Золотой орды.

На севере его граница подходила вплотную к русским княжествам; на северо-востоке в состав его входило Булгарское ханство; на юге — Крым с его приморскими городами и Кавказ до Дербента (а иногда и до Баку), а также северный Хорезм с городом Ургенчем; на западе граница доходила до Днестра и дальше, а на востоке — до Западной Сибири и низовьев Сыр-Дарьи.

Сами завоеватели не включали непосредственно в состав улуса Джучи русских земель. Русские княжества они рассматривали как государства хотя и зависимые, обязанные платить дань, но имеющие свою собственную власть.

Золотоордынская кочевая феодальная знать, находясь на более низком уровне культурного развития чем жители ряда завоеванных ими стран, умела оценить значение своих завоеваний и использовать их в своих интересах.

Завоеватели в значительной степени должны были приспособиваться

к экономическому положению, какое они нашли в завоеванных ими странах. Некоторые покоренные народы оказались способными растворить в своей массе завоевателей, сообщить им свою культуру и свой язык.

На юго-востоке Европы были очень сильны тюркские народности. Монголы и приняли их язык. В XIV веке в Золотой орде господствующие классы говорили уже по-турецки. Официальные грамоты ханов писались тоже на турецком языке.

Золотоордынские ханы сделали местом своего постоянного пребывания поселение недалеко от Астрахани и превратили его в город Сарай-Бату; другой город, основанный братом Бату, Берке, выстроен был на одном из рукавов Волги — Ахтубе — и носил название Сарай-Берке. В начале XIV

Бату, внук Чингис-хана, — завоеватель Руси в XIII веке.

Гос. исторический музей.

Сын и преемник Чингис-хана. XIII век.
Гос. исторический музей.

века столица была перенесена из Сарай-Бату в Сарай-Берке.

Выбор места на Волге для ханской ставки подсказан был значением этой реки и особенно ее нижнего течения. Здесь пролегал старый путь из Булгар, русских княжеств и Европы в Среднюю Азию и Монголию.

Кроме того Нижнее Поволжье для монголов представляло и ту выгоду, что оно, являясь местом удобным для пастбищ и кочевок, в то же время находилось в тесной и неразрывной связи с земледельческими районами, значение которых прекрасно знали монголы, всегда нуждавшиеся в хлебе. Постащиками хлеба для них были болгары и отчасти мордва, так как отсюда хлеб шел в орду самым коротким путем — по Волге.

Так татарский хан стал хозяином огромных пространств Восточной Европы. Татарские феодалы получили возможность эксплуатировать не только массу своих собственных непосредственных производителей, но и тех, кого они успели завоевать и подчинить себе. Эту форму господства татарской знати над народной массой и завоеванными странами Маркс назы-

вает кровавой грязью монгольского ига.

Оно, по словам Маркса, «продолжалось от 1257 по 1462 год», т. е. с момента переписи населения и до прекращения платежа дани татарам при Иване III Московском.

Власть хана по отношению к русским вассальным княжествам выражалась прежде всего в том, что эти последние должны были платить хану дань. Разрушение татарскими войсками городов-крепостей и размещение в разных местах завоеванной страны военных татарских отрядов гарантировали завоевателям повиновение населения. Князья в качестве зависимых от хана людей получали от него ярлыки на владение своими княжествами и этим еще раз подчеркивали свою покорность. Церковные феодалы оказались в таком же положении. И они признали над собой власть сюзерена — великого хана — и получали от него ярлыки и тарханы. Хан прекрасно оценивал роль церкви в феодальном обществе и делал все, чтобы склонить на свою сторону ее авторитет. Под условием, что церковь будет публично молиться за ханов и тем самым укреплять их власть в массах, враждебно настроенных к иноземным завоевателям, ханы освободили церковь от дани.

Кроме дани хан требовал от русского населения некоторых повинностей, без которых он не мог осуществлять своей власти. В ярлыке хана Менгу Тимура к российским митрополитам в 1270 году мы имеем довольно полный перечень этих повинностей, от которых освобождалось духовенство, но обязательных для всего населения: «...и не надобе им (духовенству. — Б. Г.) дань и тамга и поплужное, ни ям, ни подводы, ни воина, ни кормов»¹. В ярлыке хана Узбека митрополиту Петру в 1313 году этот перечень дополнен еще «мытом, мостовщиной и запрсами»².

Хан, стало быть, кроме дани, требовал и людей, «егда на службу нашу с наших улусов повелим рать собирать»³, всевозможных пошлин и натуральных трудовых повинностей.

¹ «Собрание государственных грамот и договоров» № 2.

² Там же, № 7, стр. 9.

³ Там же.

Постоянно князя возили в Орду ханам и их близким дорогостоящие подарки.

Все эти тяготы ложились тяжелым бременем, в конечном счете, на плечи крестьянства и городской трудовой массы. Отсюда делаются вполне понятными движения народных низов против гнета татарской власти и деятельная помощь русской знати татарам.

У нас имеются очень скудные письменные сведения о непосредственной эксплуатации татарами крестьян в завоеванных землях. Под 1241 годом в Ипатьевской летописи записано очень интересное сообщение о разорении Даниилом Романовичем Галицким Болоховской земли: Даниил, «пленив землю Болоховскую и пожег, оставили бо их татарове, да им орють пшеницу и проса. Даниил же на небольшую вражду держа, яко от татар большую надежду имаху».

В Новгороде в 1259 году поднялся «мятеж велик» против положения новгородцев в «число». Татарские баскаки испугались за свою жизнь и потребовали от князя Александра Невского «схраны»: «Дай нам сторожи, ать не избыют нас». «Чернь не хотеша дати числа», именно «чернь», потому что она по опыту знала, чем кончается распределение денежных повинностей.

Летописец новгородский тоже это знал и записал в своей летописи: «Творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло».

Через несколько лет, в 1262 году, такие же восстания повторялись в Ростове, Суздале и Ярославле. Составитель Лаврентьевской летописи совершенно открыто сочувствует восставшим. Он утверждает, что сам бог на стороне протестующих против «лютого томления басурменьского». Бог «вложил ярость в сердца крестьянам, не терпяще насилия поганых». «Человеколюбец бог послуша моления матерня, избави люди своя от великия беды». Собрались бурные веча и постановили изгнать их, и «выгнаша из городов: из Ростова, из Суздаля, из Ярославля» татарских откупщиков дани.

В то время когда народная масса выражала свой протест против невыносимого гнета, пришедшего к ним вместе с татарской властью, боярство

и князя помогают татарам, не без основания надеясь с их помощью сохранить и упрочить свое привилегированное положение.

В описании новгородских событий 1259 года это положение обрисовано совершенно четко: когда протестующий народ шумел «умрем честно за св. Софию и за дома ангельские», тогда, пишет летописец, «издвоишася люди: кто добрых, тот по св. Софии и по правой вере, и сотвориша супор». Новгородский летописец в данном случае сочувствует массам. Он восставших называет добрыми и противопоставляет их «вятшим», которые настаивали на покорности татарам и заставляли «ся яти меньшим по число».

Князя же, особенно крупные, сами обнаруживали покорность татарам и подданных своих принуждали к тому же.

В этом отношении особенно характерно поведение двух наиболее видных князей - современников: Александра Невского и Даниила Галицкого.

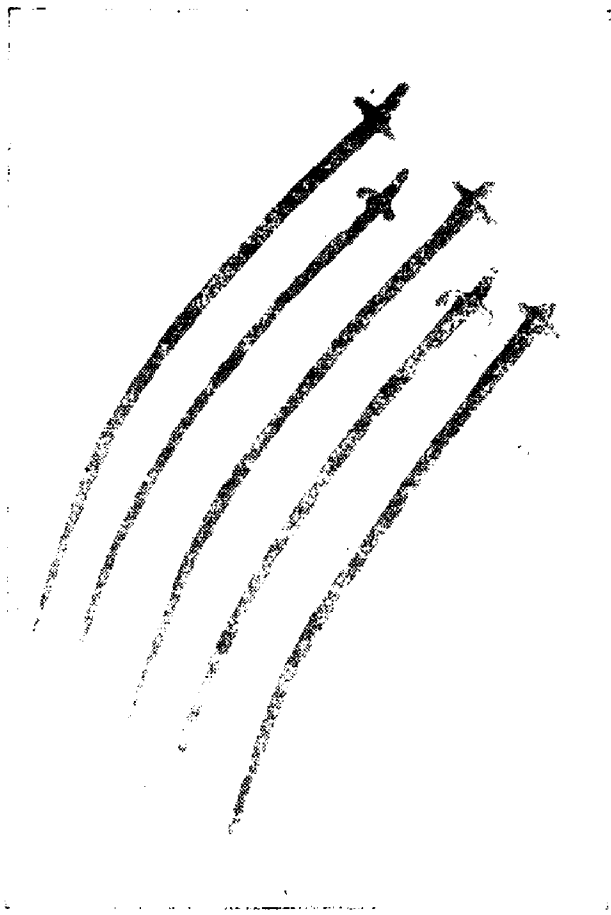
Победитель шведов и ливонских рыцарей, Александр Невский сам сопровождает татарских баскаков в Новгород, оберегает их жизнь, заставляет новгородцев признать власть ханскую и вложиться в «число».

Даниил Галицкий до 1250 года еще держался, надеясь с помощью Западной Европы отстоять независимость своей земли, но в этом году, по требованию Бату, и этот могущественный князь явился в Орду. «Данило! Чему еси давно не пришел?» — встретил его хан.

По этому поводу южный летописец размышляет «...Данилова Романовича князю бывшу велику, обладавшу русской землею, Киевом и Владимиром и Галичем... ныне сидит на колену и холопом называется, и дани хотять, живота не чаеть, и грозы приходять...»¹.

Князя, бояре, купечество, церковь сравнительно скоро нашли общий язык с татарской властью. Народная масса, на которую пала главная тяжесть золотоордынских даней и других повинностей, под натиском соединенных сил иноземных завоевателей и своих старых господ вынуждена была на время смириться.

¹ Ипатьевская летопись, стр. 536. 1871.

Сабли воинов Золотой орды.
Из кубанских курганов.

Но несмотря на внешне налаженные отношения антагонизм между побежденной страной и победителями устранен не был, и татары не могли освоить русскую землю, поскольку у них не хватало для этого сил и средств. Русь и Золотая орда не слились в один политический организм. Дальнейшее развитие России и Золотой орды пошло в разных, диаметрально противоположных направлениях.

Если в Золотой орде весьма заметно вызревали элементы распада, то среди русских княжеств в это же время шел энергичный процесс образования сильного национального государства. Именно «интересы обороны, — говорит товарищ Сталин об образовании Московского государства, — от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹.

Освобождение от власти золотоор-

¹ И. Сталин «Марксизм и национальный вопрос», стр. 13.

дынского хана осуществилось только во второй половине XV века, когда создано Московское государство.

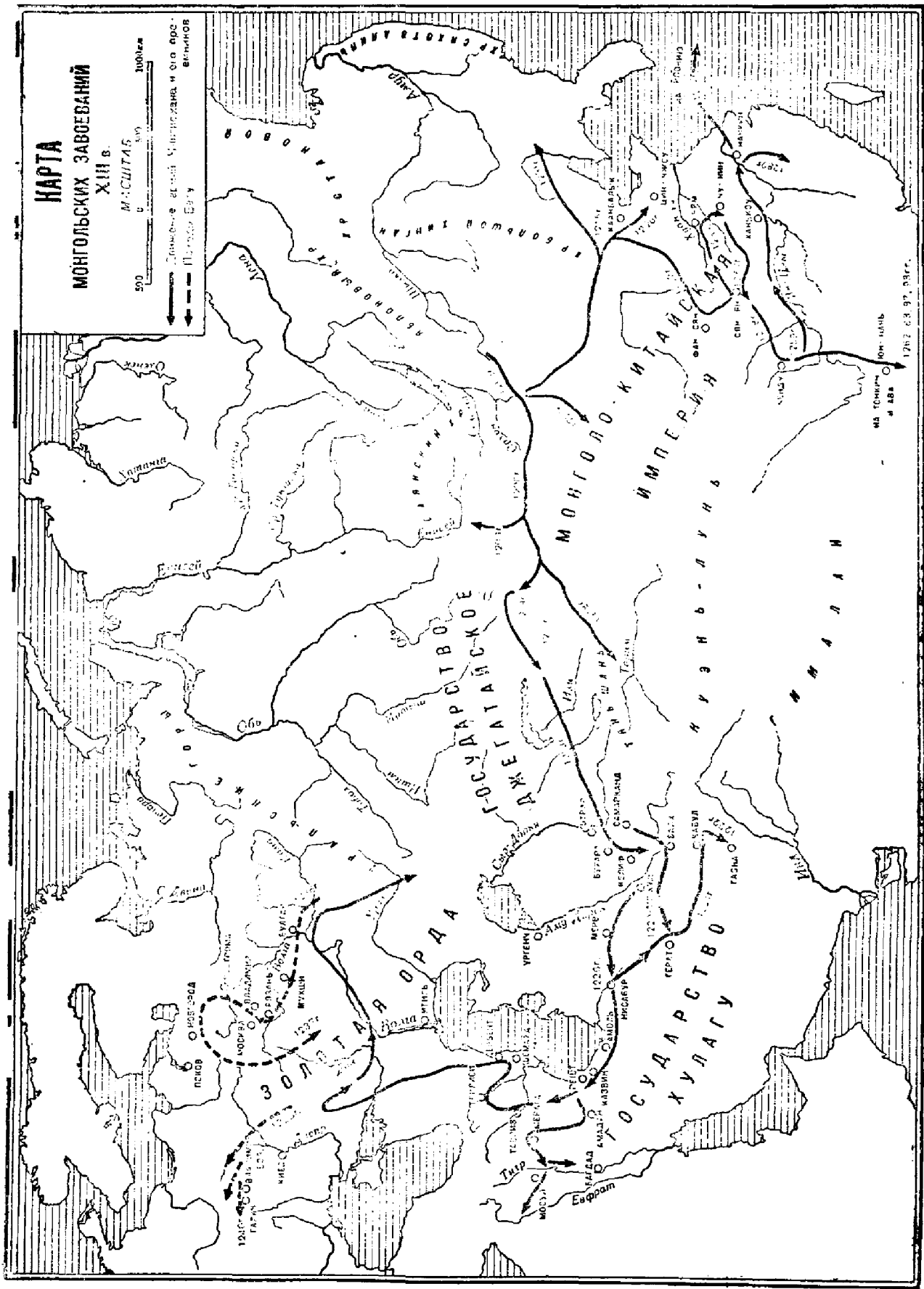
В исторической литературе мы можем встретить совершенно противоположные мнения по вопросу об оценке влияния татарского завоевания на историю русского народа.

Одни из историков не придают никакого значения этой власти и считают, что татары не оставили следа в истории русского народа или, во всяком случае, не больший след чем половцы (С. М. Соловьев); другие готовы даже признать положительную роль татар в истории России (М. Н. Покровский, М. С. Грушевский, отчасти В. О. Ключевский). Значительное число исследователей, признавая отрицательную роль ханской власти в истории России, подчеркивает некоторые положительные моменты в деятельности этой власти по отношению к отдельным сторонам общественной и политической жизни нашей страны.

Трудно согласиться с С. М. Соловьевым, во-первых, потому, что и половцы не прошли бесследно в истории России, а во-вторых, потому, что власть татарского хана не идет ни в какое сравнение с отношениями половцев к Киевскому государству, так как половцы не владели Русью в целом: им удалось в период феодальной раздробленности захватить только юго-восточную часть бывших киевских владений.

Столь же ошибочны и неприемлемы положения тех, кто видел во власти татарского хана прогрессивное явление. Ключевский исходит в своем мнении из того, что, не будь татарской власти, русская земля распалась бы на «лоскутья». Здесь у Ключевского видна явная недооценка факторов, действовавших в направлении сплочения раздробленных частей, отрицание прогрессивного процесса образования на новой экономической базе Московского государства, успехам которого не могли помешать даже татарские ханы.

М. Н. Покровский пришел к своему неправильному выводу другим путем. Совершенно ошибочно представляя себе Киевское государство как «городскую Русь» и считая, что «перегнива-

Монгольские завоевания в XIII веке.

Государственный исторический музей.

ние» ее в деревенскую есть момент прогрессивный, он и татарское завоевание считал прогрессивным, поскольку разрушение татарским войском городов способствовало победе деревенской Руси над городской.

Покровский видит прогрессивность нашествия татар в том, что они способствовали сложению удельной Руси. Ту разобщенность Руси, в результате которой русский народ в течение нескольких столетий находился под тягчайшим позорным игом, оторванный от западноевропейской культуры, Покровский рассматривает как прогрессивный этап в развитии нашей страны. Антиисторизм приводит Покровского к искажению действительной истории.

«Татарский погром,—говорит М. Н. Покровский,—одним ударом закончил тот процесс, который обозначился задолго до татар и возник в силу чисто местных экономических условий. Татарщина,—продолжает он,—шла не только по линии разложения старой Руси, а и по линии сложения Руси новой, удельно-московской». Оказывается, по Покровскому, что Москва многим обязана татарским ханам: они «организовали правильную систему раскладки (даней.—Б. Г.), которая намного веков пережила самих татар». «Московскому правительству впоследствии ничего не оставалось, как развивать далее татарскую систему, что оно и сделало». Вслед за этим автор уверяет нас, что «татары... внесли глубокие изменения и в социальные отношения»¹. Можно было бы еще прибавить несколько мыслей М. Н. Покровского в том же направлении.

Нетрудно, однако, показать, что эти соображения не выдерживают критики, так как решительно противоречат фактам и являются следствием совершенно неверного представления о процессе развития России в целом. «Городская Русь», и ее «разложение», и «удельно-московский» период — это совершенно необоснованные домыслы автора, отчасти навеянные Ключевским («городская Русь»), отчасти собственного изобретения.

¹ М. Н. Покровский «Русская история». Т. I, стр. 105—106. 1920.

Весь ход событий, изложенный нами выше, самым наглядным образом опровергает соображения Покровского и его последователей.

Некоторые исследователи признают положительное влияние ханской власти главным образом как силы, будто бы умерявшей княжеские усобицы и содействовавшей, в конечном счете, образованию централизованного государства (Костомаров, Бестужев-Рюмин, Платонов и др.). Сделалось так же обычным утверждение, что татары создали в России несколько полезных и культурных (?!) учреждений: ямы, перепись населения и т. д.

Попробуем все-таки пересмотреть эти ошибочные положения. Всякий, кто читал наши летописи, мог заметить, что татары лишь условно поддерживали единство власти, что они нередко сами принимали очень активное участие в «усобицах» русских князей, что не в их интересах было дать серьезно усилиться какому-либо из русских княжеств, и если на их глазах выросла Москва, то это произошло вопреки их интересам и помимо их воли: они не могли задержать этого мощного созидательного процесса, как не могли остановить и распада своего собственного государства. Возникновение и рост Московского государства не есть следствие татарского владычества.

Не следует преувеличивать и значение тех «нововведений», которые, по традиции, принято связывать с ханской деятельностью на Руси.

Мы видели, как расценивал значение ханского владычества Маркс. В его словах мы не найдем и тени признания прогрессивной роли этого владычества.

Очень ярко по этому поводу высказался в свое время и А. С. Пушкин: «татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля». Не следует, конечно, думать, что русский народ, ненавидя иго татарских ханов, также отрицательно относился ко всему татарскому народу.

В русских былинах весь пафос народного гнева направлен не против та-

тарского народа, а против татарского царя и его войска.

* * *

Скинуть с себя ярмо татарских завоевателей было всегда мечтой русского народа, мечтой, не раз претворяемой в действие. В 70-х годах XIV века московский князь уже довольно четко формулирует свои планы. Заставив подчиниться себе Тверь, этого своего старого соперника, московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской) в 1375 году диктует свою волю тверскому князю:

«А жити нам, брате, по сей грамоте: с татары оже будет нам мир, по думе; а будеть нам дати выход, по думе же; а будеть не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с единого всем противу их; или мы пойдем на них, и тебе с нами с единого пойти на них»¹.

¹ «Собрание государственных грамот и договоров» № 1, стр. 46—47 (разрядка наша. — Б. Г.).

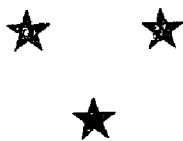
Это уже совсем не похоже на то, когда владимирский князь равнодушно взирал на гибель Рязани под ударом татарских полчищ.

Многое переменилось с тех пор. Время феодальной раздробленности подходило к концу. С Москвой уже считались даже и очень сильные соседи; о более слабых говорить не приходится.

А после Куликовской битвы те же мотивы облакаются в еще более конкретную форму: в договорной грамоте со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Донской прямо пишет: «А оже ны бог избавиг о свободит от Орды, ино мне два жеребья, а тебе треть» (договор 1388 года). «А ци переменит бог Орду, а не иму давати в Орду...» (договор 1389 года)².

Московское государство несмотря на противодействие Орды, энергично преодолевая препятствия, успешно накопляло силы для полной ликвидации ханской власти над собой.

² Там же, стр. 56, 63.

А. Шурьгин

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЛНЕНИЯ В ЯПОНСКИХ ИНТЕРВЕНТСКИХ ВОЙСКАХ (1918—1922 годы)

1

Одна из основных причин наших побед над интервентами заключалась в том, что гражданская война — война пролетариата и беднейшего крестьянства в союзе со средним крестьянством против международной и внутренней контрреволюции — проходила при поддержке международного пролетариата.

[Империалистические государства, бросившие свои силы для разгрома молодой Советской республики, жестоко просчитались в своих планах. Для капиталистических армий «почва, где совершилась Советская революция, оказалась очень опасной» (Ленин).

Несокрушимая сила Советской страны и международная солидарность пролетариата вынудили капиталистические правительства убрать свои войска с советской территории. «Это — наша первая и основная победа, потому что это не только военная и даже вовсе не военная победа, а победа на деле той международной солидарности трудящихся, во имя которой мы всю революцию начинали, указывая на которую, мы говорили, что, как бы много ни пришлось нам испытать, все эти жертвы сторицей окупятся развитием международной революции, которая неизбежна. Это проявилось в том, что в таком деле, где больше всего играют роль самые грубые и ма-

териальные факторы, в военном деле, мы победили Антанту тем, что отняли у нее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры»¹.]

Великая октябрьская социалистическая революция, вызвавшая революционный подъем в странах Запада и Востока, нашла яркое отражение и в революционном движении в интервентских войсках. Из истории гражданской войны нам известен целый ряд фактов, говорящих не только о сочувствии солдат экспедиционных войск Советам, но и об их активной борьбе против интервенции. В процессе гражданской войны в результате поражений, наносимых Красной армией и партизанскими отрядами, а также под влиянием коммунистической агитации и пропаганды отдельные части интервентской армии отказывались воевать против Советов, требовали возвращения на родину. В апреле 1919 года в Черном море французские моряки подняли восстание против интервентской политики французского правительства. Восстания солдат имели место и в английской армии на Севере, в чехословацкой и японской армиях, в Сибири и на Дальнем Востоке.

[Коммунистическая партия уделяла особое внимание работе среди экспедиционных войск. Именно благодаря этой работе удалось сломить интервентов; «путем агитации и пропаганды мы отняли у антанты ее собственные войска...» — писал Ленин.]

Капиталистические страны, начав интервенцию против Советской России, развернули среди своих солдат бешеную агитацию против большевиков и советской власти. Офицерство усиленно обрабатывало солдат, внушая им, что они посланы «спасать цивилизацию», спасать Россию от большевиков, якобы несущих гибель всему человечеству. Особенно усиленно все эти белогвардейские бредни распространялись со страниц многочисленных буржуазных газет, выходивших на Дальнем Востоке и обслуживавших преимущественно интервентские войска: японская газета «Владиво-Ниппо», английская «Владивосток—

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 595.

Дейли-ньюс», чешская «Дневник чехословака», американская «Здесь и там с 31-м пехотным» и др. Помимо этого среди солдат распространялись различные брошюры, наполненные клеветой на Советскую республику.

Дальневосточная организация большевиков, как и вся партия, вела большую революционную работу среди интервентских войск. [В марте 1919 года Всесибирская подпольная конференция РКП(б) с участием представителей Дальневосточной организации в качестве одной из важнейших задач поставила развертывание «агитации среди иностранных военных частей, находящихся в Сибири»]. В июне Дальневосточный комитет РКП(б) подтвердил это решение, указав местным партийным организациям, что «агитация среди иностранных войск и восточных народов должна занять одно из первых мест в работе организаций»¹.

В связи с трудностями проведения устной агитации упор был взят на письменную. Дальневосточный комитет РКП(б), а также местные партийные организации и отдельные партизанские отряды выпускали специальные обращения, листовки к иностранным солдатам на японском, английском и китайском языках. В листовках партийные организации разъясняли солдатам, кто такие большевики, чьи интересы защищает советская власть, за что борются Красная армия и партизаны. Разоблачая разбойничью политику капиталистических стран, стремящихся задушить пролетарскую революцию, партия призывала солдат прекратить борьбу с рабочими и крестьянами и стать на защиту Советской Республики.

2

Одной из основных сил, участвовавших в интервенции, был японский империализм, стремившийся захватить Советский Дальний Восток от Тихого океана до Байкала.

Для борьбы с Советской Россией японский империализм отправил на Дальний Восток крупные воинские силы. К 1 октября 1918 года, через несколько месяцев после высадки первого японского десанта, число солдат

¹ Дальневосточный партархив, ф. 29, оп. 101, д. 2.

в «японской экспедиционной армии Сибири» было доведено до 73 тысяч человек.

Политико-моральное состояние японской армии, не пережившей всех ужасов мировой империалистической войны, являлось сравнительно благоприятным, с точки зрения японской военщины.

Японская армия, как и всякая капиталистическая армия, являлась классово неоднородной: солдатская масса, в основном, состояла из крестьян, рабочих и мелкой буржуазии, в офицерские же кадры входили главным образом представители дворян, помещиков, буржуазии и кулачества.

Политическая обработка японских солдат была направлена на воспитание в них покорности монарху («солдат — слуга императора») и на разжигание великодержавного шовинизма. Японское командование внушало солдатам, что Япония является «великой», «избранной» страной, в которую должен войти и Дальневосточный край.

Солдатам прививалось враждебное чувство к большевикам и Советам. В специальных памятках, которыми снабжались солдаты, слово «большевик» являлось синонимом всего отрицательного.

Японская армия тщательно оберегалась от «опасных идей» большевизма. В этих целях практиковалась частая смена войск, находившихся на территории Дальневосточного края. Офицеры устанавливали строжайший контроль над жизнью солдата. Газеты и книги выписывались солдатами только с разрешения офицеров. Письма, посылаемые в Японию и получаемые оттуда, подвергались цензуре. Наряду с этим устанавливался суровый, казарменный режим. В японской экспедиционной армии был создан военный суд, а для поддержания «порядка» в частях к каждой дивизии прикомандировывались роты жандармерии.

Однако, как ни старалась японская военщина оградить своих солдат от «вредных и опасных идей», они проникали в армию и имели там немалое влияние.

После Октябрьской социалистической революции обострение классово-

борьбы и развитие революционного движения внутри Японии оказывали большое влияние на японскую армию.

По заявлению вождя японской компартии Сен-Катаяма, еще в начале интервенции «рисовые бунты» (август 1918 года) находили отклик «в среде солдат союзного отряда, отправляющегося в Сибирь под командой генерала Отани»¹.

В 1918 году японская компартия еще не оформилась, что значительно облегчило японскому правительству разгром «рисовых бунтов» и организацию интервенции в Сибири.

Но передовые слои японского народа вели активную борьбу против японской интервенции, вся тяжесть которой падала исключительно на плечи рабочих и крестьян (на интервенцию в Дальневосточный край японское правительство затратило свыше одного миллиарда иен).

Исполком социалистической группы Токио и Иокогамы в августе 1918 года заявил решительный протест против похода японского империализма на Советскую страну. В письме к «русским товарищам» говорилось: «В настоящий момент мы с негодованием относимся к посылке нашим правительством войск в Сибирь под тем или иным предлогом. Это, несомненно, послужит препятствием к свободному развитию нашей революции. Мы глубоко сожалеем о том, что не имеем силы предотвратить грозящей Вам со стороны нашего империалистического правительства опасности». Рабочие, обещая вести борьбу против своего правительства и японской интервенции, заявляли: «Вы можете быть вполне уверены, что красное знамя революции будет развеяться по всей Японии в недалеком будущем»².

Впоследствии ЦК компартии Японии выпустил воззвание, в котором писал: «С первого момента своего существования партия развертывала массовые выступления под лозунгом «Немедленный отзыв армии из Советской России» и энергично боролась против контрреволюционной войны микадо»³.

¹ Журнал «Пролетарская революция» № 2—3 за 1927 год.

² Газета «Дальневосточные известия» № 156 за 1918 год.

³ «Коммунистический интернационал» № 33 за 1932 год.

Гражданская война и большевистская агитация способствовали дальнейшему прояснению классового сознания японских солдат.

Подробности о революционном движении в экспедиционных частях на Дальнем Востоке пока похоронены в делах японской жандармерии и в штабах, но, по имеющимся у нас материалам, можно установить многочисленные случаи сочувствия японских солдат большевикам и Советам и активной борьбы японских солдат против интервенции.

3

В годы гражданской войны партизанские отряды, организованные большевиками, играли огромную роль в борьбе с интервентами. Отлично знакомые с местностью и ее особенностями, они наносили неожиданные и ощутительные удары белояпонским войскам. Борьба с партизанами в тяжелой обстановке, в суровых климатических условиях была крайне тяжелой для японской армии. Бесперывные налеты партизан изнуряли ее силы. Плохо вооруженные, полуголодные, дальневосточные партизаны били прекрасно вооруженную, сытую японскую регулярную армию.

В чудиновском, юхтинском, павловском, гошском и других боях с японцами дальневосточные партизаны вписали блестящие страницы в историю героической борьбы за Советы, за социализм.

В январе 1919 года партизаны около села Воскресеновки уничтожили японский карательный отряд в 150 человек. 17 февраля 1919 года около замки Виноградовых, вблизи села Ивановки, амурские партизаны разгромили японский отряд майора Хори, в котором из 500 человек в живых осталось 78. 26 февраля 1919 года в бою под Чудиновкой амурские партизаны целиком уничтожили японский батальон Танака. В этом бою партизаны захватили богатые трофеи: два орудия, два пулемета, около тысячи винтовок, столько же шуб и мундиров, около десяти возов снарядов и патронов, продовольствие и т. д. Крупные потери понесли японцы в юхтинском, гошском и других боях.

В 1919 году в одной Амурской об-

ласти японские войска потеряли около 3 тысяч солдат убитыми, ранеными и обмороженными. Дальневосточные партизаны на деле развенчали лживую легенду японской военщины о непобедимости японской армии.

По официальным данным, приведенным в газете «Дзи-дзи», японская армия за годы интервенции потеряла «убитыми свыше 2700 человек и умершими от болезней свыше 800 человек»¹. Эти цифры потерь преуменьшены: на самом деле они были гораздо выше. Японское осведомительное бюро сообщало, что только за год (с августа 1918 года по август 1919 года) от одних болезней умерло 500 солдат и офицеров². Большой процент падал на обмороженных и раненых солдат.

Тяжелые условия войны и чуждость ее целей вызывали среди японских солдат недовольство политикой правительства.

К ужасу японской военщины, непрерывно росли число дисциплинарных проступков и количество солдат, заподозренных в большевизме.

По сведениям газеты «Хоци», «число солдат, присужденных военным судом в Сибири к тюремному заключению, все время возрастает, не было еще случая, чтобы пароход, пришедший из Владивостока, не привез нескольких арестованных»³.

Дальневосточный комитет РКП(б) в 1919 году установил во Владивостоке связь с революционными группами японских солдат. Но незнание японского языка, отсутствие типографского японского шрифта значительно затрудняли ведение агитации. Несмотря на трудности, большевики, находясь в подполье, все же сумели организовать агитационную работу среди японских солдат (в основном эту работу вели корейские коммунисты и партизаны, знающие японский язык). В сводках приморской контрразведки в июле 1919 года отмечалось, что «бывший матрос П. Шевченко (большевик), служащий в артиллерийских мастерских на Чуркине, имеет связь с

японскими большевиками. Санитары японского Красного креста бывают у Шевченко и предлагают ему оружие»⁴.

В 1919 году городские партийные организации и партизанские штабы Дальневосточного края распространили среди японских солдат ряд листовок. В качестве агитационного момента были использованы случаи расстрелов японских солдат, заподозренных в большевизме.

Военно-полевой штаб 1-го района Рабоче-крестьянской армии Амурской области писал в листовке к японским солдатам: «Товарищи солдаты, японцы, вы обмануты своим монархическим правительством. Вы идете против своих же товарищей крестьян и рабочих... Вы сами, рабочие и крестьяне, работаете на буржуазный класс... Вы сами знаете, что ваши солдаты расстреливали в городе Благовещенске и других местах своих же солдат-японцев — большевиков, которые не хотели идти против и расстреливать российский трудовой народ. Честь и слава вашим товарищам — солдатам-японцам, павшим как честные борцы-социалисты за свободу и трудящийся рабочий класс»⁵.

Влияние большевистской агитации среди японских солдат росло с каждым годом. Несмотря на суровый режим в японской армии отдельные солдаты отказывались воевать против Советской республики и переходили к партизанам, как например тов. Сато и др.⁶.

В воззвании ЦК компартии Японии указывалось, что «тов. Сато и другие японские товарищи, вступившие в партизанские отряды в Сибири, бесстрашно вели пропаганду и агитацию против войны внутри японской армии и умерли славной смертью, защищая отечество мирового пролетариата. Эти героические подвиги наших това-

⁴ Дальневосточное краевое архивное управление, дело управления Владивостокской городской милиции. 1919 год.

⁵ Крайархив. Дело комитета обороны 1-го района Амурской области.

⁶ По словам тов. Губельмана, японский коммунист тов. Сато после перехода к партизанам проводил большую коммунистическую агитацию среди японских солдат экспедиционной армии. Тов. Сато умер и был похоронен 10 декабря 1922 года в Хабаровске.

¹ Цитируется по газете «Красное знамя» № 34 за 1922 год.

² Газета «Голос родины» № 151 за 1919 год.

³ Цитируется по газете «Дальневосточное обозрение» № 243 за 1919 год.

рищей стимулировали бунты сотен японских солдат (в числе их несколько офицеров), отказавшихся сражаться против Советской России и повернувших штыки против микадо»¹.

После занятия партизанами в феврале 1920 года некоторых городов Дальневосточного края агитация среди японских солдат приобрела широкий размах.

В феврале—марте 1920 года резко выросло число нарушений дисциплины японскими солдатами. В суражевском гарнизоне отдельные группы японских солдат срывали погоны, надевали красные банты и, приходя в партизанский клуб, заявляли, что они воевать с большевиками не хотят.

Газета «Красное знамя» от 19 февраля 1920 года сообщала, что «по линии Уссурийской железной дороги происходит настоящее братание между японскими солдатами и партизанами».

Тов. Постышев в своих воспоминаниях рассказывает о сценах братания японских солдат с партизанами в Хабаровске в феврале—марте 1920 года: «Наши партизаны стали помаленьку «снюхиваться» с японскими солдатами. Вот некоторые картины японо-партизанского братания. Японские солдаты собираются по два, по три человека, стараются сблизиться с нашими партизанами при каждом удобном случае. «Твоя бурсувику?» (т. е. «Ты большевик?») — спрашивает какой-нибудь японец. Наш кивает головой: «Да, бурсувику. Хочешь получить красный бантик? Если ты рабочий или трудящийся крестьянин,— говорят наши партизаны, раз'ясняя смысл жестами,— то и ты бурсувику, получай». Солдат-японец смеется, радостно пожимает руки партизанам, берет бантик и прикалывает его с обратной стороны на подкладку. «Моя не може, моя не може, сердита начарник», — тоже жестами старается об'яснить свои слова японец: японский солдат не может приколоть этот бантик на видное место, так как их носят наши партизаны»².

¹ Журнал «Коммунистический интернационал» № 33 за 1932 год.

² П. Постышев «Первый партизанский тунгусский отряд», стр. 32. Дальгиз. 1932.

Сношения японских солдат с партизанскими частями являлись серьезной опасностью для японского командования, так как солдаты заражались революционными настроениями.

Февральско-мартовские волнения (1920 год) среди японских солдат на Дальнем Востоке были неразрывно связаны с революционным движением в Японии, где в это время трудящиеся требовали всеобщего избирательного права и прекращения интервенции. Победы Красной армии и партизан усилили среди солдат недовольство интервенцией. В целом ряде японских частей вспыхнули волнения с требованиями отправки солдат на родину.

Председатель Приморского областного комитета РКП(б)³ тов. Губельман сообщал:

«В селе Яковлевка (Приморье) японские солдаты отказались выполнять распоряжения офицеров и вместо себя заставили стоять офицеров на карауле»⁴.

Газета «Правда» писала о положении в японских интервентских войсках:

«Патриотический угар японских солдат понемногу улетучивается. Они оказались также подверженными большевистской заразе. Наблюдаются случаи открытого перехода японских солдат на нашу сторону. 13 февраля перешла целая команда японского санитарного поезда. Такие случаи не единичны»⁵.

Волнения в японской армии имели место и на территории самой Японии. По сообщению газеты «Майници» от 12 марта 1920 года, в Иокосуке в начале марта группа солдат, недовольная чересчур суровой дисциплиной, ночью ворвалась в квартиру своего начальника, офицера, и избивала его.

В феврале 1920 года во Владивостоке происходил ряд арестов среди солдат японской армии, «подозреваемых в большевизме»⁶.

Газета «Начало», орган Никольск-

³ П. Постышев «Первый партизанский тунгусский отряд». Дальгиз. 1920.

⁴ Дальпартархив. Воспоминания тов. Губельмана.

⁵ Газета «Правда» от 21 февраля 1920 года.

⁶ «Народ» № 7 за 1920 год.

Уссурийского ревкома, в конце февраля 1920 года сообщила:

«На Первой речке японским командованием разоружена рота японских солдат вместе с офицерами. Очевидцы передают, что солдаты из разоруженной роты группами по десять человек, со связанными за спину руками, посажены на судно».

Газета «Красное знамя» от 28 февраля 1920 года комментирует этот факт: «Из источников, заслуживающих доверия, нам передают такую версию: «Тяжелые условия и незнание, за что проливается кровь в чужой стране, брожение в самой Японии, связанное с борьбой рабочих за всеобщее избирательное право и улучшение быта, изменили психологию японского солдата и сделали его ум доступным критике. Передают, что рота, о которой пишет «Начало», не исполнила приказа, срезала погоны и надела красные банты. Японцы всех «зараженных большевизмом» концентрируют в Корею».

Очевидно, это же событие нашло свое отражение в отчетных материалах первой амурской областной конференции РКП(б), где указывалось, что «на Первой речке взбунтовалось 500 японских солдат, выкинувших красный флаг».

Факт, описанный в «Красном знамени» от 31 марта 1920 года, также характеризует неустойчивость отдельных частей японской армии. «Нам сообщают,— пишет газета,— что на станции Бира осталось 25 японских солдат, не пожелавших возвратиться в Японию и вышедших из повиновения своему начальству. Японские власти хотели их арестовать, но попытки остались безуспешными».

Волнения среди японских солдат подавлялись самым жестоким образом, и сведения о них всячески скрывались. Известно, что в феврале—марте 1920 года в Спасске и Владивостоке японские солдаты, заподозренные в большевизме, живьем закапывались в землю.]

Насколько успешна была большевистская агитация среди японских солдат, можно заключить по требованиям японского командования во время мирных переговоров в марте 1920 года, в которых одним из глав-

ных пунктов стояло предложение прекратить коммунистическую пропаганду в японских частях.

Японское командование в этот период разоружило целые части и произвело большую «перегруппировку» в частях: ненадежные части были отправлены в Японию и заменены пехотой, набранной преимущественно из отсталых крестьянских слоев. Эта «перегруппировка» частей позволила японскому командованию организовать провокационное нападение на партизан в городах Приморской области 4—5 апреля 1920 года.

После поражения союзнической интервенции японский империализм удерживал за собой Дальний Восток до октября 1922 года, что стоило ему много жертв и денег.

4

Победоносное наступление Красной армии, рост мощи Советской страны, под'ем революционного движения внутри Японии и обострение противоречий между Японией и США вынудили Японию прекратить интервенцию.

С 1920 года все с большей силой развивалось движение трудящихся Японии против продолжения интервенции. Это движение находило отражение и в японской армии. Необходимо отметить, что в 1921—1922 годах японский империализм вел борьбу с Дальневосточным краем главным образом при помощи остатков колчаковской армии и белых банд: части японской экспедиционной армии в этот период мало участвовали в боевых действиях ввиду деморализации целых батальонов.

После событий 4—5 апреля 1920 года дальневосточная большевистская организация еще более усиливает коммунистическую пропаганду среди японских солдат. Для этой цели при Дальбюро ЦК РКП(б) и местных партийных комитетах были созданы иностранные отделы, сыгравшие огромную роль в проведении коммунистической агитации в японских частях.]

Например иностранный отдел Амурского областного комитета РКП(б) с 13 мая по 24 июля 1920 года выпустил 44 тысячи экземпляров различных воззваний и листовок на япон-

ском языке, распространявшихся в Приморье и Забайкалье.

Интересно привести названия листовок: 13 мая 1920 года издано «Воззвание по вопросу о цели приезда японских войск на Дальний Восток» — 10 тысяч экземпляров (в том числе для Забайкалья 5 тысяч); «Воззвание к японским солдатам от имени РКП(б)» — 5 тысяч экземпляров (в том числе для Забайкалья 2300); 4 июня 1920 года «От рабочих России» на тему «Кому нужна кровавая война» — 5 тысяч экземпляров (для Забайкалья 2300); 12 июня «О прекращении братоубийственной войны» — 5 тысяч экземпляров (для Забайкалья 2500); 3 июля «Воззвание, раскрывающее обман японской буржуазии» — 6 тысяч экземпляров (для Забайкалья 2500); 14 июля «От трудящихся России», посвященное истории революционного движения в России, — 8 тысяч экземпляров (для Забайкалья 3500); 24 июля «Советское правительство несет освобождение всему трудовому народу» — 5 тысяч экземпляров (для Забайкалья 2300)¹.

Иностраный отдел Приморского областного комитета РКП(б) с мая по июнь 1920 года выпустил следующие брошюры и листовки на японском языке: «Правда о большевиках», «Что такое рабочая партия», «Пауки и мухи», «Сказка о воде».

Была установлена тесная связь с матросами японского флота, через которых успешно распространялась агитационная литература.

Иностраный отдел Дальбюро ЦК РКП(б) за 1920—1922 годы выпустил на японском языке «Программу РКП(б)», «Конституцию РСФСР» и целый ряд брошюр и листовок, разоблачающих политику японского империализма.

Большим успехом среди японских солдат пользовалось воззвание японца Киочи Симбо, бывшего добровольца французского авиоотряда, бежавшего из германского плена в Россию и вступившего в ряды Красной армии. В своем обращении к японским солдатам Киочи Симбо разоблачал политику японского правительства, пытавшегося задушить революцию на Востоке, и призывал японских солдат к

борьбе: «Японский солдат, ты уже видишь правду, как тебя обманывают, не будь больше рабом, поверни свое оружие и вместе с японским рабочим направь его против тех, кто твой смертный враг, против микадо, против генералов и капиталистов, рука об руку с пролетариатом всего мира.

Смерть микадо, генералам и капиталистам!

Да здравствует японский рабочий, крестьянин и солдат!

Да здравствует победа всемирного пролетариата над всемирными угнетателями!»².

Революционное движение в японской экспедиционной армии имело место на протяжении всего периода японской интервенции, но особенно усилилось оно с 1920 года.

По сведениям газеты «Дальневосточная республика»: «В конце марта 1921 г. японскими жандармами был произведен обыск в одном из полков, расположенных во Владивостоке на Второй Речке. При обыске у японских солдат была обнаружена в большом количестве большевистская литература. Попытка жандармов произвести аресты потерпела неудачу. Солдаты, как один, взялись за оружие, и жандармы были вынуждены уйти ни с чем»³.

Тов. Катаяма в речи, произнесенной им 20 июня 1922 года на заседании Дальбюро ЦК РКП(б), указывал: «Японские пролетарии теперь уже узнали, к чему ведет политика правящих классов, им знаком и зверский разгром японскими императорскими войсками Амурской деревни Ивановки и обречение японским командованием на гибель своего японского гарнизона в Николаевске на Амуре, для создания предлога продолжения интервенции»⁴.

Даже по признанию японской печати, положение в японской армии в 1920—1922 годах было не особенно благополучным. Газета «Джапан кроникл» в 1920 году сообщала: «Генерал Мимицу говорит, что среди японских солдат в Сибири дисциплина падает

² Крайархив. «Разные бумаги комитета обороны 1-го района Амурской области». 1920.

³ Газета «ДВР» № 79 за 1920 год.

⁴ Фонд Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). 1922 г., д. № 26.

¹ Дальпартархив, ф. 16, оп. 17, д. № 35.

с каждым днем. Солдаты с большим пренебрежением относятся к своим заданиям и ведут себя далеко не превосходно. Подарки, посылаемые прежде японским народом, уменьшали военный бюджет и доставляли солдатам большое утешение. Теперь же сибирская экспедиция слишком непопулярна и японский народ не желает тратить денег для цели, которой не сочувствует. Народ отлично понимает, что война увеличивает долги, которые падают на его плечи. Он также отлично понимает, что это не оборонительная война и народ в ней не заинтересован»¹.

На первомайских демонстрациях в Японии (1920 год) японские рабочие требовали прекращения интервенции. В день отправки 11-й японской дивизии в Сибирь на пристани города Такамацу собрались большие толпы народа с требованием не отправлять солдат в Сибирь. Это движение, безусловно, находило отклик в рядах японских солдат.

Одним из примеров большевистского влияния в японских частях является следующий факт: в селе Беклемишево в августе 1920 года частями народно-революционной армии через крестьян производилась закупка табаку и папирос у японцев. «Когда японские солдаты узнали, что крестьяне покупают для большевиков, как они наших бойцов называли, то они послали нам в подарок ящик табаку и папирос, прося крестьян передать нашим солдатам, что японские солдаты драться с большевиками не хотят и чтобы большевики не сердились на японских солдат за прошлое»².

Гражданская война оказала огромное политическое влияние на японских солдат и японских трудящихся. В корреспонденции из Токио это влияние характеризуется так: «Прежде слепое отношение к общественному порядку и охраняющему его правительству сменилось отношением критическим, доходящим вплоть до полного признания коммунистических идей. Героическое сопротивление, которое Советская Россия оказывает в течение 3 лет, вызывает в уме даже

рядового японца неподдельное восхищение и преклонение перед титаническими усилиями русского трудового народа, гениальными организаторскими способностями его вождя Ленина. Ленин занял в уме японца из ряду вон выходящее положение как первоклассный политик и вождь»³.

Японский журналист в специальной статье для газеты «Красное знамя» писал о японских солдатах: «Когда они вернулись в свои губернии, то нашли там только прежние поля, больных детей да старых родителей. Там они увидели заживевших землевладельцев, жаждущих только арендной платы, да ростовщиков, вербующих солдатских сестер и жен в публичные дома в соседние города. На их плечи вместо ранцев и винтовок обрушилась целая куча хлопот и долгов. Теперь они ясно поняли, почему русские крестьяне—партизаны—были так сильны своей идеей: они умирали ради коммунизма»⁴.

Гражданская война родила среди японских солдат сотни новых коммунистов, революционеров, поднявшихся на войну против японского империализма, за власть Советов. «Японские солдаты, вернувшиеся из Сибири, дали верное освещение революции, прямым результатом чего было то, что эти солдаты часто становились во главе крестьянского движения»⁵, — писал Сен-Катаяма.

Японская военщина создает лживую легенду о непобедимости и монолитности японской армии, о необычайной преданности японского солдата императору.

Революционные волнения, разложение и деморализация японской армии во время интервенции на Дальнем Востоке в 1918—1922 годах являются серьезным уроком и грозным предостережением для японской военщины, готовящей захватническую империалистическую войну против Советского союза—социалистического отечества трудящихся всего мира.

³ Газета «Голос труда» № 189 за 1920 год.

⁴ Газета «Красное знамя» № 62 за 1922 год.

⁵ Журнал «Пролетарская революция» № 2—3 за 1927 год.

¹ Цитируем по газете «Красное знамя» № 120 за 1920 год.

² Газета «ДВР» № 69 за 1921 год.

ШПИОНАЖ И ДИВЕРСИИ ВО ВРЕМЕНА НАПОЛЕОНА I

«Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстоит дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I».

И. В. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 года).

В тот момент, когда генерал Наполеон Бонапарт посредством государственного переворота 18 брюмера (9—10 ноября 1799 года) захватил в свои руки политическую власть во Франции, французская республика находилась в состоянии войны со второй европейской коалицией. Душой этой коалиции, так же как и всех других, была Англия, буржуазно-помещичье правительство которой не жалело сил и средств, чтобы подорвать мощь Франции, своего старого соперника в борьбе за экономическую гегемонию в Европе. Англия стремилась лишить Францию сделанных ею в 1792—1797 годах завоеваний и низвести до уровня третьестепенной державы.

Буржуазная революция 1789—1794 годов, низвергшая феодально-абсолютистский порядок во Франции, заменившая в ней старые хозяйственные отношения новыми, более прогрессивными, капиталистическими, укрепившая ее материальную, в частности и военную, мощь, встретила решительного врага в лице господствующих классов Англии. Не менее враждебно встречена была французская революция правительствами других европейских государств: царской России, австрийской империи, прусской монархии и т. д., — опасавшихся распространения «революционной заразы» за пределы Франции и усиления ее международного влияния.

Все средства были пущены в ход, чтобы сломить Францию и восстановить в ней старый режим. Но революционная Франция вышла победительницей из борьбы с коалицией феодальных монархий Европы, организованной в 1792—1793 годах буржуазно-помещичьей Англией. Тогда, в 1798—1799 годах, при активнейшем участии как Англии, так и царской России создается новая антифранцузская коалиция, еще более грозная чем первая. Тем временем во Франции низвергнута была демократически-плебейская диктатура якобинцев 1793—1794 года и к власти пришла крупная буржуазия, сохранившая только те ре-

зультаты революции, которые были выгодны ей как господствующему классу. Изменился и характер войн, которые вела Франция: из революционных, освободительных они превращаются в завоевательные. Превращение это завершается в 1799 году — с приходом к власти Наполеона Бонапарта и установлением режима военной диктатуры. Но это превращение не только не устраняло опасности, угрожавшей со стороны Франции английской торговой гегемонии в Европе, австрийскому господству в Италии и влиянию царизма на западе и востоке, но еще во много раз усиливало эту опасность.

Враждебные наполеоновской Франции иностранные государства в борьбе с ней не брезгали никакими, даже самыми гнусными средствами, точно так же как раньше они не останавливались ни перед чем в своей борьбе с революционной Францией. Наряду с открытой военной борьбой на суше и на море, наряду с экономической блокадой и торговой контрабандой широко применялись и такие средства, как шпионаж, диверсии, вредительство — вплоть до террористических актов.

Главным организатором и руководителем шпионско-диверсионной деятельности агентов иностранных государств во Франции конца XVIII века и начала XIX было английское правительство, во главе которого стоял в качестве первого министра Питт (он занимал этот пост с 1783 по 1801 год и с 1803 до 1806 года). Не было в тогдашней Франции более ненавистного имени чем имя этого человека: «агенты Питта» — так называли французские патриоты того времени всех иностранных шпионов, заговорщиков и их сообщников внутри страны.

Действительно, основная масса шпионов и диверсантов, которыми кишела тогдашняя Франция, прибывала из Англии, состояла на содержании у английского правительства. Среди них были англичане, были и подданные других государств; но преобладали французы — преимущественно представители дворянской аристократии, эмигрировавшие из Франции во время революции. Ненавидя новые порядки, установившиеся во Франции после рево-

люции, эти люди готовы были на преступления ради восстановления своих утраченных поместий и замков, своих былых феодальных привилегий, своего прежнего политического господства и старой монархии Бурбонов. Ради этого они сражались против своей страны в рядах «католических и королевских армий» (так именовались белоэмигрантские отряды), в рядах войск Австрии и Пруссии, ради этого они занимались во Франции шпионажем, устраивали контрреволюционные заговоры и восстания. Во всем этом им усердно помогали тайные сторонники Бурбонов, притаившиеся внутри Франции и рекрутировавшиеся преимущественно из среды старой знати, из той ее части, которая не эмигрировала в годы революции и, утратив свои феодальные привилегии, сохранила свои замки. В глазах этих скрытых роялистов, гримировавшихся под лояльных сторонников нового строя, единственно «законным» повелителем Франции был брат последнего французского короля Людовика XVI, казненного во время революции, человек, самозванно именовавший себя «Людовиком XVIII, божьей милостью королем Франции и Наварры». Младший брат Людовика XVI, именовавшийся графом д'Артуа, жил в Лондоне и совместно с английским правительством направлял отсюда во Францию банды шпионов, диверсантов и террористов.

Одним из главарей этой банды был Жорж Кадудаль, сын зажиточного бретонского фермера, игравший руководящую роль в роялистском восстании в Вандее и в Бретани (область Западной Франции) в 1793—1796 годах. В 1796 году правительству французской республики удалось, наконец, подавить это восстание, главной опорой которого являлись темные, обманутые дворянами-роялистами и контрреволюционным духовенством крестьяне. Но в 1799 году, с образованием новой антифранцузской коалиции, это восстание разгорелось вновь. В 1799 году, как и в 1793, за спиной вандейских мятежников стояло английское правительство. Факты и документы, имеющиеся в распоряжении историка, не оставляют на этот счет никаких сомнений.

Ограничимся одним документом. Вот

Глава английского правительства министр Питт, руководитель системы противотранцузского шпионажа и диверсий. 1788—1806 гг. Французская карикатура.

что писал, например, 1 ноября 1799 года английский министр Уиндхэм упомянутому выше Кадудалю, «генералу католических и королевских армий, главнокомандующему короля Людовика XVIII в департаментах Морбиган, Финистер, Кот дю Нор и Иль-э-Вилен, кавалеру большого креста королевского военного ордена св. Людовика» (такой пышный титул носил этот английский диверсант): «Британское правительство ничего не пожалеет, чтобы поддержать ваши усилия наиболее действительным способом... все внимание и все средства правительства будут безусловно направлены к этой цели... Мы хотели бы знать, считаете ли вы возможным с ограниченными силами, например, с 10 или 12 тысячами человек, занять известные пункты и нанести некоторые удары (правительственным войскам. — А. М.). В случае, если ваших собственных сил окажется на первый раз недостаточно, правительство не откажется придти вам на помощь быстро и решительно... Радуюсь возможности сообщить вам, что я не один разделяю эти взгляды, что это — взгляды всех

лиц, стоящих в этот критический момент во главе английского кабинета»¹.

Обещания Уиндхэма были скоро исполнены. 25 ноября 1799 года английская эскадра в составе трех фрегатов и двух транспортных судов, находившихся под командой капитана Китса, причалила к французскому берегу, у устьев реки Вилены (в департаменте Морбиган), и выгрузила привезенные ею деньги и оружие: 30 тысяч ружей, 4 полевых орудия, 2 гаубицы и большой запас пороха; оружие это было тотчас же распределено между вандейскими инсургентами.

Переворот 18 брюмера, приведший к власти Наполеона Бонапарта, положил конец этому второму вандейскому восстанию. Часть роялистских отрядов была вскоре ликвидирована успешными действиями правительственных войск; некоторые из главрей сами распустили свои отряды, убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления; были и такие,

¹ «Georges Cadoudal et la chouannerie par son neveu Georges de Cadoudal», р. 438. Paris. 1887 (Pièces justificatives, № 66).

которые увидели в бонапартистском перевороте первый шаг к восстановлению Наполеоном монархии Бурбонов. Наконец — и это главное, — распад второй коалиции, после выхода из нее России, а затем и Австрии, 9 февраля 1801 года заключившей мир с Францией, сделал положение вандейских роялистов и их английских покровителей безнадежным.

19 января 1801 года Уиндхэм с горечью писал Кадудалю, что «полное прекращение внешней войны не оставляет больше никаких надежд на внутренние движения» и что «роялисты ничего не могут сделать ни сами по себе, ни с помощью одной Англии». За этим невольным признанием изолированности и бессилия роялистов внутри Франции следовал совет «держаться тихо» и по возможности сохранить свои кадры в ожидании более подходящего момента¹.

Совет этот был принят, и в 1801 году в Вандее наступило временное успокоение, а Жорж Кадудаль с пятьюдесятью своими офицерами перебрался в Лондон. Но ни он, ни английское правительство не отказались от новых диверсионных актов во Франции. В самом начале 1802 года французские военные власти арестовали нескольких «агентов Жоржа» — так именуются они в официальном донесении, — составивших план — взбунтовать гарнизон и население острова Бель-Иль (недалеко от берегов Бретани) и сдать его англичанам. А осенью следующего, 1803, года Кадудаль с группой сторонников тайком пробрался в Париж с намерением убить первого консула французской республики — Наполеона.

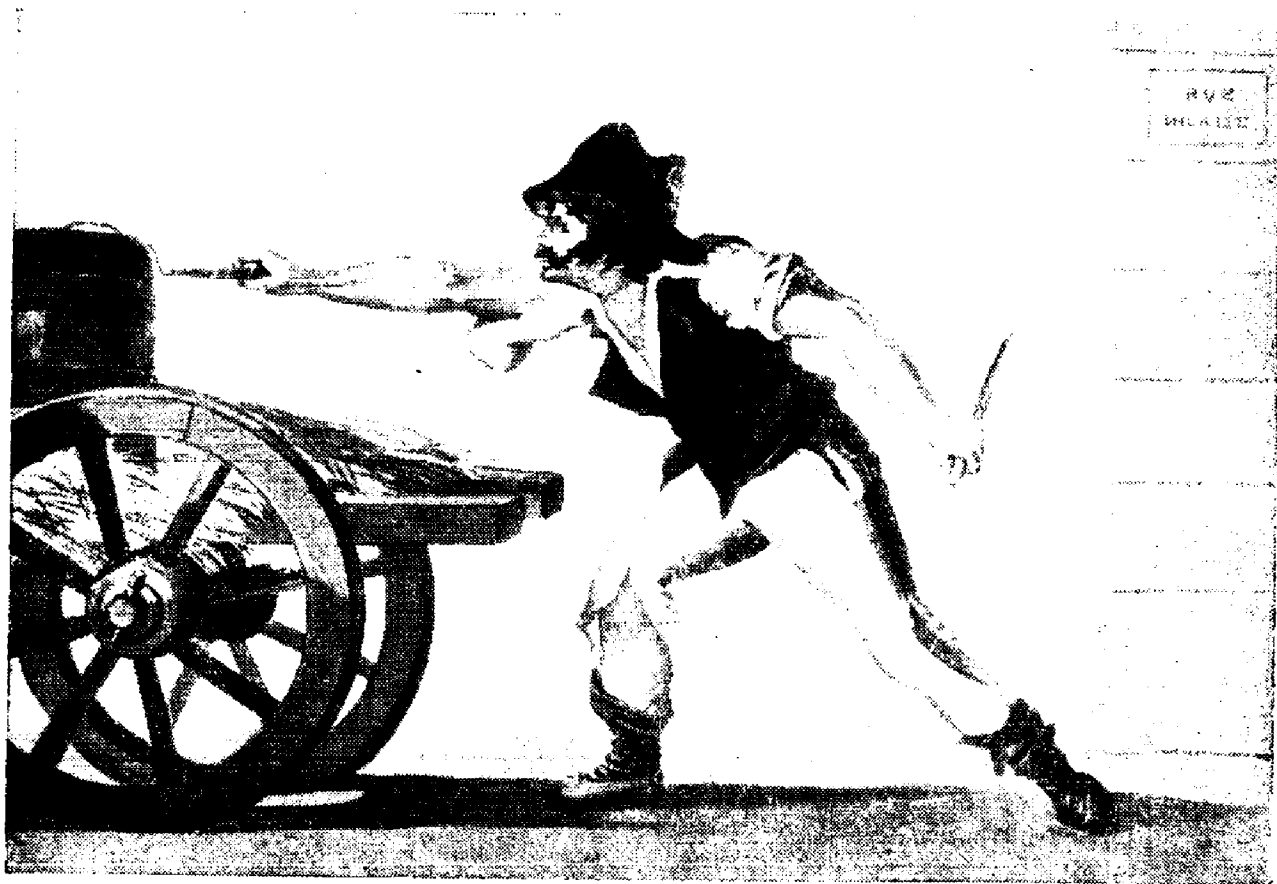
Это было не первое покушение на его жизнь, организованное «агентами Питта». За три года до того, 24 декабря 1800 года, группа роялистов совершила в Париже неудавшийся террористический акт против Наполеона. Покушение это было организовано несколькими бывшими шуанами, прибывшими из Англии, где они проживали после ликвидации вандей-

¹ «Georges Cadoudal et la chouannerie par son neveu Georges de Cadoudal», pp. 442—443. Paris. 1887 «Pièces justificatives» № 66).

ского мятежа. Это были: бретонский дворянин шевалье Пико де Лимоелан, другой дворянин, по фамилии де Сен-Режан, и слуга Лимоелана — Карбон. Чтобы замаскировать свои действительные цели, Лимоелан делал вид, будто он прибыл в Париж с единственным намерением — добиться восстановления своих гражданских прав и выхлопотать, чтобы его имя было вычеркнуто из списка эмигрантов. В письме к министру полиции от 3 декабря 1800 года, стало быть, за три недели до дня покушения, он двуручнически уверял его в своем полном подчинении наполеоновскому правительству. «Хотя, — писал он, — со мной не обошлись так, чтобы я должен был питать доверие к правительству, поскольку я еще не вычеркнут из списка (эмигрантов), что мне было раньше положительно обещано, я не настолько безумен, чтобы не видеть его (правительства) силы и, следовательно, конспирировать против него... Уверяю вас, гражданин министр, что я жажду лишь полного покоя и остаюсь в Париже только потому, что боюсь того, что не буду им пользоваться в Бретани»².

Покушение совершено было 24 декабря 1800 года, в семь с половиной часов вечера, на улице Сен-Никез, близ Тюильрийского дворца, в момент проезда Наполеона, направлявшегося с Жозефиной в Оперу. Первоначальный план — стрелять в первого консула из пистолетов — был оставлен, когда выяснилось, что он будет ехать в закрытой карете, окруженной конвоем. Решено было организовать взрыв большой бочки с порохом, поставленной на тележку и прикрытой занавесками. Но заговорщики опоздали: Сен-Режан поджег огнем своей трубки вставленный в бочку фитиль на несколько секунд позже, и «адская машина» (так именовали орудие покушения современники) взорвалась уже после того, как карета первого консула успела отъехать на некоторое расстояние от места взрыва. Но сила взрыва была так велика, что стекла в карете были разбиты, а сопровождавшие ее конные гренадеры были подброшены на седлах. Место,

² G. Lenôtre «Vieilles maisons, vieux papiers», p. 202. 3-me série, Paris. 1906.

Покушение роялистов на жизнь Наполеона 1 24 декабря 1800 г.

Современная французская карикатура.

где произошел взрыв, представляло ужасающую картину: дома с разбитыми стеклами, ставнями и вывесками, развороченная мостовая, опрокинутые фонарные столбы, изуродованные трупы (убито было 4 человека), стоны раненых и контуженных, которых насчитывалось около 60, отчаянные вопли людей, потерявших зрение, и страшный хохот тех, кто лишился рассудка. Среди пострадавших были и женщины и дети; девочка 14 лет, дочь уличной торговки, согласившаяся за 12 су подержать лошадь, запряженную в тележку, была разорвана на куски.

Монархические террористы, совершив свое черное дело и все же не достигнув своей цели, успели скрыться. Они нашли себе убежище у притаившихся в Париже тайных врагов нового строя: в аристократических особняках, в заброшенной церкви, в женском монастыре. Характерный штрих: чтобы отвести от себя всякое подозрение, обитательницы монастыря, в котором в течение целого месяца укрывался Карбон, устраивали благодарственные молебны в честь спасения жизни первого консула. Из трех главных заговорщиков аресто-

ваны были после долгих поисков только два; третьему — Лимоелану — удалось скрыться.

Душой всех дальнейших заговоров против Наполеона продолжало оставаться английское правительство, члены которого нередко принимали личное участие в вербовке шпионов, диверсантов и террористов, направлявшихся во Францию¹. «Что сказать о правительстве, существование которого зависит от одного pistolетного выстрела?» — цинично вопрошал при этом Питт французского дипломатического представителя Отто, прибывшего в Лондон после подписания амьенского мира (в 1802 году). «Что приходится думать о правительстве, которое подсылает ко мне убийц?» — спрашивал со своей стороны Наполеон прибывшего в Париж лидера английской парламентской оппозиции Фокса².

¹ E. Daudet «La police et les chouans sous le consulat et l'empire (1800—1815)», p. 25. Paris. 1895.

² «Témoignages historiques de quinze ans de haute police sous Napoléon, par M. Desmarest, chef de cette partie pendant le consulat et l'empire», p. 4. Paris. 1833.

После разрыва амьенского мира, оказавшегося только короткой (на один год) передышкой в 22-летней борьбе между Англией и Францией, борьбе, начавшейся в 1793 году и закончившейся только в 1815, шпионско-диверсионная деятельность английских эмиссаров во Франции приобретает новый размах. В Париже создается секретное агентство, поддерживающее систематическую связь с Лондоном и ведущее шпионскую работу как в столице, так и в ряде других городов, в пунктах, имеющих стратегическое значение. Во главе этой организации стояли аббат Ратель, по прозвищу Монах, получавший от английского правительства субсидию в размере 360 фунтов стерлингов в год (не считая единовременного пособия, выданного ему в 1803 году в размере 1800 фунтов). Он жил в Булони — центре сосредоточения французских войск, предназначенных Наполеоном для высадки в Англии. Выслеженный вскоре полицией, «святой отец» поспешил бежать в Лондон, где и обосновался в роли главного инструктора находившихся во Франции шпионов. Его место в Булони занял бывший священник Леклер-Буавалон.

Другой агент находился в Бресте, важном торговом порту. В самом Париже оставался секретарь Леклера, с помощью которого шпионской организации удалось завербовать одного видного чиновника военного министерства и другого, еще более видного, в морском министерстве. При содействии этих лиц удалось раздобыть секретные военные сведения большой важности (чиновнику, доставившему эти сведения, уплачено было 3600 франков). Полученные таким путем сведения были, конечно, тотчас же пересланы в Англию. Но вскоре булонская полиция нашла след Леклера, которому пришлось спешно перебраться в Аббевилль. Здесь он был выдан полиции одним из своих сотрудников, однако ему удалось скрыться за границу, где он продолжал заниматься шпионажем в пользу Англии.

Описанная организация была далеко не единственной шпионской группой, действовавшей в это время во Фран-

ции. Аналогичная группа существовала в Бордо, среди крупной буржуазии которого было немало элементов, недовольных наполеоновской политикой.

Агенты иностранных государств проникали и в тайники французских дипломатических миссий за границей. На этом поприще подвизался, например, «знаменитый» граф д'Антрэг, французский аристократ, эмигрировавший в начале революции и служивший одновременно и Австрии, и России, и Англии, правительства которых щедро оплачивали его услуги.

Через своего друга Позюеля, секретаря французского посольства в Вене в 1802 году, д'Антрэг получил доступ ко всей переписке этого посольства. Из Дрездена, где он провел четыре года (1802—1806), он продолжал поддерживать связи с Веной, откуда его информировал Позюель, и находился благодаря этому в курсе всей переписки французских представителей в Вене и в Берлине со своим правительством. В Ганновере д'Антрэгу удалось ввести своих агентов в главный штаб французских оккупационных войск. В Дрездене через сотрудников французской миссии он получил возможность систематически знакомиться с перепиской, которую эта последняя вела с Веной и с Парижем. В самом Париже у д'Антрэга имелось два постоянных информатора, которых в своих письмах к князю Адаму Чарторыйскому, тогдашнему царскому министру иностранных дел, он обозначает словами друг (ami) и подруга (amie). Эти «друзья» принадлежали к старой французской аристократии и занимали видное положение в высших кругах парижского общества. «Он» был близок к Талейрану и вообще к руководителям ведомства внешней политики и широко использовал эти свои связи, копируя, а то и выкрадывая секретные документы. «Она» имела доступ ко двору первого консула, а затем императора Наполеона. Оба информатора остались неразоблаченными. В 1804 году «друг» умер; его сын продолжал, по примеру отца, переписываться с д'Антрэгом (и одновременно с английским статс-секретарем Гаммондом), пока война

Покوشение на жизнь Наполеона I. Взрыв «адской машины» в Париже 24 декабря 1800 г.

1805 года с третьей коалицией не оборвала этой переписки.

Копии документов и секретные сведения, добытые таким путем, регулярно пересылались в Петербург и отчасти в Лондон. Среди них бывали и сведения военного характера — о численности и расположении французских войск. Сведения эти добывались, между прочим, через двух братьев Симон, из коих один служил в военном министерстве, а другой — в ведомстве иностранных дел.

Не брезгали заниматься по «совместительству» шпионско-диверсионной «работой» и английские дипломаты: Дрэк — в Мюнхене, Спенсер Смит — в Штутгарте, Тейлор — в Дармштадте, Фрер — в Мадриде и ряд других. В 1803 году наполеоновской полиции удалось приставить к представителям Англии в Мюнхене и в Штутгарте двух своих агентов, которые сумели втереться в доверие обоим дипломатам и раскрыть их шпионско-диверсионную работу. Операция эта была проделана весьма ловко. К Дрэку был подослан человек по фамилии Мегэ де ла Туш, для которого Наполеон сам составил соответствующие инструкции. Руководствуясь ими, Мегэ де ла Туш представился Дрэку как жертва первого консула и как его личный враг и быстро завоевал доверие ан-

глийского дипломата рассказами о своих мнимых связях при консульском дворе и своим предложением выкрасть за соответствующее вознаграждение из кабинета Наполеона секретные сведения военного характера.

Дрэк попался в расставленную ему ловушку, выдал наполеоновскому агенту 200 тысяч франков (для несуществующего роялистского комитета в Париже) и вручил ему десяток писем, содержащих инструкции английским диверсантам во Франции. Сэр Дрэк рекомендовал своим агентам обратить особенное внимание на вербовку себе сторонников в армии, без участия которых «желанная перемена» (читай: свержение Наполеона) невозможна. В другом письме (от 9 декабря 1803 года) он цинично заявлял: «Не так уж важно, кто сразит зверя (т. е. Наполеона.—А. М.); достаточно, чтоб вы были готовы принять участие в охоте»¹.

Письма эти были, конечно, тотчас же пересланы Мегэ в Париж: таким путем правительство Наполеона узнало о существовании группы диверсантов, замышлявших захватить крепость Гюнинг и город Безансон на восточной границе Франции.

¹ Arthur Levy «Napoléon et la paix», pp. 196—199. Paris, 1902.

В это время англо-роялистские диверсанты готовили новое покушение на Наполеона. В августе 1803 года английский катер, находившийся под командой капитана Уайта, доставил к западным берегам Франции группу террористов во главе с Кадудалем. Бывший предводитель бретонских шуанов направлялся во Францию с целью убить первого консула; перед своим отъездом из Лондона он имел свидание с Питтом, вручившим ему от имени английского правительства миллион франков (в банкнотах). Сеть явочных квартир роялистов, раскинутая на всем пути от нормандского побережья до столицы, позволила Кадудалю и членам его банды благополучно добраться до Парижа.

Полиция не сразу напала на след заговорщиков, которые маленькими группами, по два — три человека, постепенно пробирались в Париж. Главные участники заговора прибыли лишь в январе 1804 года. Это были: бывший республиканский генерал Пишегрю, бежавший в Англию из ссылки, в которую он был отправлен в 1797 году за участие в монархическом заговоре; уполномоченный Бурбонов маркиз де Ривьер и два сына видного эмигранта, с 1789 года проживавшего в Петербурге, — герцога Полиньяка — Арман и Жюль. К заговору привлечен был и видный республиканский генерал Моро, завидовавший Наполеону и отказывавшийся служить ему; впрочем, активного участия в заговоре он не принимал, не желая помогать реставрации Бурбонов.

Организовать покушение не удалось: роялистские заговорщики были выслежены и один за другим арестованы полицией. За исключением Пишегрю, который был 6 апреля найден мертвым в тюрьме (до сих пор не выяснено, было ли это убийством или самоубийством), все они были преданы суду по обвинению в заговоре против безопасности государства и в подстрекательстве к гражданской войне 25 июля 1804 года. 12 обвиняемых (из 41), в том числе Кадудаль, были казнены.

Репрессиями против непосредственных участников англо-роялистской террористической группы дело не ограничилось. В ночь на 18 марта 1804

года, по приказу Наполеона, в замке Эстенхейм, близ Страсбурга, на территории великого герцогства Баденского, был арестован герцог Энгийенский, член династии Бурбонов; он был увезен в Париж и 21 марта расстрелян по приговору военного суда. Непосредственного участия в заговоре Кадудалья этот принц не принимал, но он участвовал в вооруженной борьбе французских белоэмигрантов против своей родины и был тесно связан с английским правительством и его агентами во Франции.

Этот акт наполеоновского правительства, приведший в трепет всех роялистских заговорщиков и иностранных диверсантов, не приостановил все же организации новых покушений на жизнь первого консула, вскоре после этого, 18 мая 1804 года, принявшего титул императора французов. В том же, 1804 году французская полиция напала на след двух английских агентов, братьев Даниэля и Чарльза Тома, уличенных в подготовке террористического акта против Наполеона и в намерении поднять во Франции мятеж против императорского правительства. Оба диверсанта были арестованы; при этом выяснилось, что они поддерживали тесную связь с британским консулом в Касселе — Тейлором.

Другое покушение на жизнь Наполеона удалось предотвратить в 1806 году. Оно готовилось двумя английскими агентами, французами по происхождению, по фамилии Лесэмпль и Драноб. При обыске у Лесэмпля были найдены три сфабрикованных им паспорта. Этот человек совмещал в себе фальшивомонетчика, шпиона и террориста. Покушение удалось предотвратить благодаря тому, что Драноб, выслеженный французской полицией и поссорившийся со своим сообщником еще перед отъездом из Англии, выдал его, надеясь этим облегчить свою участь. Оба террориста были арестованы в Гамбурге, отправлены во Францию и там расстреляны.

2

В эти и последующие годы Франция и особенно прилегающие к ней государства буквально кишели английскими, русскими, австрийскими и прус-

скими шпионами и диверсантами. Но и наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей: переписка Наполеона со своими министрами и советниками изобилует замечаниями и распоряжениями по поводу борьбы с иностранным шпионажем и организации французской контрразведки¹.

У знаменитого Фуше, министра наполеоновской полиции, всюду и везде были свои тайные агенты: в Берлине и в Гамбурге, в Вене и в Риме, в Лондоне и в Нью-Йорке.

Среди наполеоновских шпионов были самые различные люди; нередко между ними встречались бывшие шуаны и вандейцы, которые оказывались особенно полезны благодаря их старым связям с враждебным Наполеону лагерем. Но и лица, занимавшие дипломатические посты за границей, не гнушались шпионской деятельностью. Примером может служить Бурьенн, французский поверенный в делах в Гамбурге; под прикрытием своего дипломатического звания он являлся сотрудником министерства полиции в гораздо большей степени чем министерства иностранных дел. «Глава универсальной системы шпионажа в Северной Германии, он следит особенно за Альтоной, датским предместьем Гамбурга, ставшим, по выражению самого Бурьенна, сборным пунктом всех бандитов, всех воров, всех банкротов, а также всех озлобленных эмигрантов, всех активных агентов Георга III и графа де Лилля (псевдоним Людовика XVIII)... Но он был не только местным, гамбургским наблюдателем: поддерживая связи с портом, с банками, с торговыми домами, он был в центре информации, поступавшей со всех концов Европы; он разоблачал происки Стокгольма, Петербурга, Берлина, Франкфурта и Лондона»².

В своих мемуарах Бурьенн рассказывает, как велика была лежавшая на

¹ «Correspondance de Napoléon», t. VIII, pp. 386—544; t. IX, pp. 9—173, а также «Lettres inédites de Napoléon I», t. I—II. Paris 1897.

² L. Madelin «Fouché» (1759—1820). t. I, pp. 476—477. Paris. 1926. Автор пользовался неизданной, хранящейся в парижском Национальном архиве перепиской Бурьенна с министерством полиции.

нем «нагрузка»: «Я должен был следить за эмигрантами в Альтоне, что было делом нелегким, почти ежедневно писать министру иностранных дел и министру полиции, сноситься с иностранными дипломатическими представителями в Гамбурге, поддерживать постоянную связь с командованием французской армии (в оккупированном ею Ганновере. — А. М.), расспрашивать моих секретных агентов, следить за ними и т. д.»³.

Особенно большую деятельность разведывательного характера развил этот французский дипломат в 1805 году, перед началом войны Франции с третьей коалицией (Англия, Россия, Австрия, Швеция, Неаполь). Его шпионы следили за продвижением русской армии, и их донесения тотчас же пересылались в Париж; один из них направлен был в порты Любек и Штеттин — «для наблюдений за Балтикой», как выражается Бурьенн. Его агенты отправлялись из Гамбурга, снабженные всякого рода рекомендательными письмами, рассчитанными на то, чтобы замаскировать их подлинную миссию и спасти их от возможных неприятностей.

Услугами шпионов пользовался и маршал Бернадотт, командующий французскими войсками в Ганновере. Среди его агентов было два ирландца — Дернин и Мак-Магон; последний разоблачен был вскоре Бурьенном как человек, состоявший на секретной службе у английского правительства, что не мешало ему одновременно получать ежемесячный оклад в размере 400 франков от Бернадотта.

Среди шпионов английского правительства, подвизавшихся в это время в Северной Германии, был некий граф де ла Рок, французский аристократ из белоэмигрантов, находившийся на службе у английского консула в Гамбурге Никольса и получавший от него 14 луидоров в месяц. Тщетно добивались французские власти ареста де ла Рока или хотя бы его высылки из Гамбурга: этот «достойный» предок нынешнего главаря французских фашистов (полковника графа де ла Ро-

³ «Mémoires de M. de Bourrienne, ministre d'Etat, sur Napoléon, le directoire, le consulat, l'empire et la restauration» t. VI, p. 218. Stuttgart. 1829.

ка) укрылся за свое новое звание «гражданина вольного города Гамбурга», делавшее его неуязвимым¹.

Впрочем, наполеоновское правительство и его агенты обычно не очень считались с неприкосновенностью иностранной территории и иностранных подданных. В октябре 1804 года, по приказу Наполеона, был арестован и препровожден в Париж английский консул в Гамбурге Рэмбольд, незадолго до того поселившийся на правом берегу реки Эльбы с явной целью шпионить за расположенными на противоположном берегу войсками маршала Бернадотта (переписка двух агентов Рэмбольда, арестованных французской полицией, не оставляла никаких сомнений в том, что он занимается шпионажем). Через несколько дней, однако, он был освобожден из тюрьмы по требованию прусского короля, которое Наполеон поспешил удовлетворить, не желая обострять отношений с Берлином накануне войны с третьей коалицией.

В январе 1806 года умер Питт, но его смерть несколько не ослабила ожесточенной борьбы Англии против наполеоновской Франции: преемники Питта: Гренвилль, Уэльслей, Кэстлри, Каннинг и др. — продолжают эту борьбу с тем же упорством и с той же неразборчивостью в средствах, среди которых основное место по-прежнему занимает шпионско-диверсионная работа. Одной из главных опорных баз этой последней являлся остров Джерсей, расположенный близ входа в Ламанш, в нескольких часах езды от берегов Франции. Близость Англии, с одной стороны, и Нормандии — с другой, делала этот британский островок, находившийся под управлением британского офицера, французского эмигранта принца Филиппа Бульонского, весьма удобным пунктом для сношений между агентами Бурбонов в Англии и роялистами Северозападной и Западной Франции. Через Джерсей (а отчасти и через соседний британский остров Гернсей) шла почти вся секретная переписка, направлявшаяся во Францию главным

уполномоченным Бурбонов в Англии графом де Пюизэ; отсюда же перебрасывались во Францию англо-роялистские шпионы и диверсанты. Они вели враждебную наполеоновскому правительству агитацию; организовывали вооруженные банды, которые нападали на дилижансы, грабили почту и государственную казну; укрывали дезертиров и отбивали их у жандармов; сеяли слухи о предстоящей якобы высадке английских и русских войск. С 1807 года этот политический бандитизм и диверсии приняли довольно широкие размеры в Нормандии и Бретани, где имелось немало скрытых роялистов и где еще живы были традиции «шуанства» конца XVIII века.

Министерство полиции, руководимое Фуше, а затем Савари, вело упорную борьбу с этими элементами и с помощью своих агентов систематически вылавливало их. Полиция перехватывала сотни и тысячи писем, адресованных из Англии во Францию, вела тщательную слежку за обитателями аристократических особняков Сен-Жерменского предместья Парижа.

Особенно систематическое наблюдение велось в Западной Франции, в районе деятельности бывших шуанов. «Кто шуанил, будет шуанить» (*qui a chouanné, chouannera*) — таков был принцип Фуше, и, руководствуясь им, он берет на учет кадры бывших активных вандейцев, их родственников и друзей, посредников, проводников, хозяев явочных квартир и тому подобных лиц, подозрительных по своему прошлому поведению. Эта картотека, насчитывающая 1000 — 1200 личных карточек, содержащих биографические данные, дополнялась тем, что Фуше называл «своим атласом», или «шуанской топографией»: здесь сосредоточены были данные о местностях наибольшего влияния шуанов, о местах высадки англо-роялистских агентов, о дорогах, которыми они пробирались, о замках и хижинах, в которых они находили приют, о лесах, в которых они собирали свои банды².

Факты показывают, что Фуше был прав, считая, что именно старые кадры шуанов представляли наибольшую опасность, что именно эта среда по-

¹ «Mémoires de M. de Bourrienne, ministre d'Etat sur Napoléon, le directoire, le consulat, l'empire et la restauration». V. VI, pp. 175—176. Stuttgart. 1829.

² L. Madelin «Fouché». t. I, pp. 495—496.

Французские белоэмигранты получают военную поддержку от европейских монархических государств. Французская карикатура XVIII века.

ставляет и будет поставлять людей для шпионской и диверсионной работы в пользу роялистов и англичан. Наибольшую поддержку эти люди находили, как и следовало ожидать, в дворянских замках, среди представителей помещичьей аристократии, разбитой, но не сломанной в годы буржуазной революции и питавшей к императорскому режиму, несмотря на все уступки и авансы со стороны Наполеона, чувства, далеко не доброжелательные.

Чтобы раз навсегда очистить запад Франции от кишевших здесь роялистских групп, дважды — в 1806 — 1807 и в 1809 годах — была применена система так называемых летучих лагерей (соответствующие департаменты были наводнены воинскими частями, избородившими их во всех направлениях).

Энергичные меры наполеоновского правительства обеспечили ему значительный успех. «Все предприятия шуанов рушились одно за другим; эмисары, которых направляло во Францию агентство с Джерсея, погибали на эшафоте или под пулями. За один только двухлетний период, с сентября 1807 по сентябрь 1809 г., казнено было 26 шуанов»¹. Множество других

отбывало длительное заключение в тюрьме.

В 1809 году был задержан и расстрелян Арман де Шатобриан, двоюродный брат знаменитого писателя-роялиста, совершивший 25 высадок во Францию в диверсионных целях.

В 1807 году министерству полиции удалось обманым путем заманить в Париж племянника видного агента Бурбонов Фош-Борея, Шарля Вителя, офицера английской службы, родом из Швейцарии. Посредником в этом деле, организовавшим ловушку, в которую попал Витель, был некий Перле, секретный агент Фуше, выдававший себя за уполномоченного несуществующего «роялистского комитета» в Париже и сумевший несколькими мелкими услугами шпионского характера (он переслал, например, в Лондон список всех политических заключенных в парижской тюрьме Тампль) внушить к себе доверие агентам Бурбонов и английского правительства. В своих письмах в Лондон Перле уверял Фош-Борея, а через него английский кабинет в том, что в Париже зреет заговор против Наполеона, в пользу Бурбонов и что в этом заговоре участвует ряд видных сановников империи, маршалов, сенаторов, в том числе и Фуше. Фош-Борель поверил этим сообщениям и убедил английских мини-

¹ E. Daudet «La police et les chenans sous le consulat et l'empire (1800—1815)», p. 323. Paris. 1895.

стров отправить в Париж доверенного человека для личных переговоров с Перле и «роялистским комитетом». Шарль Витель предложил свои услуги.

В феврале 1807 года он явился в Париж с письмом на имя Фуше и с поручением подготовить почву для прибытия двух других агентов английского правительства, которые должны были руководить мнимым заговором. Перле, в доме которого остановился Витель, не возбудил к себе никаких подозрений с его стороны и вскоре выведал у него все подробности возложенного на него поручения. Все, что он узнавал у него, он регулярно сообщал главному инспектору полиции Вейра. Так, 1 марта 1807 года Перле писал ему: «Г-н Витель, офицер, состоящий на службе у английской Ост-Индской компании, племянник братьев Фош, прислан ко мне непосредственно лордом Гоуэк, министром иностранных дел Англии, чтобы передать мне, что совместно с русским императором приняты все меры к тому, чтобы восстановить Людовика XVIII на троне Франции... Лорд Гоуэк считает, что следовало бы привлечь к делу видных членов сената, с тем чтобы он назначил временное регентство, которое тотчас же после своего назначения должно вступить в переговоры с английским министерством, после чего мир будет немедленно заключен. Генералы Бертье и Массена примут на себя, по поручению этого регентства, командование великой армией. Эти генералы будут энергично поддержаны Россией, которая возьмет на себя охрану Людовика XVIII, по-прежнему находящегося в Митаве, во время его переезда во Францию». К этому Перле добавлял, что Витель уполномочен выяснить, каким путем безопаснее всего переслать из Лондона «миллионы, необходимые во Франции для совершения этой диверсии и для подготовки восстановления короля (Людовика XVIII)»¹.

Как явствует из следующего письма Перле инспектору Вейра от 3 марта, предполагалось, после того как почва во Франции будет достаточно подготовлена для реставрации Бурбо-

нов, доставить Людовика XVIII на английском корабле к берегам Франции и высадить его в «том пункте, на который укажет комитет»², мнимый роялистский комитет в Париже, в существовании которого Витель был убежден так же твердо, как и в «роялизме» Перле.

Выведав через Перле все планы Вителя, полиция арестовала его. 27 марта этот английский диверсант был расстрелян. Но и после этого Перле остался не разоблаченным в глазах роялистов и сохранил доверие своего лондонского покровителя Фош-Бореля. Остается добавить, что в следующем, 1808 году Фуше использовал эти связи для посылки в Лондон своего тайного агента, по фамилии Бурлак, сумевшего под видом представителя парижского «комитета роялистов», проникнуть ко «двору» Людовика XVIII и к английским министрам Каннингу и Гоксбери. Развесив уши, выслушали они фантастическую повесть о готовящемся в Париже заговоре против наполеоновского режима, которую преподнес им агент французской полиции. Бурлак был встречен в Лондоне как желанный гость и благополучно вернулся во Францию с инструкциями от Людовика XVIII и английского кабинета.

Организуя эту миссию, Фуше преследовал двоякую цель: во-первых, поднять свой уже изрядно пошатнувшийся к тому времени авторитет в глазах Наполеона и, во-вторых, завязать связи с роялистами на случай возможного крушения империи и восстановления Бурбонов. Бурлаку было поручено передать, что министр полиции участвует в «заговоре» против Наполеона; сообщение это было встречено окружением Людовика XVIII весьма одобрительно. Само собой разумеется, что в своем докладе Наполеону о миссии Бурлака матерый двурушник Фуше обошел полным молчанием все, что касалось лично его³.

Рассмотрение всей политики Фуше как министра полиции наполеоновского правительства не входит, конечно, в рамки настоящей статьи. Отметим только, что этот человек, осыпанный

¹ Там же, стр. 354.

² L. Madelin «Fouché». t. II, pp. 60—70.

«Mémoires de Fauche-Borel». t. III, pp. 348—350. Paris. 1829.

милостями Наполеона, в 1809 г. оказался причастным к изменнической деятельности роялиста Монтрона и генерала Сарразена, едва не приведшей к захвату англичанами Антверпена, а в следующем, 1810 году вступил в секретные переговоры с английским правительством, готовый уступить ему ряд французских завоеваний. Правда, чтобы обмануть бдительность Наполеона, он продолжал преследовать роялистских заговорщиков, стараясь в то же время облегчить участь многих из них и сблизиться — на всякий случай — с аристократическими фамилиями. 2 июня 1810 года, разоблаченный Наполеоном, напавшим на след его переговоров с Англией, Фуше был уволен в отставку, и ответственный пост министра полиции, находившийся в руках этого предателя и двурушника, был отдан Савари (герцогу Ровиго), в верности которого Наполеон не имел оснований сомневаться.

За год до того (в 1809 году) уволен был другой, не менее знаменитый шпион и политический хамелеон того времени — Талейран, министр иностранных дел французской империи. Но Наполеон, как известно, не решился на якобинскую расправу с обоими предателями: потеряв министерские портфели, они сохранили не только жизнь и свободу, но и свои титулы, и поместья, и свое большое влияние в оппозиционных кругах крупной буржуазии, старого и нового дворянства. Это была крупная ошибка со стороны Наполеона, за которую ему пришлось потом дорого заплатить.

3

Заключение Тильзитского мира (7 июля 1807 года) и образование франко-русского союза, способствовавшие укреплению международного положения наполеоновской империи, сильно затруднили «работу» английских и иных шпионов во Франции и на ее границах — затруднили, но, конечно, не прекратили. С той же поспешностью, с какой русское правительство по первому же требованию Наполеона уволило со службы упоминавшегося выше д'Антрэга (дело было в 1808 году), английское правительство приняло на службу этого шпиона

с окладом в 1 тысячу фунтов стерлингов в год. Летом 1809 года напряженное положение, создавшееся во Франции в связи с неудачами французских войск в Австрии, было использовано Англией для усиления своей диверсионной работы в Западной Франции и для высадки десанта в Голландии (в Бальхерене). Впрочем, уже очень скоро десантным войскам пришлось удалиться восвояси. Победа Наполеона при Ваграме и шенбруннский мир снова разрушили все надежды врагов наполеоновского режима.

Они не думали, однако, складывать оружие и продолжали борьбу всеми силами и средствами. Лондон кишел всевозможными авантюристами, предлагавшими правительству свои грязные услуги и бравшимися — за «приличное» вознаграждение — организовать убийство французского императора или восстание в одном из французских департаментов. Спрос рождал предложение. Банда искателей приключений в поисках легкой наживы осадила лорда Уэльслея и других министров, вымогая у них деньги под свои «планы» свержения Наполеона.

В 1810 году из Англии прибыл некий барон де Колли с целью организовать похищение бывшего испанского короля Фердинанда VII, с 1808 года находившегося во французском плену и проживавшего в замке Валанса (в 117 километрах от Парижа). Колли был выслежен и арестован полицией. При аресте у него были обнаружены фальшивые паспорта, мандат за подписью английского министра иностранных дел маркиза Уэльслея, печатные бланки ряда французских министерств (в частности и министерства полиции) и зашитые в одежду бриллианты¹. Напомним, что в Испании царствовал в это время король Жозеф Бонапарт, брат Наполеона, и что Англия оказывала деятельную военную помощь испанским инсургентам, восставшим против французского вторжения. Миссия Колли была рассчитана на то, чтобы увезти Фердинанда из Франции и доставить его в Испанию, где он должен был возглавить национальное восстание против французов. Но этот английский дивер-

¹ Desmarests «Témoignages historiques», pp. 353—360.

сант потерпел неудачу и был расстрелян.

В следующем, 1811 году во Франции был арестован некий граф Паговский, поляк по происхождению, пробравшийся в Париж в шпионских целях. Найденная при нем копия письма на имя Александра I доказывала, что он не ограничивался шпионской деятельностью и собирался организовать покушение на Наполеона¹.

1812 год начался под знаком растущего ухудшения взаимоотношений между Францией и Россией, союз между которыми, заключенный в Тильзите, оказался крайне непрочным. Дело явно шло к разрыву и войне, поскольку обе стороны нарушали взятые на себя обязательства и не хотели идти на уступки друг другу. Именно в это время французская полиция напала на след шпионской деятельности русского военного агента в Париже полковника графа А. И. Чернышева. За ним было установлено систематическое наблюдение, осуществлявшееся министерством и префектурой полиции совместно с министерством иностранных дел.

26 февраля 1812 года Чернышев выехал в Россию с письмом Наполеона к Александру I, которое содержало заверения французского императора в его готовности уладить «досадные недоразумения, возникшие за последние пятнадцать месяцев». А несколько часов спустя на квартиру, которую занимал в Париже русский военный агент, явилась полиция, приступившая к тщательному обыску, в результате которого найдено было письмо, подписанное буквой «М», адресованное Чернышеву и не оставлявшее никаких сомнений в том, что этот адъютант Александра I, аккредитованный при Наполеоне, занимался во Франции собиранием шпионских сведений военного характера².

Произведенное расследование выявило автора этого письма, который оказался сотрудником военного министерства по фамилии Мишель. Он был аре-

стован, сознался в своем преступлении и выдал своих сообщников — сотрудников того же министерства: Саже, Сальмона, Мозеса, швейцара отеля Телюссон, в котором помещалось русское посольство, Вустингера, австрийца по происхождению, служившего посредником в этом деле. Все эти лица были арестованы. При этом выяснилось, что Мишель продавал военные тайны своей родины в течение уже 8—9 лет и что он начал заниматься своим грязным делом еще в период консульства, когда его завербовал и подкупил тогдашний русский поверенный в делах д'Убриль. «Разрыв 1804 года и последовавшая за ним война прекратили эти сношения, но русские агенты использовали каждую мирную передышку, каждое возобновление дипломатических отношений для восстановления оборвавшихся связей; даже союз 1807 года не прервал этой традиции»³.

Посол, князь Куракин, известный своим франкофильством, совсем не был посвящен в это дело: оно велось без его ведома военным агентом, упомянутым выше А. И. Чернышевым. О том, до какого «совершенства» была доведена при нем система шпионажа, свидетельствует следующий характерный факт: «Два раза в месяц в военном министерстве составлялся для одного лишь императора детальнейший доклад о численности и расположении всех армий, всех корпусов, вплоть до самого маленького отряда и самой последней роты. С этим тайным, огромной важности документом, от которого зависела судьба Франции, Мишель ухитрялся знакомиться до императора»⁴. Ему удалось подкупить служащего канцелярии военного министерства, некоего Мозеса, который носил этот секретный доклад в переплетную мастерскую, а по дороге заходил к Мишелю. Последний успевал, таким образом, своевременно снять копию с этого драгоценного документа и передавал ее Чернышеву.

24 июня 1812 года война началась. Предпринимая ее, Наполеон наводнил Россию, особенно ее западные области, своими шпионами и диверсанта-

¹ Desmarests «Témoignages historiques», pp. 10—11.

² A. Vandal «Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier empire». t. III, p. 313. Paris. 1896.

³ Там же, стр. 316.

⁴ Там же, стр. 316—317.

ми; среди них были французы (в том числе лакеи и горничные в домах русской аристократии), были и поляки из герцогства Варшавского; последние питали надежду на то, что французский император восстановит независимость Польши.

Из диверсионных актов отметим агитацию французов среди русских крестьян, которых они подстрекали кое-где к восстанию против царского правительства. Впрочем, агитация эта не получила сколько-нибудь широкого распространения: Наполеон не решился вступить на путь развязывания революционного движения в России. и повторить здесь то, что он делал в Италии в 1796—1797 годах, когда был еще генералом республиканских войск, а не императором. Зато шпионаж практиковался в этой войне — обеими сторонами — весьма интенсивно.

Поражение Наполеона в России окрылило всех его внутренних и внешних врагов. 13 ноября 1812 года английский фрегат «Ла Рота» высадил на нормандском островке Уат (близ берегов Франции) трех бывших шуанов: Ле Пэж де Бара, Дро и Легерна, — получивших от английского правительства задание организовать в Нормандии роялистское восстание. Диверсия эта не удалась. Три заговорщика были выслежены полицией и убиты в столкновении с высланным против них отрядом.

Эта неудача не охладила пыла роялистов. В конце декабря 1812 года, когда уже вся Европа знала, что от «великой армии» остались одни только жалкие остатки, уполномоченный Людовика XVIII граф де ла Шатр поручил бывшему руководителю англо-роялистской агентуры в Бордо Роллаку, с 1810 года безвыездно проживавшему в Лондоне, немедленно приступить к восстановлению оборвавшихся было связей со сторонниками Бурбонов во Франции. Сделать это удалось не сразу. Лишь 12 марта следующего, 1813 года некий французский дворянин из белоэмигрантов, Пейфо де ла Тур, выехал с секретной миссией в Бордо. За ним последовали другие эмиссары.

Особенно активной деятельностью секретных англо-роялистских агентов во Франции становится с конца 1813

года, после разгрома армии Наполеона под Лейпцигом и приближения театра войны к границам Франции. Зимой 1813—1814 года маркиз Огюст де Ларошжакелен, граф де Сюзанне, маркиз д'Отишан и некоторые другие бывшие вожди вандейских мятежников конца XVIII века об'езжают, по поручению английского правительства и «роялистского комитета» в Лондоне, западные области Франции, рекрутируя сторонников и подготавливая новое роялистское восстание. Со своей стороны граф де Блака, ближайший советник Людовика XVIII, тайком пересылает в Париж своим агентам доверительное письмо, подписанное этим последним 1 декабря 1813 года и предназначенное для привлечения на сторону Бурбонов того или другого из влиятельных сановников империи, которым гарантировались при этом сохранение их положения и состояния. Франция наводняется манифестами «короля Людовика XVIII», обещающего мир, уменьшение налогов, амнистию и приглашающего жителей французских городов и крепостей открыть ворота войскам коалиции.

Французская полиция напрягала все силы для борьбы с разрастающейся сетью шпионов и диверсантов. В самом Лондоне агенты Наполеона следили за действиями англо-роялистских агентов, строили план заманить во Францию герцога Беррийского (племянника Людовика XVIII) и расстрелять его, но вследствие пронизательности английских шпионов этот план рухнул, как и ряд других.

В начале января 1814 года неприятельские армии вступили во Францию. Три месяца продолжалась неравная борьба Наполеона с превосходными силами противника, три месяца упорных боев, в которых Наполеон обнаружил весь свой военный гений и не раз оказывался победителем. Тем временем англо-роялистские агенты и диверсанты наводнили Францию, подрывая изнутри наполеоновский режим, проникая в самые высшие правительственные сферы, готовя измену среди верхов генералитета. Они подкупили и привлекли на свою сторону Талейрана, члена «совета регентства». Аристократические салоны Парижа становятся центрами организованного преда-

тельства. Именно здесь барон де Витроль получил поручение отправиться в главную квартиру «союзников» и призвать их спешно двинуться на Париж, чтобы покончить с империей, воспользовавшись отсутствием Наполеона и изменой среди французских правящих кругов.

Совет этот был принят. опередив Наполеона, неприятельские армии двинулись к французской столице и 31 марта вступили в нее. Еще раньше, 12 марта, английские войска заняли Бордо, куда их призвали местные роялисты. Если бы не победы интервентов, сторонники Бурбонов были бы, конечно, бессильны опрокинуть империю.

Судьбу Наполеона решила победа коалиции. Но шпионско-диверсионная работа агентов Англии, России, Австрии, Пруссии, протекавшая при активном участии представителей французской дворянской аристократии и находившая опору среди некоторой части крупной буржуазии, во многом облегчила задачи «союзников».

В апреле 1814 года Наполеон был свергнут и отправлен на остров Эльбу, а во Франции восстановлена была династия Бурбонов в лице короля Людовика XVIII. Но реакционная политика Бурбонов, про которых скоро стали говорить, что они вернулись во Францию, «ничего не позабыв и ничему не научившись в изгнании», восстановила против них народные массы страны и в первую очередь крестьянство. Последнее опасалось восстановления феодальных повинностей и отобрания у него бывших церковных и эмигрантских земель, конфискованных и распроданных в годы революции. Недовольна была и армия, которую новое правительство восстановило против себя «чисткой» командного состава от боевых офицеров, служивших в наполеоновской армии, и униженным миром, аннулировавшим все французские завоевания времен революции и Наполеона. При таких условиях Наполеону легко удалось вернуться к власти. 1 марта 1815 года он высадился на южном берегу Франции с отрядом в тысячу человек, а уже 20 марта вступил в Париж, не встретив на своем пути никакого

сопротивления и заставив Людовика XVIII бежать из Парижа.

Но это вторичное царствование Наполеона продолжалось недолго, всего 100 дней (отсюда и самое название этого периода — «Сто дней»). Иностранные державы отказались признать его власть и объявили его «вне закона». Решено было возобновить войну с Францией до полной победы над «узурпатором» и «врагом человеческого народа». По инициативе императора Александра I составилась новая, седьмая антифранцузская коалиция, в состав которой вошли Англия, Россия, Австрия, Пруссия и ряд других государств Европы. Снова в широких размерах были пущены в ход шпионаж и диверсии. Английское правительство сделало новую попытку поднять против Наполеона вандейских крестьян. В мае и июне тысячи ружей, сабель и снарядов были выгружены с английских судов на западном берегу Франции. Но роялистам, во главе которых стояли представители помещичьей аристократии, как например маркиз Луи де Ларошжакелен, удалось привлечь на свою сторону всего лишь несколько тысяч человек; масса крестьянства Западной Франции, на опыте убедившаяся, что ей не по пути с помещиками-дворянами, осталась в стороне от движения. В результате уже через две недели (к 20 июня), после нескольких кровопролитных стычек с правительственными войсками, вандейцы были раздавлены; раздавлено было и роялистское восстание в Бретани¹.

Как и в 1814 году, судьба наполеоновского режима решена была победой коалиции. 18 июня армия Наполеона была наголову разбита при Ватерлоо англо-прусскими войсками, 22 июня, не найдя поддержки у буржуазии и боясь опереться на массы, Наполеон отрекся от престола, а еще через несколько дней (6 июля) «временное правительство», во главе которого стоял предатель Фуше, без боя сдало Париж неприятельским войскам. За этим последовала вторичная реставрация Бурбонов (8 июля).

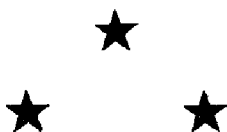
¹ E. Le Gallo «Les Cent Jours», pp. 379—421. Paris. 1924.

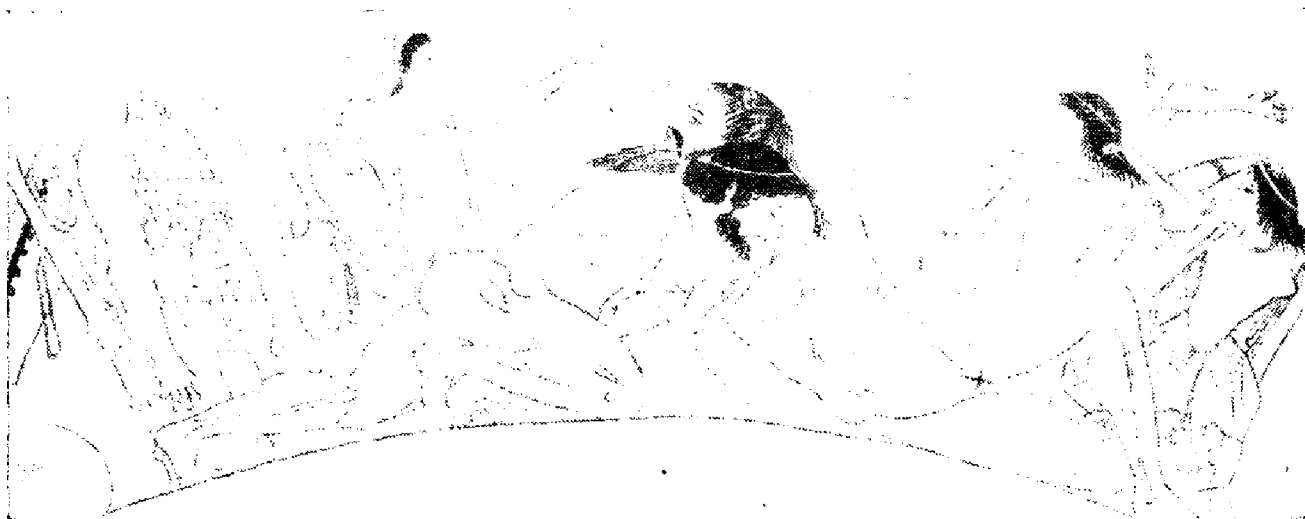
* * *

Приведенный нами фактический материал служит конкретной иллюстрацией того исторического примера, который привел в своем докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин, говоря о шпионаже и диверсиях в политике буржуазных государств в прошлом и в настоящем. Пример этот весьма поучителен и приводит к ряду выводов, имеющих свое политическое значение и для нашего времени. Взять, например, такой вопрос, как социальный и политический состав шпионских, диверсантских и террористических кадров, состоявших во времена Наполеона в основном из остатков разбитого французской буржуазной революцией класса — дворянства, пошедшего на службу к врагам своей родины, в первую очередь из той части этого класса, которая бежала от революции за границу. Факты нашего времени показывают, что остатки разбитых эксплуататорских классов в нашей стране являются той социальной средой, которая поставляла и поставляет антисоветских шпионов, диверсантов, террористов, служащих иностранной разведке. Факты показывают, что среди шпионов, диверсантов и убийц, действующих против СССР, особо активную и гнусную роль играют в настоящее время контрреволюционные троцкисты, превратившиеся «в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств», в первую очередь гитлеровской Германии и фашистской Японии. Обершпион Троцкий и его подручные явились настоящей находкой для этих органов.

Если во времена Наполеона I европейские государства кишели шпионами и диверсантами, если шпионаж и диверсии служат постоянными средствами в борьбе одного буржуазного государства против другого, то, конечно, в несравненно более широких размерах применяются они, эти средства, в борьбе буржуазных государств против СССР. «Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства? Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств? Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох. Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охраны оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью»¹.

¹И. В. Сталин «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», стр. 10. Партиздат. 1937.

А. Мишулин

МИФ ОБ АНТЕЕ

Греческая мифология представляет собой богатейший арсенал образов, созданных народным эпическим творчеством древних греков. Образы олимпийских богов, в которых персонифицируются стихии природы, мифические герои (Тезей, Геракл, Антей), бесчисленный мир второстепенных божеств (муз, дриада и т. д.) — все это в эпических народных символах раскрывает то наивное, но полное художественной фантазии мировоззрение, в котором греки на заре своей истории пытались найти объяснение всему существующему. Именно в ту эпоху человеческой истории, когда человеку не были известны машины, железные дороги, электрический телеграф и печатные станки, возможно было мифологическое отношение к природе, мифологизирование сферы общественных отношений. «Относительно некоторых видов искусства, например эпоса, даже признано, что он в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории,—говорит Маркс,—уже не может быть создан, как только началось художественное творчество в собственном смысле»¹.

Этими словами Маркс подчеркивает особенность художественного мифотворчества древних греков, богатство и выразительность их эпического искусства, давшего миру цельные и живые образы богов и героев. В этих мифах грекам удавалось настолько ярко и художественно абстрагировать природу и людей,

что такие образы, как Зевс Олимпийский, Афродита (Венера), Геракл, навсегда вошли в обиход человеческой культуры. Красота и выразительность этих образов оказали большое влияние на последующую художественную литературу — от Шекспира, Пушкина и Гете и до наших дней. Символика эпических понятий и образов греческой мифологии фигурирует и, конечно, еще долго будет фигурировать в культурной жизни человечества. «...Они (мифы. — А. М.) еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца»².

О живости и выразительности этих образов прекрасно сказал товарищ Сталин в своем известном выступлении на последнем Пленуме ЦК ВКП(б):

«У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой — Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона — бога морей и Геи — богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил — этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое ме-

¹ К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 80 — 81. 1930.

² Там же.

сто — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот нашелся враг, который использовал его слабость и победил его. Это был Гераклес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики, — заключает товарищ Сталин, — напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми¹.

Выразительность и сила сталинского сравнения не пуждаются в пояснениях.

Мифический Антей, сильный своей привязанностью к матери-земле, полный мощи и непобедимой энергии, как бы ожил, персонифицировавшись в коммунистическую партию большевиков.

Легенда об Антее в тех или иных вариантах сложилась очень давно и может быть прослежена в мифологии у самых различных народов древности. У народов древнего Вавилона, у греков и римлян, в былинном эпосе древних славян (Илья Муромец, Микюла Селянинович), у

Геракл, поражающий немейского льва.

¹ И. Сталин. Заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б).

народов Средней и Восточной Азии были свои Антеи, свои мифологические «сыны земли». Но нигде мифология не была столь систематизирована, как у древних греков. Ни в одной стране не были столь художественно разработаны отдельные сюжеты из жизни богов и героев, «люддей неба и земли». Вот почему и миф об Антее, хотя и краткий, но более образный и законченный, дошел до нашего времени именно от древних греков.

Антей — народный герой. Происхождение названия «Антей» современная лингвистика еще не достаточно изучила. До сих пор считали, что Антей значит «противоборец», от греческого слова «ἀντίθεω» противостояю, выступаю в борьбе. Дальнейшее изучение происхождения слова «Антей» поможет установить, из каких условий народной жизни выросло и сложилось это имя.

Древние греки миф об Антее не дали в отдельном, изолированном сюжете: он был включен в эпопею подвигов Геракла, другого героя классической древности. О Геракле слагалось много легенд, и различные писатели древности изобразили двенадцать его знаменитых подвигов, среди которых видное место занимает сказание о единоборстве Геракла с Антеем. Только в связи с этими подвигами Геракла передается известный миф об Антее.

Первые подвиги Геракл совершил в Аргивской земле. Там он умертвил громадного льва, жившего около города Немей и наводившего ужас на людей. Своей знаменитой палицей, срубленной в немейской роще, Геракл поразил страшного льва, которого он потом показывал с городских ворот всему народу. Затем в болотах, около города Лерн, Геракл поразил гидру, страшную девятиглавую змею.

Три последующих подвига Геракл совершил в аркадских лесистых горах. Там он поймал золоторогую лань, которую и доставил в Микены. Туда же доставил Геракл живым страшного вепря. Последний подвиг в аркадских лесах заключался в уничтожении хищных птиц с медными крыльями, когтями и клювами. Свои перья они могли бросать словно стрелы. Большую часть этих птиц Геракла перебил, остальные улетели, и впоследствии их встретили аргонавты.

Шестой подвиг Геракла заключался в очистке от навоза скотного двора Авгия, у которого были бесчисленные, «как тучи небесные», стада быков и овец. Геракл в один день навел порядок на скотном дворе, за очистку которого никто до него не брался. Далее, предстояли подвиги в борьбе с царем Пилоса Нелеем, который был убит Гераклом вместе с одиннадцатью его сыновьями. К подвигам Геракла относится и укрощение критского быка, на котором он приплыл в город Микены. Потом он добывает пояс царицы Ипполиты, после чего отправляется за быками Гернона, ко-

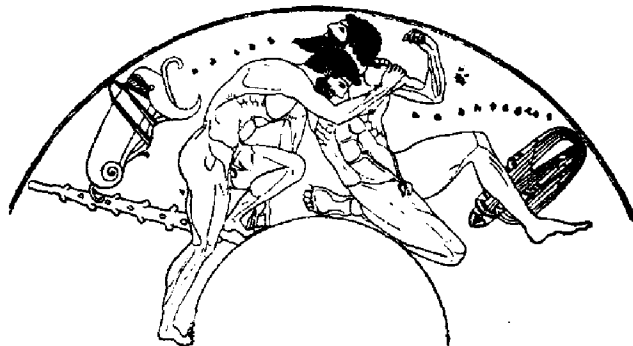
торых после долгих приключений пригоняет в Микены.

Знаменитый одиннадцатый подвиг Геракла знакомит нас с мифом об Антее. Геракл отправляется на дальний Запад, где на берегу океана росло дерево, приносящее золотые яблоки. Дерево это находилось в душистом саду Атланта, исполина, державшего на своих плечах небесный свод. За этим деревом ухаживали дочери исполина — нимфы Геспериды. Гераклу предстояло достать три золотых яблока с этого дерева. И вот, прежде чем Геракл сумел обмануть Атланта и достать яблоки Гесперид, ему предстояло испытать ряд приключений. Направляясь к Атланту, он должен был переехать через Ливию (север Африки). Там встретил его исполин Антей, который вызвал его на борьбу. Этот сын Земли обладал неодолимой силой, ибо пока Антей прикасался к матери-земле, он был непобедимым. Но Геракл охватил его руками, высоко поднял над землей и задушил. Оторванный от Земли, Антей потерял свою мощь и потому не мог сопротивляться. Так погиб великий исполин, о котором потом слагали различные легенды в народном эпосе.

В этой краткой форме сказание об Антее дошло до нас от Аполлодора, античного писателя, жившего во II веке до нашей эры. Аполлодор написал дошедшую до нас «Мифологическую библиотеку», в которой он старался изложить всю греческую мифологию. Хотя этот автор и является одним из самых ранних писателей, которые в законченном виде передают нам миф об Антее, но он излагает этот миф слишком официально, без деталей и, главное, почти целиком подчиняет его мифу о Геракле. Это заставляет нас обратиться к другим, более поздним источникам. Данные других авторов и их анализ, как мы покажем ниже, определенно говорят о том, что вопреки версии Аполлодора миф об Антее был весьма популярен в народном эпосе, но Аполлодор им почти не интересовался: ему нужен был всего лишь один сюжет в связи с восхвалением подвигов Геракла.

Об Антее писали многие авторы древности еще до Аполлодора, однако их записи до нас не дошли. О популярности мифа об Антее среди писателей древности говорят также и дошедшие до нас краткие свидетельства поэта Пиндара (521—441 годы до нашей эры) и Платона (429—348 годы до нашей эры).

Пиндар в двух своих одах останавливается на некоторых деталях мифа об Антее. В девятой истмической оде, посвященной победителю в состязаниях на Коринфском перешейке Мелиссу, Пиндар сообщает отдельные, любопытные сведения об Антее. Последний, по свидетельству поэта, царствовал в Ливии, в стране, обильной пшеницей. Жил Антей в прекрасных чертогах, а «храм Посейдона покрыл он черепами странников»,

Борьба Геракла с Антеем.
Изображение с античной вазы.

вторгавшихся в его страну извне¹. В этом сообщении интересны два момента, на которых поэт и фиксирует свое внимание. Это, во-первых, богатство Антея, обилие пшеницы, что в глазах греков, жителей малоплодородной страны, являлось признаком особого изобилия. И второй момент — полная независимость царства Антея от внешнего мира. Всякого вторгавшегося в эту страну убивали. Об этой независимости красноречиво свидетельствуют черепа врагов, украшавшие храм Посейдона.

В следующей оде Пиндара², в честь Телесикрата Киренского, сообщается другая интересная подробность, связанная с семейной жизнью Антея. Столицей Ливии был город Ирасса, где находилась резиденция царя и его семьи. В этом городе однажды было устроено известное в древности беговое состязание, в котором принимали участие и греческие герои. Это состязание Антей затеял в связи с замужеством своей дочери по примеру царя Даная в Аргосе. «Кудревласая дочь Антея», говорит Пиндар, славилась необыкновенной красотой. Известные герои из соплеменников и из греков добивались ее руки. Антей решил отдать свою дочь тому, кто на состязаниях первым придет к финишу и коснется руки его дочери. По преданию, некто Алексидим (родом из Нумидии) первым прибежал и овладел знаменитой ливиянкой.

Если Пиндар, автор VI века до нашей эры, рассказывает об Антее, то, очевидно, этот миф был известен задолго до него. Использование его в поэзии говорит также о том, что он был широко известен в народе. Об этой популярности образа Антея говорит и краткое свидетельство Платона, который в диалоге «Феэтет» сравнивает диалектические способности своего учителя Сократа с неотразимостью Антея. Об Антее Платон вспоминает мимоходом и в своем трактате «Законы». Таким образом, уже в V веке до нашей эры образ Антея

¹ Пиндар «Истмические оды». IV, 9, 5.

² Пиндар «Пифические оды», IX, 11, 9.

пользовался известностью даже в широком философском обиходе того времени.

Но если древнегреческие писатели не оставили после себя достаточно данных для восстановления мифа об Антее, то сохранившиеся свидетельства поздних авторов уже римской, по преимуществу, эпохи позволяют более обстоятельно восполнить этот миф и восстановить его в деталях.

Об Антее имеется ряд замечаний в «Собрании греческих эпиграмм» (Палатинская антология), у Квинта Смирнского, у географа Страбона, у Овидия («Метаморфозы»), у Диодора Сицилийского, Плутарха, Филострата и т. д. Эти замечания об Антее весьма фрагментарны и порою, как например у Овидия, сводятся к краткому упоминанию в одну строку. Весь этот список поздних авторов интересен тем, что показывает, насколько прочное место занимал миф об Антее даже в мифологических версиях поздней античности. Как Прометей, Спартак или Геракл, так и Антей являлись в народном эпосе хорошо понятными, яркими образами, сохранившимися в литературе до самого конца античности.

Мы не будем рассматривать здесь все упоминания об Антее. Некоторые из них носят просто случайный характер. Остановимся только на двух—трех авторах, сведения которых дают нам ценный материал для восстановления мифа об Антее. С этой точки зрения интересны прежде всего сообщения Диодора Сицилийского, который в первой книге своей

Борьба Геракла с Антеем.

Школа Машеньи. Мюнхен.

«Исторической библиотеки» делает два экскурса в связи с Антеем. По мнению этого автора, царство Антея было якобы основано египетским богом Озирисом, который сделал Геракла владыкой Гераклен, Бусирида—новелителем стран, лежащих возле Финикии, а Антея—царем Ливии и Эфиопии.

В другом месте Диодор сообщает, что в глубокой древности известна была древняя Антея, названная так в честь одноименного героя. По словам Диодора, это поселение находилось в Аравии, очевидно, недалеко от Египта. В восточной мифологии эта древняя Антея была известна тем, что здесь был похоронен верховный бог Египта—Озирис, злодейски убитый своим братом.

У Диодора есть также описание, повторяющее вышесказанную версию гибели Антея. Приведенные замечания Диодора интересны тем, что они намечают некоторую связь античного мифа об Антее с каким-то сходным сюжетом из восточной мифологии. Весьма вероятно, что этот миф имелся и у народов Египта и, что еще более вероятно, в Вавилоне (например миф о Гильгамеше). Изучение мифологического материала в народном эпосе древнего мира должно будет вскрыть более обобщающие черты образа Антея.

Остановимся теперь на интересном рассказе Плутарха. Плутарх упоминает об Антее в биографии Сертория. «Серторий,—говорит Плутарх,—осадил город Тингид (ныне Танжер.—А. М.)... По африканским преданиям, здесь находилась могила Антея. Не веря рассказам туземцев о его высоком росте, Серторий приказал разрыть могилу. Говорят, что он нашел труп в шестьдесят локтей длиной. В изумлении он принес жертву и велел зарыть могилу, чем увеличил уважение к Антею и его известность. Тингидцы рассказывают легенду, что после смерти Антея жена его Тингида вышла замуж за Геракла. Сын их Софак сделался царем в этой стране и основал город, назвав его в честь своей матери. Сын Софака, Диодор, царствовал над многими африканскими народами, так как в его распоряжении находилось греческое войско, набранное из поселенных здесь Гераклом ольвийцев и микенцев. Обо всем этом сообщает нам,—заключает Плутарх,— историк Юба»¹.

Аналогичную легенду сообщает и Страбон, который в своей «Географии», опираясь на слова римского историка Габиния, утверждал, что гробница Антея действительно находилась в Мавритании. Правда, он говорит о гробнице «подле города Линга», но и это должно указывать на Тингид, который был в действительности недалеко от Линга.

Наконец, одна из полных и законченных версий мифа об Антее имеется у

¹ Плутарх «Серторий», 9, 12.

Борьба богов с титанами. Аттическая вазовая живопись V века до нашей эры. Берлинский музей.

представителя греческой риторической литературы II—III века — Филострата Старшего. Этот автор наряду с Каллистратом оставил нам интереснейшее описание произведений греческого искусства и главным образом картин. В своем искусстве, как мы знаем, древние греки широко использовали различные мифологические сюжеты.

Для нас сейчас особый интерес представляет Филострат Старший, который оставил нам описание картины «Антей». Мы не можем в настоящее время решать вопрос, действительно ли была такая картина в древности или она является плодом его собственного художественного вымысла.

Вот как описывает Филострат борьбу между Антеем и Гераклом: «Ты видишь их уже в борьбе, вернее, кончивших эту борьбу, и Геракла ты видишь уже победителем. Он его задушил, подняв над землею, так как земля помогала Антею в борьбе, выгибаясь и как рычаг поднимая его, когда он падал на землю. Не зная, что ему делать с землей, Геракл схватил Антея посредине туловища, повыше подвздоха, там, где ребра, положил его прямо на бедро и, скрестивши обе руки, локтем вдавил его мягкий живот там, где дыхание; он выдавил из него весь дух и убил, направив на его печень его же острые ребра. Ты видишь, как Антей жалобно кричит и смотрит на землю, которая ни в чем уже не может помочь ему, а Геракл в сознании своей силы улыбается, радуясь тому, что он совершил»¹.

Интересно, что, по сообщению Филострата, боги наблюдали за происходившей борьбой и симпатизировали не Антею, а Гераклу.

«Эта вершина горы, смотри, она изображена не напрасно, но можешь себе представить, что на ней сидели боги,

смотря на эту борьбу; вот изображено и золотое облако, которым прикрыты, думаю я, сидели они. И Гермес, вот этот, идет к Гераклу, чтобы его увенчать венком за то, что он так отлично провел перед ним борьбу»².

Если обычно миф об Антее на этом заканчивается, то у Филострата он продолжается, чтобы описать отомщение Гераклу за смерть Антея. Он рисует другую картину под названием «Геракл среди пигмеев», где показаны приключения Геракла после смерти Антея.

Описание этой картины в художественной форме повествует о финале мифа об Антее.

«Когда Геракл спал в Ливии после своей победы над Антеем, на него напали пигмеи, говоря, что хотят отомстить за Антея; они утверждали, что они родные братья Антея, одного с ним рождения; не атлеты они, в борьбе с ним неравны, но так же, как он, землей рождены и вообще они сильные существа: когда выходят они из земли, как волны волнуют с самого низу песок... Но что за смелость у них! Они решили напасть на Геракла и убить его, когда он спит, а ведь они должны были бояться его, даже когда он не бодрствует. Геракл спит на мягком песке, так как усталость охватила его, и всей грудью он дышит во время сна открытым ртом, весь исполненный сна. Сам Сон стоит около него в человеческом виде, ставя себе в великую честь, что свалил Геракла. Лежит здесь и Антей, но искусство художника сумело изобразить Геракла живым и теплым, а Антея же мертвым, застывшим, показывая, что в таком лишь виде он был отдан земле. Войско пигмеев окружило Геракла: одна их фаланга идет войной на левую его руку, два другие отряда нападают на правую, более сильную, а обе его ноги осаждают стрелками и толпой пращников, по-

¹ Филострат. II, 21, 5. Изогиз. 1936.

² Там же, 21, 6.

раженных ужасом при виде геракловых икр. Те же, кто идут войной на его голову, поддвигают машины, как будто к какой-нибудь крепости, к волосам прикладывают огонь, а к носу, думаю, двери, так чтобы Геракл даже не мог и дышать, когда будет захвачена его голова. Вот что они делают около спящего»¹.

В дальнейшем описании этой картины, напоминающей нам во многом приключения Гулливера у лилипутов, изображается пробуждение Геракла, который встает и, смеясь над пигмеями, расправляется с ними, собрав их всех в свою львиную шкуру.

Таков финал мифа об Антее в описании Филострата. Нельзя не отметить особой тенденции в античной историографии — поднять и восхвалить Геракла за счет Антея несмотря на искреннее уважение к последнему. Антей — герой, но Геракл его побеждает. Происходит это потому, что Геракл находится на службе у богов, он с ними связан и в конце концов за свои подвиги он обожествляется. Антей же представляет собой силы, скорее противоречащие богам,

¹ Филострат. II, 22, 1—4. Изогиз. 1936.

подобно тому как противостояли им гиганты (титаны). Не даром Антей, как и все гиганты, был рожден Геей — богиней земли. Весьма вероятно, что в борьбе Антея и Геракла имеется отзвук мифологических сказаний о борьбе богов и гигантов.

Античная историография часто была крайне тенденциозной и, конечно, в описании борьбы богов с гигантами занимала позицию официальной религии и культа олимпийских богов. При всем том миф об Антее не третировался: он часто описывался и имел, очевидно, прочные корни в народных сказаниях. По народным представлениям, даже могла Антей приобрела священный ореол. Древние легенды передают об обычае разрыхлять землю на могиле Антея, чтобы вызвать дождь в безводной Мавритании. Задачей исследователя является сведение воедино всех данных искусства и литературы древних, которые позволят нам восстановить миф во всей его полноте. Другой задачей исследователя должно быть изучение того, как образ Антея сохранился в последующей литературе, в особенности в новое время. Образы Прометея, Спартака и Антея были наиболее популярными со времени французской буржуазной революции.

Н. Гиттис

ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И ХРОНОЛОГИЯ В НАЧАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ*

Исторический процесс совершается во времени, ибо «бытие вне времени такая же бессмыслица, как бытие вне пространства»¹. Поэтому правильное усвоение детьми исторических фактов, событий и явлений вне хронологической связи, без усвоения их последовательности и точной локализации во времени, невозможно.

Развитие представлений об историческом времени пойдет вместе с овладением конкретными историческими знаниями. Исторические события постепенно, по мере их изучения, будут создавать у учащихся представление об исторической перспективе.

1

Начиная с детьми работу по изучению истории, нужно точно знать уровень представлений детей о времени, а также и те основные трудности, которые представляют для детей овладение понятием об историческом времени.

Дети приходят на первые уроки истории в III классе уже с рядом представлений о времени. Они реально представляют себе длительность минуты, часа, дня, суток, шестидневки. Эти

* В основе статьи лежит опыт работы автора в 1-й школе Петроградского района (Ленинград).

¹ Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 36.

представления тесно связаны с содержанием личной и окружающей их жизни. Менее реальны у них представления о месяце и годе; ссылки детей на события давностью в месяцы и в год грешат часто неточностью. Четко приурочиваются ко времени лишь события, окрашенные сезонными чертами (лето, осень, зима, весна).

Однако дети в возрасте 10—12 лет уже начинают интересоваться продолжительностью того или иного события: «Сколько времени он ездил?», «Сколько времени строили канал?», «Как давно это было?» и тому подобными вопросами дети засыпают учителя. Интерес к вопросу «Когда это было?» делается довольно устойчивым; меры времени приобретают объективное значение.

«Бытовые» представления о времени подкрепляются и развиваются «тематическими» знаниями о времени: 60 минут составляют 1 час; 24 часа составляют сутки и т. д.

В III классе дети уже знают, что 100 лет равны столетию, или веку. На основе этих представлений детям доступно решение простых задач на время. Навыки действий с многозначными числами, умение разлагать числа по разрядам дадут возможность разобраться и в трехзначной и четырехзначной дате (1936 год, 1825 год, 945 год и т. д.).

Но все эти представления об историческом времени находятся в громадном отдалении от личного опыта детей. Они должны быть производными от каких-то иных представлений. Помимо этого и определяемые годами, веками, тысячелетиями объекты выйдут далеко за пределы возможного детского опыта. Дети наблюдают смену времен года, движение небесных светил и многие другие явления природы. «Круговое» движение многих явлений природы (смена времен года, движение солнца и луны и др.) закрепляет в сознании детей представление об их длительности.

Совсем не то с историческими фактами и явлениями. Их движение не «круговое», а «линейное». Никакая аналогия не поможет ребенку пред-

ставить себе длительность специфических объектов изучения истории: войны, восстания, какого-нибудь изменения социальных отношений и т. д.

Таким образом, учителю приходится на уроках истории сразу преодолевать две трудности: давать одновременно и представление об изучаемом объекте (об историческом факте) и представление об измеряющих его единицах (единицах времени).

2

Какие же представления могут помочь детям преодолеть ограниченность их представлений о временной перспективе, об историческом времени? Прежде всего знакомство с историческим событием, с рядами таких событий и с их своеобразием.

Живое, занимательное изложение учителя познакомит детей с событиями из истории труда, быта, общественной деятельности и борьбы людей в далеком прошлом. Дети должны прежде всего ярко почувствовать историческое своеобразие этих событий, т. е. все то, что отличает их от событий современности. Дети поймут, что многое изменилось, многое уже прошло (потому и называется «прошлым»). «Люди охотились на мамонта... люди вели огневое, подсечное земледелие... Олег совершил поход на Царьград и прибил свой щит над воротами Царьграда... древляне казнили жадного князя Игоря...» и т. д.

Это все было, это прошло.

Это было давно, а не недавно, потому что очень уже непохоже на все то, что теперь бывает. Теперь и мамонтов нет, да и охотятся люди сейчас совсем не так... и земледелие сейчас не огневое... и князей таких сейчас нет... и никто не ездит по стране и не грабит население... и города берут сейчас не так, как это делал Олег... Словом, все это сильно отличается от настоящего. И чем более образно расскажет учитель об историческом событии далекого прошлого, тем прочнее укрепляется в сознании детей мысль о том, что многое в жизни людей было не так, как теперь.

Но противопоставления «так было раньше, а теперь иначе» еще не до-

статочно для создания представления об исторической перспективе. Для этого нужно, чтобы исторические события сочетались одно с другим, выстраивались в ряды. Сначала Москва была крохотной усадьбой, была окружена деревянной стеной, а потом стала большим, богатым городом с каменным Кремлем... Сначала Московское княжество было очень маленьким, потом стало расширяться, наконец, стало огромным государством...

Знакомство с такими группами событий заставит детей понять последовательность событий. В их сознании появятся уже не отрывочные исторические эпизоды, столь отличные от современности, а картины некоторых исторических изменений, появится представление об исторической жизни. Сначала было так, а потом стало не так, а иначе... еще позже снова иначе и т. д. Дети начали осмысливать последовательность исторических событий. Порядок следования событий становится обратимым. Наглядное знакомство с отдельными историческими моментами, с показом их продолжительности в годах создаст у учеников понятие о длительности различных исторических событий.

Таким образом, понимание исторической перспективы и исторического времени складывается на базе представлений о своеобразии исторического события, о течении исторической жизни (изменение в определенной последовательности), о длительности отдельных исторических моментов, о глубине исторического ряда.

3

Советские дети приходят в III класс с гораздо большим запасом «исторических» сведений чем ученики того же возраста в царской школе. На глазах у советских ребят происходят огромные перемены в окружающей их жизни. Они счастливые свидетели стремительной перестройки нашего быта. Идея изменений в жизни человека для наших школьников ближе и доступнее чем для школьников дореволюционной школы. Наши школьники имеют представление и о том, что делается во всем мире.

Опыт работы с советскими школьниками неоднократно показывал богатый запас сведений детей, которые можно использовать для вводных бесед по истории. У каждого ребенка легко находится, что рассказать о новом вокруг нас. Дети рассказывают о громадных стройках своего города, своего края, нашей страны, о замечательных полетах и путешествиях, о подвигах и трудах людей советской страны. Поэтому учителю легко, опираясь на детские рассказы, обобщить все сказанное детьми в очерке — характеристике жизни нашей страны.

В ответ на вопрос «Всегда ли так было в нашей стране, как теперь?» сейчас же несутся и определения того рубежа, до которого все было иначе: «После революции стало», «При царе нельзя было так». Дети не понимают еще, что такое «царь», что такое «революция». Эти слова являются пока только своеобразным определением рубежа двух эпох. У детей уже имеется представление о том, что не всегда было так, как теперь. У них даже имеются некоторые знания о том, что и как было «раньше», «при царе», «до революции». Но никаких градаций в этом «раньше», «при царе», у них пока еще нет.

Каждое известное событие из прошлого противопоставляется современности. В сознании доминирует представление «теперь» и «раньше». Ряд «сначала» и «потом» применительно к событиям, которые были «раньше», еще не существует.

Представление о том, что происходит «теперь» и что было «раньше», не в личной, а в общественной жизни у советского школьника уже имеется. Поэтому вполне возможно направить внимание ребенка сразу на явления большей исторической значимости. Мы начинаем наши беседы не с семьи ребенка, а сразу с общества и страны.

Нашим детям близки образы многих больших людей нашего времени, поэтому можно включить в первые уроки биографию какого-нибудь крупного деятеля нашей эпохи, чтобы показать историю его настойчивой работы и борьбы за лучшую жизнь и разительную перемену обстановки его детских и взрослых лет. Биографии Ворошилова, Чапаева, Горького и

многих других¹ — на каждой из них можно показать большой отрезок истории.

Нанизывание первого «исторического» повествования на стержень биографии представит ряд преимуществ. Исторические перемены будут более конкретными для детей, так как будут показаны на истории жизни и борьбы одного человека, что детям гораздо доступнее.

Рамки жизни одного человека помогут ученикам установить и длительность описанных событий. Сколько лет тому назад происходили события детства героя рассказа? Сколько лет тому назад произошел резкий перелом в его жизни? На сколько лет этот человек старше учащегося, который слушает рассказ? Могли ли учащиеся видеть в своем детстве то, что видел описываемый герой? А отец и мать? А старшие братья и сестры? А бабушка и дедушка?

Все эти вопросы утверждают в сознании учащихся представление о том, что ряд событий выходит за пределы жизни знакомых им людей, что люди различных возрастов являются свидетелями различных событий. Уясняется понятие «современник». Эти понятия крайне важны для исторического образования.

Указанный круг представлений легко закрепляется у учеников путем применения одного наглядного приема. Дети готовят узкие ленточки бумаги по масштабу примерно в 10—25 сантиметров на год своей жизни. Изготавливается также несколько «ленточек жизни» — героя рассказанной биографии, некоторых родителей, бабушек и дедушек, учителя. Сравнение ленточек наглядно показывает различную длительность жизни людей, а следовательно, и различную возможность видеть события большой давности. А если изготовить еще ленточку, изображающую давность какого-нибудь из известных уже детям событий прошлого, то из сравнения, прикладывания ленточек друг к другу легко выяснить, мог ли тот или иной человек быть современником этого события.

¹ Биографии Сталина и Ленина не указаны на первых уроках сознательно: они должны быть подробно изложены в дальнейшем курсе.

Большой эффект производит показ «ленточки жизни» такого города, как Петербург—Ленинград (в ленинградской школе). Ленточка Петербурга—Ленинграда, изготовленная учителем, свернута кружком. Учитель начинает ее разматывать. Лента не помещается от поднятой руки к полу. Учитель зовет на помощь учащихся. Начинают разматывать вдвоем. Лента не помещается и поперек класса, не помещается она и вдоль класса и по диагонали класса. Открывают дверь в коридор и только тогда удается развернуть ленту до конца.

Могли ли папа, бабушка, учитель видеть основание Петербурга? Этот вопрос вызывает теперь громкий смех. Дети никогда уже не ошибутся в этом вопросе!

Вся указанная работа приводит к уточнению в сознании детей представления об изменяемости окружающей их жизни — это, во-первых; подводит их к ощущению исторического времени, — во-вторых. Долго задерживаться на этой предварительной работе не следует.

Дети готовы уже к историческому рассказу. Как приступить к нему? Как совершить этот «скачок в прошлое»?

Учитель объясняет, что история рассказывает о переменах, происшедших в жизни народов нашей страны за долгие годы. Он предупреждает, что рассказывать об этих переменах надо в том порядке, в каком они происходили, т. е. сначала о том, что было очень, очень давно, потом о том, что было не так давно, а потом уже и о том, что было недавно и совсем недавно — иначе трудно себе представить, как же шла жизнь у нас в стране. Следовательно, «начнем историю с того, что было очень, очень давно: не десятки и не сотни и даже не тысячи, а много, много тысяч лет назад. Не стоит и пробовать делать «ленточку» этого времени: она растянется на много километров. Того, что было тогда, не могли видеть ни наши бабушки, ни наши прабабушки, ни даже прабабушки наших бабушек». Дети, знакомые с «ленточками жизни», легко воспринимают это.

Дальше, надо перейти к описанию очень далекого прошлого. «Все было

совсем не так, как сейчас. Не было городов и деревень, не было улиц и зданий, не было поездов и трамваев, не было фабрик и заводов. Люди тогда жили совсем не так, как теперь, и одевались и питались не так. Да и сама природа нашей страны была совсем не такая, как теперь. Не было ни наших морей, озер и рек, ни наших лесов, степей и гор. Все было другое. Наша страна тоже была совсем не такой, как теперь. Всю северную часть ее покрывал огромный ледник...» Затем следует описание нашей страны в древности, жизни древних людей и т. д.

Введением к этому рассказу—предположением о «ленточке» во много километров и о том, что этого не могли видеть и наши прапрабабушки, — дети были подготовлены к восприятию новой картины. А исключительное своеобразие этой картины, столь отличающейся от современности, положит прочное основание для отодвигания жизни первобытных людей в очень далекое прошлое. «Это было очень, очень давно».

«Скачок в прошлое» сделан. Теперь можно было начинать поступательное движение исторического повествования. Начинается курс истории. Не следует себя, конечно, обманывать, думая, что далекое прошлое после этого первого рассказа отодвинуто детьми в даль веков полностью. Не раз учителю приходится встречаться с фактами грубого приближения и смещения детьми далеких от нас событий. Ребенок, придя домой, может обратиться к бабушке с вопросом, не видала ли она охоты на мамонта¹ (ведь к матери он с таким вопросом не обратился. И то хорошо!). Понятия такой сложности, как века и тысячелетия, создаются и закрепляются не сразу, а постепенно.

4

Мы уже указывали, что с изложения жизни первобытных людей начинается изложение исторического курса в историко-хронологической последовательности событий.

¹ Факт, происшедший в одной из ленинградских школ в классе очень опытного учителя.

Исторические события излагаются в том порядке, в котором они совершались. Реализация такого изложения наталкивается, однако, на ряд трудностей как при составлении программы и учебника, так и в работе с детьми.

В самом деле, если бы мы в истории и в преподавании истории могли иметь дело только с одним рядом событий, задача была бы проста: закончилось одно событие, начинается другое, за ним — следующее и т. д. Но мы имеем в истории сложный переплет событий. Так например сначала обычно излагалось татарское завоевание, а уже затем возвышение Москвы. Сведения о первоначальной Москве (1147 год) предпосылались рассказам о возвышении Москвы, но они оказывались в рассказе учителя после татарского завоевания (1224—1240 годы). Дети поэтому относили очень часто возникновение Москвы к XIV веку.

Этого смещения событий можно было избежать, рассказав детям о возникновении Москвы при изложении истории Суздальского княжества в XII веке.

Второй раз Москва встречается при описании похода Бату (1237—1238 годы). Татары взяли Москву и разорили ее. Разорение города, уже знакомого детям по прежним описаниям, сделает более убедительным рассказ о походе Бату. Далее последует описание русской земли под властью татар, положение московского князя и его княжества, его отношения с ханом и с другими русскими князьями, рассказ об Иване Калите, сумевшем получить ярлык «великого» князя путем сговора с ханом и благодаря участию в подавлении тверского восстания.

Нет никаких оснований отодвигать первые сведения о Москве до изложения истории XIV века. Можно включить колоритные сведения о Москве в цельную историческую картину развития Северовосточной Руси. Постоянное возвращение к Москве, сплетение ее истории с рядом исторических событий других княжеств и народов, создает и укрепляет впечатление о длительности этой истории. Мимолетный же исторический экскурс в прошлое Москвы при изложении событий XIV века не дает этого.

Иное мы имеем при изложении Кавказской войны. Эту войну мы изложили связно, от начала до конца, не перебивая ее изложение описанием Крымской войны и другими вопросами. Мы считали недопустимым разбивать цельность сюжета, так как отдельные эпизоды Кавказской войны мы не имели возможность органически связать с последующим материалом.

Таким образом, вопрос о построении изложения надо решать каждый раз с учетом конкретного материала. Единство основного сюжета или возможность органического включения отдельных эпизодов в другой сюжет — вот что должно решать вопрос.

Делаемые при изложении, ради единства основного сюжета, частичные хронологические отступления должны быть учтены учителем в работе: учитель должен предупреждать возможные ошибки детей.

Таким образом, в указанных примерах будут сочетаться элементы и линейного (последовательного) и синхронистического (одновременного) изложения материала.

Расположение материала становится особенно затруднительным теперь, когда строится курс «истории народов СССР». История Грузии, Армении, Средней Азии древнее истории Киевского государства. Необходимость ввести детей в эту историю лишит наш курс уже с первых его глав единства места, единства сюжета. Это представит для детей большую трудность, так как синхронистическое расположение гораздо сложнее для усвоения чем простое — линейное. Методике обучения истории предстоит здесь серьезнейшая задача по изысканию путей преодоления этих трудностей. Учителю необходимо постоянно учитывать эту трудность в своей работе. Эти же замечания касаются и элементов всеобщей истории, хотя здесь положение будет несколько проще, так как эти элементы будут вводиться лишь по их связи с историей нашей страны.

Как влияет историко-хронологическое изложение на развитие у детей представления об исторической перспективе? Исторический курс, излагаемый в хронологической последовательности, дает детям возможность

следить за течением событий, дает возможность изучать происходящие в жизни народов изменения. Все это может способствовать выработке представлений об исторической перспективе. Учитель должен эту возможность превратить в действительность. Простого расположения отдельных исторических эпизодов в их хронологической последовательности еще далеко не достаточно. Оторванные друг от друга, эпизоды перемещаются в детском сознании. Не только последовательное, но и связанное изложение, с постоянным раскрытием причинных связей между двумя или рядом последовательно излагаемых фактов может закрепить в сознании детей последовательный ряд фактов. Так, учитель рассказывает о Куликовской битве (1380 год), о набеге Тохтамыша на Москву (1382 год), а затем, после нескольких уроков, — об уничтожении татарского владычества (1480 год).

Дети должны усвоить внутреннее содержание каждого из указанных событий, должны понять историческую причинную связь между ними. Куликовская битва (1380 год) была первой удачной попыткой русских князей освободиться от власти татарского хана. Сначала попытка, а потом свершившийся факт — освобождение от татарского ига. Эти два факта необратимы не по внешним, а по внутренним причинам, и это должно быть подчеркнуто учителем.

Сначала было издано запрещение, отменявшее свободный переход от одного помещика к другому в Юрьев день (1581 год), а потом разгорелась крестьянская война (в начале XVII века), потому что именно это ухудшение положения крестьян вызвало массовый взрыв недовольства.

Постоянное подчеркивание причин, по которым данное событие могло иметь место раньше или позже другого, создает и закрепляет представление об историческом развитии.

Практика работы с детьми с очевидностью показывает, что установление таких исторических рядов с подчеркиванием причинных связей является важнейшим средством создания представлений об исторической перспективе.

Затрудняет лишь переплетение различных рядов, неизбежное при изложении курса гражданской истории народов СССР. Коррективом служит применение в работе приема «вертикальных разрезов» при повторении. Так например, изложив историю страны до отмены крепостного права, можно поставить повторение не по пройденным темам (горизонтально)¹, а по отдельным рядам явлений, с прослеживанием этих рядов через все хронологические этапы (т. е. вертикально)²: повторить, например, вопрос о расширении границ Московского государства и Российской империи от XVI до XIX века, вопрос о закреплении крестьян за тот же период и т. п.

Мы уже видели, что рядом с воспитанием представления о ходе исторического процесса нужно вырабатывать и представление о длительности исторических событий, а вместе с ним и представление о глубине исторического времени. Каким путем можно этого добиться? Здесь мы уже подходим к вопросу об измерении исторического времени вообще и отдельных исторических событий и явлений в частности.

5

Историко-хронологическая последовательность изложения воспитывает представление об исторической перспективе. Но эта историческая перспектива только тогда станет определенной и четкой, когда она будет измерена. «Татарское владычество продолжалось 243 года, почти два с половиной века, без семи лет два с половиной века», «Северная война продолжалась двадцать один год», «Мировая война продолжалась четыре года» и т. д. Эти данные дают четкие представления о длительности исторических событий. Определяются точно и промежутки между отдельными событиями: «Между окончанием Крымской войны и отменой крепостного права прошло 5 лет».

¹ Темы прохождения курса: «Российская империя при Петре I», «Расцвет дворянской России» и т. д.

² Темы повторения: «Крестьянский вопрос», «Внешняя политика» и т. д.

Мы не отрицаем рекомендованный методистами еще до революции прием указывания «сколько лет тому назад произошло данное событие», но мы употребляем его лишь как подсобный. Он помогает воспитывать у детей представление о глубине исторического времени. Мы говорим: «Октябрьская революция была 20 лет тому назад», «крепостное право отменили 76 лет тому назад» и т. п. Но мы считаем, что точное указание определенной даты для каждого важного события является обязательным элементом изложения события, равно как и ответы на вопросы: как оно происходило, где оно разворачивалось и кто принимал в нем участие? Даты точно определяют место события во временном ряду, уточняя представление о течении и темпах исторического движения. Прогрессивный хронологический ряд должен явиться стержнем расположения исторических событий в сознании учащихся. «Хронология в истории—то же, что карта в географии», «Хронологические даты—как бы вехи, верстовые столбы на пути развития...» Эти, встречающиеся в методической литературе сравнения совершенно верны.

Запоминание даты учениками дает основу для запоминания самого исторического материала. Знание хронологии подкрепляет понимание историко-причинных связей между событиями. Постепенно у детей должно создаться представление об историческом времени как о длинном ряде, уходящем в бесконечность прошлого и будущего. В этом ряду должны выдвигаться «верстовые столбы», определяющие положение важнейших событий во времени. Это представление должно служить костяком исторических знаний, который постепенно обрастает плотью живых, конкретных исторических образов.

Далее, встает вопрос о понимании детьми ряда хронологических терминов. Термины «век», «дата», «хронология» должны быть разъяснены детям. Трудностей в них нет никаких, но термин «наше летосчисление» мало понятен детям. Вопрос о системах летосчисления встает на первых уроках исторического курса V класса, но и здесь встречается большие затрудне-

ния. Понятие о «нашем летосчислении» следует снять в III классе. В III классе надо на первых порах пользоваться выражением «столько-то тысяч лет назад» и держаться этого приема вплоть до изложения исторических событий нашей эры. Дойдя уже до событий, которые были за тысячу с небольшим лет назад или, скажем, за 10—12 веков до нашего времени, можно впервые дать точное определение века: 11 веков назад; теперь у нас XX век, следовательно, это было в IX веке. Для III—IV классов будет вполне достаточно точного знания хронологии от IX до XX века.

Возникает вопрос и о составе хронологического ряда для III класса. Нескольких дат на весь курс, как это иногда предлагалось, будет далеко не достаточно. Но неправильным было бы становиться и на путь перегрузки детской памяти большим количеством дат. Нет нужды загружать память детей датами начала и конца княжений или царствований, как это делалось в царской школе. Исключение стоит, может быть, сделать для XIX—XX веков (Александр I—Николай II). Эти несколько дат служат четкой сеткой для распределения во времени основных событий XIX—XX веков.

Следует к тому же отметить, что все даты царствований XIX—XX веков ознаменованы крупными историческими событиями, которые должны быть хорошо известны детям.

Исключение составляет лишь дата смерти Александра III (1894 год), запоминания которой можно и не требовать от детей.

Отбор дат для элементарного курса истории определяется содержанием курса, с одной стороны, и емкостью детской памяти—с другой. В курсе многогранной гражданской истории нужны даты не только политической истории, внешней политики, но и даты социальных движений, актов внутренней политики, фактов культурной истории и др. В каждой из областей нужны даты и вехи, которые помогут закрепить в памяти детей основные моменты истории соответствующей группы фактов.

Так, для истории монгольского владычества такие вехи дает следующая группа дат:

1224 год — первая битва с татарами (на реке Калке).

1237 год — начало похода Бату.

1380 год — первая удачная попытка борьбы с татарами (Куликовская битва).

1480 год — освобождение от татарского владычества.

Нет необходимости делать обязательной дату разорения Киева (1240 год), но неоднократные наблюдения показали, что дети с легкостью запоминают эту дополнительную дату, так как она вносит дополнительный элемент конкретности в описание исторического факта (три года продолжалось завоевание русских княжеств).

Прочное знание четырех основных дат обеспечит знание и правильное размещение во времени основных моментов истории татарского владычества над русскими княжествами. В основной хронологический минимум должны, следовательно, войти такие ряды, такие группы дат, которые дадут опору как для представлений о

ходе соответствующей группы событий и явлений, так и для запоминания их последовательности. Этот минимум может быть несколько расширен за счет таких дат, которые конкретизируют длительность описываемого события и которые запоминаются без излишних усилий для памяти детей. Эти даты могут и не считаться обязательными. Их роль будет служебной.

Важнейшим условием включения даты в хронологический минимум должна явиться ее связь с излагаемым материалом. Каждая дата должна быть связана с развернутым изложением события. Вредно было бы требовать запоминания детьми даты, не связанной с конкретными представлениями о ходе данного события и его значении. Хронологический минимум начальной школы не может быть обширен: он должен быть ограничен, как это показала практика, примерно, 80 датами. Мы должны стремиться к тому, чтоб дети знали небольшой минимум, но знали его твердо.

ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ КУРСА ИСТОРИИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

«...Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий...»

(Из постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года).

Последовательность изложения учебного курса имеет важнейшее значение для усвоения предмета. Это общее положение методики в полной мере применимо и к истории.

Советская методика истории в вопросе о последовательности изложения курса наделала много ошибок. Ошибки эти не были до конца устранены в школьной практике и после постановления партии и правительства от 16 мая 1934 года.

Помочь учителю разобраться в этом вопросе и составляет задачу настоящей статьи.

1

Старая школа придерживалась в изложении исторических курсов примитивной хронологической последовательности, которая недалеко ушла от хронологизма летописи. Подобно летописцу программы и учебники царской школы хронологически и последовательно рассказывали о событиях, происходивших при том или ином царе или короле. Материал исторического прошлого объединялся по признаку отдельных царствований, внутренние связи событий оставались совершенно нераскрытыми.

Ряд буржуазных историков и социологов предлагал отказаться от такой последовательности в изложении фактов прошлого и перейти к «научной» системе группировки фактов по категориям. Так например по истории Киевской Руси предлагалось сгруппировать материал по следующим рубрикам: 1) внутренний политический строй, 2) общественный строй, 3) культурный быт, 4) внешние отношения.

Эта методическая концепция завоевала большое число сторонников среди левобуржуазного крыла русских методистов до революции. Ее разделял одно время и известный историк-методист М. Н. Коваленский (первое издание учебника которого написано по такому плану).

Концепция эта имеет значительное распространение и сейчас в буржуазных странах. В немецкой методической литературе такая система изложения материала носит название «продольных разрезов» (Längsschnitte). Аналогичные взгляды пропагандируют авторы различных курсов истории культуры. Показательны в этом отношении «Очерки истории русской культуры» П. Н. Милюкова; так же построен «Очерк истории русской культуры» М. Н. Покровского.

Эта методическая концепция глубоко связана с враждебной марксизму буржуазной «позитивной социологией».

2

В первые годы после Октября принцип «продольных разрезов» увлек советских историков и методистов во главе с М. Н. Покровским. В борьбе с «примитивным хронологизмом» старых исторических курсов многие методисты готовы были ухватиться за оружие, изготовленное буржуазной социологией.

Проблема построения исторического курса разрешалась следующим способом: исторический процесс разлагался на ряд составных процессов, и эволюция каждого из этих рядов прослеживалась изолированно, в пределах большого исторического периода. В основу клали четырехчленную схему: хозяйство, общество, государство,

духовную культуру¹. Этой буржуазной схемой подменялось марксистско-ленинское построение курса истории. Вместо конкретной истории какой-либо эпохи или страны давалось изложение эволюции хозяйства, общества, государства и духовной культуры, взятых как совершенно изолированные, независимые друг от друга линии развития.

Такой принцип построения характерен и для исторической литературы первого десятилетия после Октября и для многочисленных программ по истории, вышедших в эти годы. Возьмем для примера книгу Розенталя по истории средних веков². История средневековья в ней разбита на две части (до XI века и XI—XV веков), и в пределах каждой из этих частей исторический материал заботливо разложен по названным выше четырем рубрикам. Мнимая, ложная стройность этой книги достигается путем насильственного схематизирования истории.

То же самое мы найдем и в исторических программах того времени. Вот как излагают «стабильные» программы 1927 года по истории (для 8 и 9-х классов) историю Европы XIV—XVIII веков:

I. Экономика. Европейская торговля XII—XVI веков (от левантской торговли до великих географических открытий).

II. Классы и их борьба. Крестьянские войны и ранние буржуазные революции. Жакерия, Уот Тайлер, гуситские войны, крестьянские войны в Германии, «разинщина» в России, «хмельница», английская революция, «пугачевщина» в России. Война за независимость США.

III. Государство торгового капитала. Людовик XIV и русский абсолютизм XVIII века. Парламент в Англии XVIII века.

IV. Культура торгового капитала. Гуманизм и религиозная реформация. Прогресс точных наук. Новые течения в буржуазной

идеологии: рационализм, материализм, новые теории общества³.

Что получится в голове у школьника, которому исторические знания будут сообщены в такой системе? Мешанина из крестьянских войн (от XIV до XVIII века!), изучаемых вне связи с конкретной экономикой и с политической историей отдельных стран; абстрактное государство торгового капитала; оторванная от социально-политической истории религиозная реформация, которая излагается после английской революции и Людовика XIV (!) вне связи с гуситским движением и крестьянской войной в Германии (!).

3

М. Н. Покровский, на словах неоднократно выступавший против «экономического материализма» Рожкова, на деле сам продолжал быть экономическим материалистом и находился под властью буржуазных социологических схем.

Покровский предлагал излагать исторический материал по «проблемам». В составленной при его непосредственном участии программе по новейшей русской истории (1927 год) вместо конкретной истории России XIX века и начала XX века в программе предложен разбор 4 вопросов: 1) буржуазный либерализм и радикализм (примерно от Радищева до наших дней), 2) народническая революция (от Герцена до левых эсеров), 3) пролетарская революция (от начала рабочего движения до Октября), 4) национальная и колониальная политика царизма (от XVI века до революции 1917 года).

В этой программе нет ни истории революции 1905 года, ни истории Великой пролетарской революции, хотя о них говорится много раз, то в связи с идеологией кадетов, то в связи с эволюцией народничества, то в связи с национально-колониальным движением. Эта программа не дает никакого представления о живом ходе

¹ Эту схему изложения курса горячо отстаивал в своих методических работах и учебниках Н. А. Рожков.

² Розенталь «Западноевропейское средневековье». Ч. 1-я. «Раннее средневековье». 1924. Ч. 2-я. «Позднее средневековье». Л. 1925.

³ Программы и методические записки единой трудовой школы. Вып. 5-й, стр. 13—14. 1927. См. также программы по курсу «Истории развития общественных форм».

конкретного исторического процесса, о революционной диалектике истории.

Эта антиленинская концепция выступает со всей силой и в «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского. М. Н. Покровский настолько отошел от историко-хронологической последовательности в изложении в этом своем учебнике, что империю Николая I охарактеризовал раньше чем восстание Пугачева.

Последняя программа Наркомпроса, составленная в 1933 году врагами народа Ванагом и Килерогом, до исторического постановления ЦК и Совнаркома от 16 мая 1934 года о гражданской истории, также строит курс истории по «проблемам» и темам вместо изложения его в хронологической последовательности.

В качестве примера остановимся на разделе «Феодальная Европа XI—XV веков». Как характерные черты этого периода программа указывает: по линии экономической—развитие городов и торгово-денежных отношений, по линии социальной—обострение классовой борьбы в деревне и городе, по линии политической—образование сословных монархий. Авторы программы предлагают поэтому сгруппировать весь исторический материал вокруг этих проблем. Таким образом, устанавливается следующая тематика курса:

1. Развитие городов и торгово-денежных отношений.
2. Классовая борьба в городах.
3. Борьба крепостного крестьянства против помещиков-феодалов.
4. Образование сословных монархий.

При таком построении, во-первых, теряется живая, конкретная история отдельных государств (Англия, Франция, Германия): она разнесена по кусочкам между темами. Поэтому в каждой теме ученику придется путешествовать по разным странам Европы и по разным векам. О «великой хартии вольностей» и английском парламенте ученик узнает значительно позже чем о восстании Уота Тайлера, о том, что английский парламент издал «устав о рабочих», ученик услышит раньше чем о возникновении парламента. Как не запутаться здесь учащимся?

Ликвидировать эти коренные антимарксистские ошибки в построении учебного курса можно только одним путем: путем проведения строгой историко-хронологической последовательности в изложении исторического курса. Борьба за конкретность истории, за диалектику в преподавании истории является в то же время и борьбой за хронологическую последовательность в изложении курса.

4

Проводя принцип хронологической последовательности в изложении курса, преподаватели истории натолкнулись на ряд трудностей. При этом многие из школ с этими трудностями не справились до сих пор.

Борясь с социологическим схематизмом построения курса, многие (и далеко не худшие) учителя стали на путь «примитивного хронологизма» старой, царской школы. Поворот к «примитивному хронологизму»—одно из проявлений эмпиризма, который обнаружился в последние два года в работе ряда школ.

Возьмем пример из курса истории 7-го класса по последней теме—«Англия в XVI—XVII веках». Учебник Гукковского и Трахтенберга начинал эту тему с суммарной характеристики Англии XVI и первой половины XVII века, смешивая два существенно различных этапа в развитии Англии: время Тюдоров и первых Стюартов. Это было естественным выражением социологического схематизма этих авторов.

Указания Наркомпроса к программам на 1934—1935 год правильно предлагали учителю выделить эпоху Тюдоров. Однако некоторые школы пошли еще дальше, предложив эпоху Тюдоров разбить на две части: а) до середины XVI века и б) вторая половина XVI века (век Елизаветы). Принципиальных возражений это предложение не может вызвать, но вслед за этим ряд преподавателей попытался английскую историю XVI—XVII веков построить по такой схеме: 1) Генрих VII, 2) Генрих VIII, 3) Эдуард VI, 4) Мария Тюдор, 5) Елизавета; это

являлось капитуляцией перед эмпиризмом старой школы.

Такие же тенденции обнаружались и в 6-х классах, особенно по истории Римской империи, курс которой в ряде школ превратился в последовательное изложение «деяний» отдельных императоров.

Как же преодолеть этот «примитивный хронологизм»? Первое и важнейшее условие — четкая, марксистская периодизация курса, разбивка его на периоды по основным событиям, имеющим решающее значение в истории человечества.

Курс должен показать существенные особенности каждого периода, сопоставив его с другими периодами.

Естественным выводом отсюда является необходимость включения в курс ряда социально-экономических и политических характеристик, обобщающих конкретные, исторические события. Эти характеристики должны быть даны в форме, доступной и интересной для учащихся того или другого класса (в младших классах иногда даже в форме культурно-бытового очерка¹). Нельзя историю Киевской Руси свести в VIII классе только к войнам и мероприятиям отдельных князей. Должно быть найдено место для характеристики положения смердов и закупов и для выяснения политической роли веча. Точно так же в курсе средней истории должно быть отведено место для характеристики общих черт раннего феодального государства и сословной монархии, для обобщающей характеристики цехов, мануфактур и т. д.

Хронологически последовательное изложение политической истории должно сочетаться с широкими характеристиками экономической, социальной и политической жизни того или иного периода. Без этого мы не сможем подвести учащихся к марксистскому пониманию прошлого. Мы скатимся на рельсы эмпирической истории, весьма далекой от марксистского курса гражданской истории, который не может ограничиться «шу-

¹ Например: «День в Помпеях». «В феодальной деревне», «При дворе Людовика XIV» и т. д.

михой государственных мероприятий»².

В письме об учебнике истории ВКП(б) товарищ Сталин говорил, что нельзя ограничиваться «рассказом, простым описанием событий и фактов борьбы течений, не давая необходимого марксистского объяснения»³. Эти глубокие замечания могут быть вполне отнесены и к школьному курсу гражданской истории. Иначе курс «будет выглядеть не как история, а как легкий и непонятный рассказ о делах минувших»⁴.

5

Советская школа — школа пролетарского интернационализма, — конечно, не может ограничиться изучением прошлого одной лишь Советской страны. Она не может ограничиться даже историей Европы (как это делала часть буржуазных школ). В эпоху мировой пролетарской революции нельзя пройти мимо «величайших мировых бурь в Азии», мимо пробуждающейся Африки и Латинской Америки. В борьбе с фашистским мракобесием нам сейчас необходимо всемерно пропагандировать всю полноту знания о всех народах и цивилизациях, ими созданных.

История борющегося человечества не распадается на абсолютно замкнутые, не связанные одна с другой истории отдельных народностей и государств. Истории отдельных стран объединены, во-первых, однородностью исторического процесса и, во-вторых, сложными связями друг с другом. Естественно, поэтому перед нами встает сложная методическая проблема: как обеспечить систему нашего изложения одновременно и знание конкретной истории отдельных стран и понимание общего хода мирового исторического процесса.

Неправильно было бы изложить учащимся всю историю Англии с англосаксонского периода до министерства Болдуина, а потом перейти к истории Франции от Хлодвига до Лёна Блюма и т. п. При таком постро-

² Маркс и Энгельс. Т. IV, стр. 26.

³ «Большевик» № 9 за 1937 год, стр. 8.

⁴ Там же.

нии курса мы не дали бы учащимся никакого представления об общем ходе исторического процесса. Да и самой истории Англии и Франции не сумели бы объяснить, ибо без понимания целого не могут быть поняты его части. Точно так же не может быть понята история нашей страны, если мы оторвем ее от мировой истории.

«Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великобритании не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, — это во-вторых», — писали товарищи Сталин, Жданов и Киров в замечаниях по поводу конспекта учебника по «Истории СССР»¹.

Было бы в то же время грубейшей методической ошибкой в погоне за хронологическим расположением материала слишком часто прерывать изложение истории одной страны, для того чтобы перейти к другой. При таком построении курса представление об общем ходе исторического процесса у учеников будет очень смутным, так как история отдельных стран будет дана обрывками. Отметим также, что частые переходы от истории одной страны к другой резко снижают и интерес учащихся к истории: они не успевают заинтересоваться историей Византии VI века, как преподаватель переходит к изложению истории другой страны.

Преподаватели отмечают большую трудность для учащихся по курсу средней истории по сравнению с древней. Эти трудности в значительной степени объясняются тем, что в курсе истории средних веков ученики должны следить одновременно за ходом исторического процесса в нескольких странах. В курсе же древней истории они последовательно переходят от истории одной страны к другой. Ученики приступают к истории Двуречья, закончив (а не прервав) историю Египта; лишь закончив историю Греции, ученики переходят к истории Рима. В курсе же

средней истории, очевидно, нельзя стать на такой путь.

Правильное решение этой трудной методической проблемы может быть дано только на основе хорошо разработанной марксистской периодизации общего исторического процесса. Разбив исторический процесс на периоды, нужно затем в пределах каждого из этих периодов давать обзор истории отдельных стран (начиная, как правило, со стран, играющих в данном периоде «ведущую роль»).

Чем ближе мы подходим к современности, тем детальнее становится периодизация и, следовательно, тем чаще будет переход от истории одной страны к другой. Если при прохождении европейской истории XI—XV веков можно изложить сразу, «одним куском», историю Англии всего этого периода (от Вильгельма Завоевателя до Тюдоров), а потом перейти к истории Франции, то для истории XVI—XVII веков такой путь нужно отвергнуть. Построение программы по истории XVI—XVII веков должно обеспечить понимание отличительных особенностей века реформации и воинствующей католической реакции и т. д. Испания Филиппа II, нидерландская революция, гугенотские войны во Франции, «непобедимая Армада», елизаветинская Англия — все эти события из истории разных стран глубоко связаны между собой. Осознание этой связи учащимися будет затруднено, если история отдельных стран будет изложена слишком «большими кусками».

Поэтому нужно признать принципиально правильным тот путь, на который стали авторы нового конспекта учебника по истории средних веков, где намечена следующая тематика по истории XVI—XVII веков*.

Но, положив в основу правильный принцип, авторы конспекта в реализации его зашли несколько дальше чем следует. Вряд ли целесообразно в курсе средней школы трижды при изложении истории XVI—XVII веков возвращаться к истории Германии и разбивать на две части материал по истории Нидерландов и Турции.

И школьная практика уже внесла свои коррективы: лучшие преподава-

¹ Подчеркнуто мною. — В. Б.

* См. таблицу на стр. 108.

ИСПАНИЯ	ГЕРМАНИЯ	АНГЛИЯ	ФРАНЦИЯ	НИДЕРЛАНДЫ	Другие страны
Гл. III. Возвышение Испании и великие географические открытия.	Гл. IV. Реформации и крестьянская война в Германии.	Гл. V. Англия в XVI веке.	Гл. VI. Усиление королевской власти и гугенотские войны во Франции.	Гл. VII. Революция в Нидерландах.	Гл. I. Италия в XV—XVI веках. Гл. II. Турция XV—XVI веков.
	Гл. VIII. Тридцатилетняя война. Гл. XI. Австрия и Пруссия конца XVII века.	Гл. IX. Английская революция. Гл. XII (§§ 2 и 3). Англия конца XVII века.	Гл. X. Расцвет абсолютизма во Франции.	Гл. XII (§ 1). Буржуазный строй в Голландии.	Гл. XI. Турция в конце XVII века. Польша XVI—XVII веков.

тели знакомили учеников с буржуазным строем в Голландии XVII века непосредственно после изложения истории революции в Нидерландах и поступали правильно (хотя и забежали несколько вперед в XVII веке). Характеристика Голландии XVII века, «образцовой капиталистической страны XVII века», является прекрасным завершением истории первой, ранней буржуазной революции. Может ли эта задача быть разрешена в курсе средней школы без предварительного знакомства с гл. VIII—XI конспекта, то есть с историей 30-летней войны, английской революции и французского абсолютизма? Конечно, может. А следовательно, нет никаких оснований затруднять изучение учащимися истории Голландии XVI—XVII веков путем разбивки ее на две части.

6

До сих пор мы имели в виду построение курса в целом, так сказать, тематику курса. Теперь рассмотрим систему изложения материала внутри каждой темы.

Возьмем для примера какую-либо конкретную тему, например «Расцвет абсолютизма во Франции». Попробуем разложить исторический материал по ящикам с ярлыками: «экономика», «социальный строй» и т. д., и сразу станет ясным, что стройность

будет достигнута ценою разрыва живых связей, что мануфактура попадет в один ящик, а кольбертизм — в другой, что социальные движения начала XVIII века оторвутся от войны за испанское наследство. Очевидно, конкретная гражданская история при таком построении темы пропадает.

Попробуем изложить материал просто в хронологической последовательности, год за годом. Но и это разрешение вопроса никуда не годится. Окажется, что у нас выпала и характеристика положения рабочих на мануфактуре, и французский двор, и бюрократия: при такой системе остается груда фактов, только внешне приведенных в порядок.

Другой пример — тема «Образование Российской империи». Будет ли правильно излагать реформы Петра в хронологической последовательности, переходя, например, от указа об учреждении губерний (1708 год) к учреждению сената (1711 год), к указу о единонаследии (1714 год), к организации коллегий (1717 год), к подушной переписи (1718 год), к указу о посессионных крестьянах (1721 год) и т. д.? Или правильнее изложить реформы Петра по вопросам (экономическая политика, финансы и пр.)? Бесспорно, лучших результатов мы добьемся, став на второй путь. А как же быть с внешней политикой Петра I? Ее, конечно, тоже методически

целесообразно изложить «одним куском». не перебивая истории Северной войны названными выше реформами, с тем, однако, чтобы связь реформ с войной была показана позднее, при изложении реформ.

Так где же выход? Он значительно сложнее, и, главное, он для каждой темы особый.

Иногда сходные вопросы будут решаться различно несмотря на их формальную близость.

Так, в курсе истории XIX века не только допустимо, но и целесообразно всю историю покорения Средней Азии изложить подряд, хотя она и охватывает правление двух Александров. В то же время преподаватель допустил бы грубую ошибку, объединив в одну тему историю русско-турецких войн второй половины XIX века, так как Крымская война не может быть изложена после, а война 1877—1878 годов — раньше реформы 1861 года.

В данном случае вопрос разрешается просто и бесспорно. Нередко, однако, преподаватель натолкнется на более значительные трудности. Так, в практике школ различно разрешается вопрос о порядке включения в историю СССР XVI—XVII веков вопросов истории Украины. Часто преподаватели, например, излагают историю Украины XVI—XVII веков (с образования Речи Посполитой до

конца XVII века) после истории Московского царства при первых Романовых. Выгоды такого решения вопроса ясны. Но, став на этот путь, преподаватель закрывает для себя возможность использования материала истории Украины при изложении истории польской интервенции и социальных движений 60—70-х годов XVII века.

Поэтому часть преподавателей историю образования Речи Посполитой и первых казацких восстаний против польской шляхты предлагает изложить до истории польской интервенции. Тогда легче разобраться в самой истории польской интервенции, в крушении дерзких замыслов панов. Второе решение вопроса мне представляется более правильным.

Новые программы, авторы учебников, составители методических пособий должны помочь преподавателю советской школы в конкретном разрешении проблемы последовательности изложения исторического материала применительно к каждой части курса. Направление этой работы указано постановлением партии и правительства от 16 мая 1934 года, которое выдвигает как один из важнейших принципов преподавания гражданской истории «соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий».

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

(Материал и экскурсии)

Учащиеся наших школ, наши дети, — это будущие строители коммунистического общества, это будущие борцы за великое дело торжества коммунизма во всем мире.

Чтобы быть сознательным строителем коммунизма, стойким борцом за советскую родину, надо знать и любить ее. «Советский школьник не может понять всего величия, всей волнующей силы, всей красоты Великой пролетарской революции, если он не знает, как создавалась и подготавливалась она, как зрели ее силы, каковы были ее источники в самых толщах народных масс»¹.

В советской школе преподавание истории приобретает исключительное воспитательное значение. Марксистски выдержанный, конкретный, исторически правдивый учебник истории должен стать важнейшей воспитательной книгой подрастающего поколения. Но изучать историю СССР только по учебнику, конечно, недостаточно. Наша партия и советское правительство требуют наглядности преподавания истории. Одним из методов наглядного преподавания истории является метод экскурсионный. Экскурсии дают возможность локализации изучаемого исторического события, создают конкретное и образное представление об изучаемом историческом явлении. Любое место нашего Союза, любой город в той или иной степени дают материал для исторического изучения. Во многих местах сохранились остат-

ки старинных крепостей, старинных торговых зданий, домов, где жили и вели подпольную революционную работу вожди коммунистической партии; многие города являлись ареной развертывающихся революционных событий.

Историю отдельного города нужно давать не оторванно, а раскрывать как органическую часть всей истории СССР. Экономическая, политическая, культурная жизнь города, классовый состав населения, рост территории города, перемены во внешнем его облике должны даваться во взаимной связи, как дополняющие друг друга элементы единого исторического процесса. При ознакомлении учащихся с тем или иным периодом в истории города следует выделять наиболее типичные явления для данного периода.

Каждый преподаватель истории должен хорошо изучить историю своего города, уметь найти наиболее ценные для экскурсионного изучения исторические объекты. Данная статья дает историю Красной площади в Москве. Этот материал может быть использован для экскурсий на ряд тем: «Красная площадь в XVI и XVII веках», «Красная площадь в XVIII и XIX веках», «Красная площадь—форум Москвы, столицы СССР».

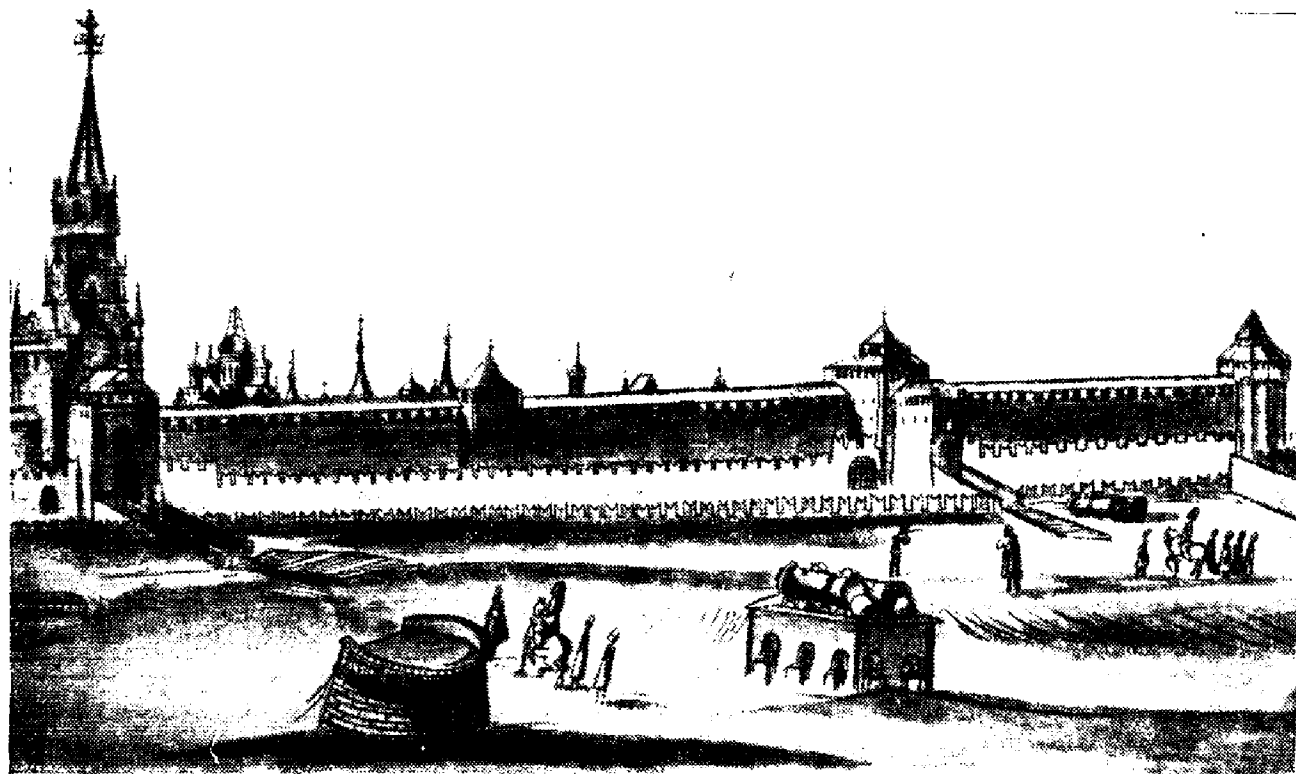
* * *

Красная площадь — самая старинная площадь Москвы. Она возникла как кремлевское «Застенье» — незастроенный, по военным соображениям, участок. По мере расширения Кремля отодвигалась на восток его стена, отодвигалась на восток и Красная площадь. (Современных границ Кремль достиг при Иване III, когда в 1485—1495 годах были построены существующие кремлевские стены).

Сюда сходились дороги из Твери (теперь улица Горького), Дмитрова (улица Пушкина), Переяславля и Владимира (улица 25 октября) и Новгорода (улица Герцена). Отсюда через Москву-реку лежал путь в Золотую Орду (Ордынка). Вблизи находилось «пристанище» Москвы-реки и Мытный двор, где взимался «мыт» — торговая пошлина с привозимых в Москву товаров.

Красная площадь — узел торговых

¹ «Правда» № 66 от 7 марта 1936 года.

Кремлевская стена.

Спасские и Никольские ворота. 1661—1662 годы.
Рис. Мейерберга.

путей Москвы. Здесь возник рынок. Рядом вырос торговый посад. По мере роста внутренней и внешней торговли Москвы росло торговое значение Красной площади.

Красная площадь в XVI веке

В первой половине XVI века (1534—1538 годы) Красная площадь вместе с торговым посадом была ограждена стеной и вошла в состав Китай-города.

Вдоль восточной стороны Красной площади тянулись торговые ряды.

Вдоль Кремлевской стены был ров, глубиной в 4 сажени и шириной в 17 саженей, сделанный итальянцем Алевизом в 1508 году. Ров был наполнен водой, что превращало Кремль в остров.

Через ров к Спасским и Никольским воротам Кремля вели подъемные мосты.

На южном конце Красной площади царь Иван IV в память взятия Казани построил Покровский собор «на рву» (храм Василия Блаженного). Этот замечательный по архитектуре храм был построен в 1555—1560 годах русскими мастерами по прозвищу Барма и Постник. Подклеть собора использовалась купцами для сбережения товаров от пожаров и воров.

Против Спасских ворот в XVI веке было устроено кирпичное возвышение с деревянной оградой — Лобное место — трибуна. В XVII веке Лобное место было сделано каменным, а в XVIII веке приняло современный нам вид.

С Лобного места выступали цари, отсюда читались царские указы, объявлялись приговоры о казнях. Около Лобного места, ближе ко рву, совершались казни.

Иностранцы, жившие в Москве в XVI веке, оставили нам подробные описания массовых казней на Красной площади. Здесь при Иване IV были казнены сторонники восставшего Новгорода, здесь во время опричнины производилась расправа с неугодными царю боярами из земщины.

Опричник Генрих Штаден сообщает: «На этой площади умерщвляли господ из земщины. Тогда вся площадь — от западных ворот и до этого храма (Покровского собора.— Э. Б.)— бывала окружена и занята опричными стрелками. Трупы оставались обнаженными на площади и днем и ночью — народу в назидание»¹.

¹ Генрих Штаден «О Москве Ивана Грозного» (Записки немца-опричника). М. 1925.

Вблизи Лобного места находился каменный помост — «раскат» — с пушками, направленными в сторону реки, на Ордынскую дорогу; другие пушки, стоявшие у Никольских ворот, защищали подход с востока. Но эти пушки не всегда защищали Кремль: в 1584 году, во время мятежа против Богдана Бельского, народ повернул эти пушки против Кремля.

В XVI веке строения на Красной площади не раз подвергались пожарам. После того как в 1595 году сгорели все ряды, в 1596 году были построены каменные ряды. Тогда же было возведено каменное здание Земского приказа (на месте теперешнего Исторического музея) и устроен каменный арочный мост через реку Неглинную у Воскресенских ворот (Воскресенские ворота находились между теперешним Историческим музеем и Музеем имени Ленина).

Красная площадь в XVII веке

В начале XVII века Красная площадь неоднократно становилась сви-

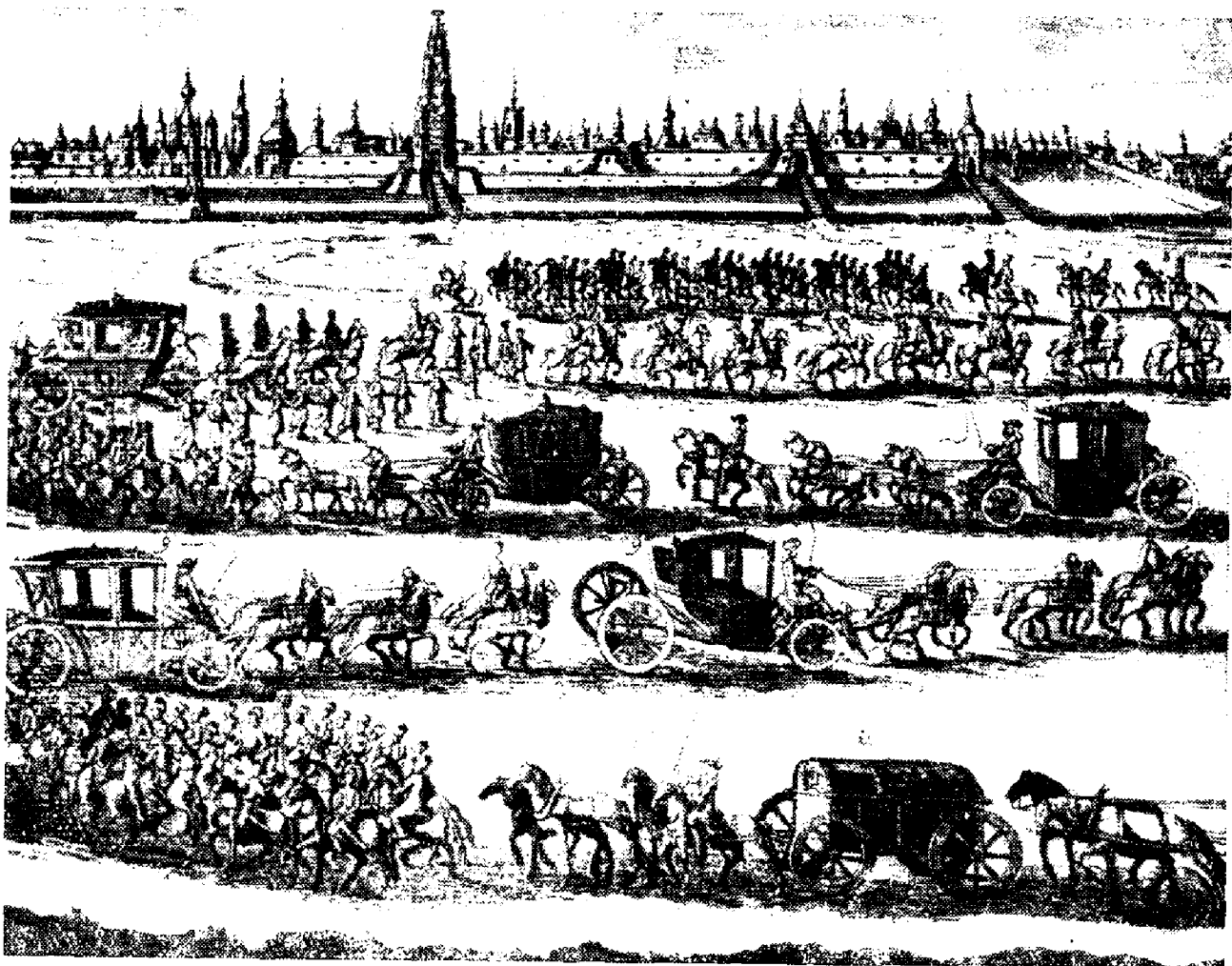
детельницей крупных политических событий.

20 июня 1605 года через Красную площадь торжественно въехал в Кремль авантюрист — агент польских панов — Лжедмитрий I. Здесь же через 11 месяцев на ступеньках Лобного места валялся его труп.

19 мая 1606 года на Красной площади был «выкрикнут» новый царь — Василий Шуйский.

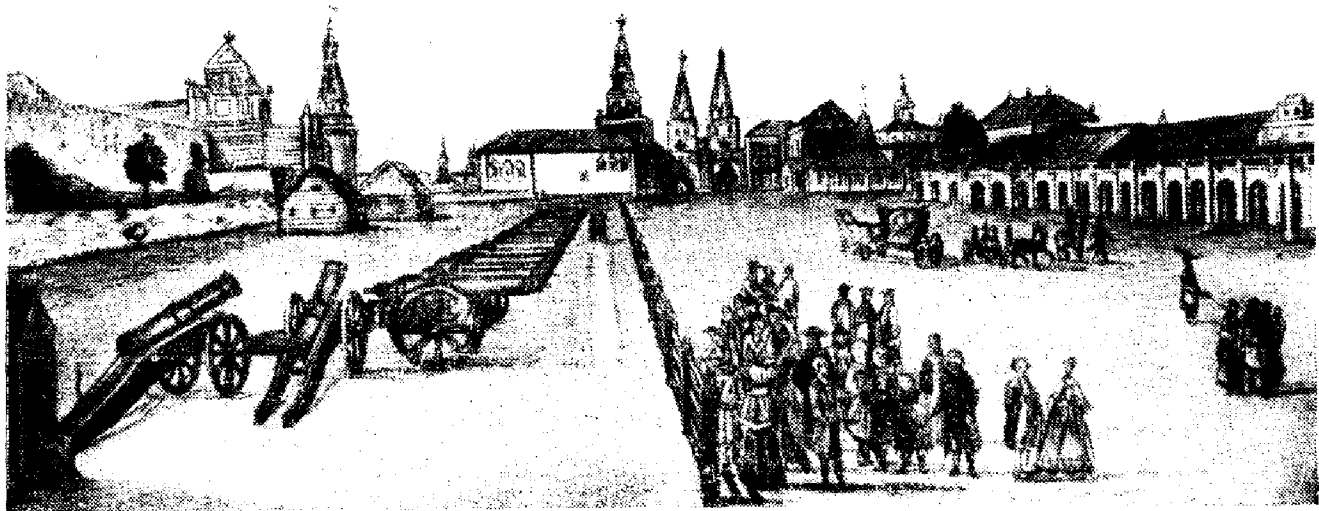
В октябре 1606 года сторонники вождя крестьянского восстания Болотникова разбрасывали с Лобного места его воззвания — «прелестные листы».

В 1611 году Красная площадь была свидетельницей захвата интервентами-поляками Москвы, в 1612 году — освобождения Москвы от интервенции и в 1613 году — объявления народу об избрании на царство Михаила Романова. Разгромленная во время польской интервенции, Красная площадь быстро, как и остальная Москва, стала обстраиваться. Над Спасскими воротами была сооружена башня, на ко-

Въезд австрийского посольства в Москву в 1698 году.

Из книги Корба.

Красная площадь. 1781 г.

О карт. Гильфердинга.

торой английский мастер Христофор Галовой установил новые часы с боем (1624—1625 годы). В нишах башни были помещены искусно высеченные из камня статуи. Эти статуи по приказу царя Михаила были обряжены в суконные кафтаны-однорядки из разноцветного английского сукна для того, как предполагает историк Забелин, чтобы «скрыть их статуиную идольскую наружность и дать им вид живых людей»¹.

В 1635 году за счет купцов вновь отстраиваются каменные ряды; в 1664 году они расширяются.

Иностранец Павел Алеппский, посетивший Москву в 1653 году, пишет: «Перед восточной стороной (Кремля.— Э. Б.) лежит большая площадь, застроенная рядами лавок. Большая часть их построена из камня и снабжена железными ставнями и дверями; напротив их винные погреба, каменные и кирпичные, которые теплы зимой, прохладны летом»². Размер лавок строго регламентировался в фискальных целях: 2 сажени в ширину и 2½ сажени в глубину; были полулавки и четверть лавки.

Торговля велась не только в лавках, но и в палатках, на лотках, с рук. Каждый товар имел свой ряд. «Такой порядок,—отмечает иностранец Олеарий,—очень удобен, потому что каж-

дый знает, куда ему идти и где он может купить то или другое»³. Были ряды замочный, сапожный, железный, москательный, пушной, ветошный, масляный, хлебный, овощной и др. Торговля шла по всей площади. У Никольских ворот был ряд пирожников, у Казанского собора — лудильщиков посуды; возле Лобного места женщины продавали полотна, рубашки, нитки. Такой крик несся оттуда, что, по словам иностранца-очевидца, могло показаться, «не горит ли город, не случилось ли внезапной большой беды».

Между Покровским собором и Кремлевской стеной было отведено место для цирюльников. Место это было устлано таким «толстым слоем волос, что ходишь по ним точно по подушке».

На Спасском мосту шла торговля книгами — рукописными и печатными, лубочными картинками и фряжскими листами (гравированные эстампы). У Спасских ворот находился Спасский крестец (перекресток), где собирались безместные попы для найма в домовые и приходские церкви. По свидетельству современника, они «бесчинства чинят великие, меж себя бранятся и уккоризны чинят скарядные и смехотворные, иные меж себя играют и борются и в кулачки бьются...» Тут же рядом (с конца XVI века) находилась тиунская поповская изба, в которой взимали пошрины с крестецких

¹ Забелин «История Москвы». М. 1905.

² Павел Алеппский «Путешествия патриарха Макария в Россию в половине XVII века». М. 1896—1900.

³ Олеарий Адам «Подробное описание путешествия в Москву и Персию». М. 1906.

попов и которая ведала порядками поповского управления.

В XVII веке Красная площадь была самым оживленным местом Москвы. Здесь с утра и до позднего вечера толпился праздный и деловой народ.

Через Красную площадь в тяжелых колымагах, запряженных гуськом, окруженные холопами, разгонявшими палками толпу, ехали бояре на поклон к царю.

В дни церковных праздников на Красной площади происходили крестные ходы.

Но не только мирной жизнью жила Красная площадь в XVII веке. У Земского приказа «ставили на правеж» — били батогами; на южном конце площади, у пыточной Константино-Еленинской башни, нередко валялись тела замученных.

Во вторую половину XVII века Красная площадь вновь стала ареной политической борьбы.

В 1648 году собравшаяся на Красной площади толпа посадских людей и стрельцов бросилась в Кремль, требуя выдачи правителей Морозова, Плещеева, Траханиотова. Царь Алексей принужден был всенародно с Лобного места каяться в грехах своих правителей и обещать издание новых законов.

В 1662 году медный бунт, вспыхнувший на Сретенке и Покровке, перекинулся на Красную площадь. Толпа отогнала стражу Земского приказа и, увлекши торговых людей, хлынула в село Коломенское, где в это время находился царь.

В конце XVII века на Красной площади вновь проводилось строительство: были надстроены шатровые вышки на башнях Кремля и над Воскресенскими воротами, построено новое здание Земского приказа с башней и по другую сторону Воскресенских ворот — Денежный двор.

После первого восстания стрельцов (1682 год), по их настоянию, на Красной площади был построен столб в память их заслуг.

После стрелецкого восстания 1698 года Красная площадь, как и ряд других мест Москвы, стала местом расправы Петра I со стрельцами. Казнь стрельцов на Красной площади ярко отображена в картине худож-

ника Сурикова (находится в Государственной Третьяковской галерее).

Красная площадь в XVIII веке

В начале XVIII века Красная площадь не раз была свидетельницей публичных церемоний и празднеств, устраиваемых Петром I на европейский лад.

В 1702 году, во время празднования Петром I победы над шведами в Лифляндии, на Красной площади, вблизи Никольских ворот, были построены «триумфальные светлицы» и сени-галереи, в которых был дан пир военным чинам с потешными огнями, фейерверками, нарядными аллегорическими картинами и т. п.

В 1703 году на Красной площади была построена «Комедиальная хранина», или «Театрум», для немецкой труппы, собранной в Данциге польским комедиантом Иваном Ставским.

В 1722 году Петр I, начав торжественное празднование по случаю Ништадтского мира в Петербурге, продолжил празднества в Москве и закончил на Красной площади маскарадным шествием.

Но Красная площадь была не только местом увеселений и празднеств: в течение всего XVIII века на Красной площади всегда можно было найти ту или иную книгу или рукопись. Торговля шла в лавках и с рук. Кроме отдельных лавок частных торговцев на Спасском мосту было построено особое здание под названием «библиотека». Здание это было двухэтажным с верхними галереями.

В 1755 году на Красной площади в здании Земского приказа (на месте Исторического музея) открылся основанный Ломоносовым первый в России университет.

В здании у Воскресенских ворот была устроена первая в России гражданская типография, при которой было начато Московским университетом издание газеты «Московские ведомости» (1756 год). Эту типографию с 1779 по 1788 год арендовал глава московских масонов Н. И. Новиков.

В 1771 году Красная площадь вновь сделалась ареной народных волнений. Во время чумного бунта народ бросился через Спасские ворота в Кремль

Взятие красногвардейцами Кремля в октябре 1917 года.

С карт. Лиснер.

и был отогнан картечью к Воскресенским воротам.

С конца XVIII века в здании, находившемся по правую сторону Воскресенских ворот, помещались «присутственные места» и знаменитая долговая тюрьма — «Яма» («Яма» просуществовала до времени Островского, и он не раз упоминает ее в своих произведениях).

В 1782 году на Красной площади было расчищено пространство около Лобного места — лавки подле него были снесены, а владельцам их были отведены места у Кремлевской стены. Здесь был построен ряд каменных лавок. Торговые ряды на восточной стороне Красной площади были вновь перестроены.

Красная площадь в XIX веке

В XIX веке облик Красной площади сильно изменился.

После пожара Москвы, в 1812 году, здание рядов на восточной стороне Красной площади было перестроено архитектором Бовэ (1815 год). Оно было построено в стиле ампир, с колоннами по всему протяжению фасада.

Каменные ряды у Кремлевской сте-

ны были разобраны. На их месте был устроен бульвар.

Холм Василия Блаженного получил каменную облицовку и железную ограду.

В 1818 году на Красной площади, против рядов, был поставлен памятник Минину и Пожарскому в память освобождения Москвы от поляков в 1612 году (скульптор Мартос).

В 1883 году было построено ныне существующее здание Исторического музея (строили инженер А. А. Семенов и академик Шервуд).

В 1884 году на месте пришедших в ветхость рядов академиком А. Н. Померанцевым были возведены Верхние торговые ряды (Средние торговые ряды построены в 1901 году архитектором Р. И. Клейном).

Уличная жизнь Красной площади в XIX веке затихла. Красная площадь оживала лишь во время традиционного весеннего вербного базара. Тогда на площади выстраивались ряды временных палаток. Тысячи москвичей посещали базар.

Красная площадь в XX веке

В 1917 году, 28 октября, на Красной площади произошли первые бое-

Октябрьская демонстрация на Красной площади.

Москва. 1935 г.

вые столкновения. Двинцы по призыву Военно-революционного комитета двинулись из Замоскворечья к Московскому совету. На Красной площади со стороны Кремля и Никольской юнкера открыли по ним огонь из пулеметов. После ожесточенной схватки у Спасских и Никольских ворот двинцы прорвали цепь юнкеров и пробились через Красную площадь. 2 ноября революционные части выбили белых из Верхних торговых рядов, орудия красных пробili забаррикадированные Никольские ворота. Кремль был взят и очищен от белых.

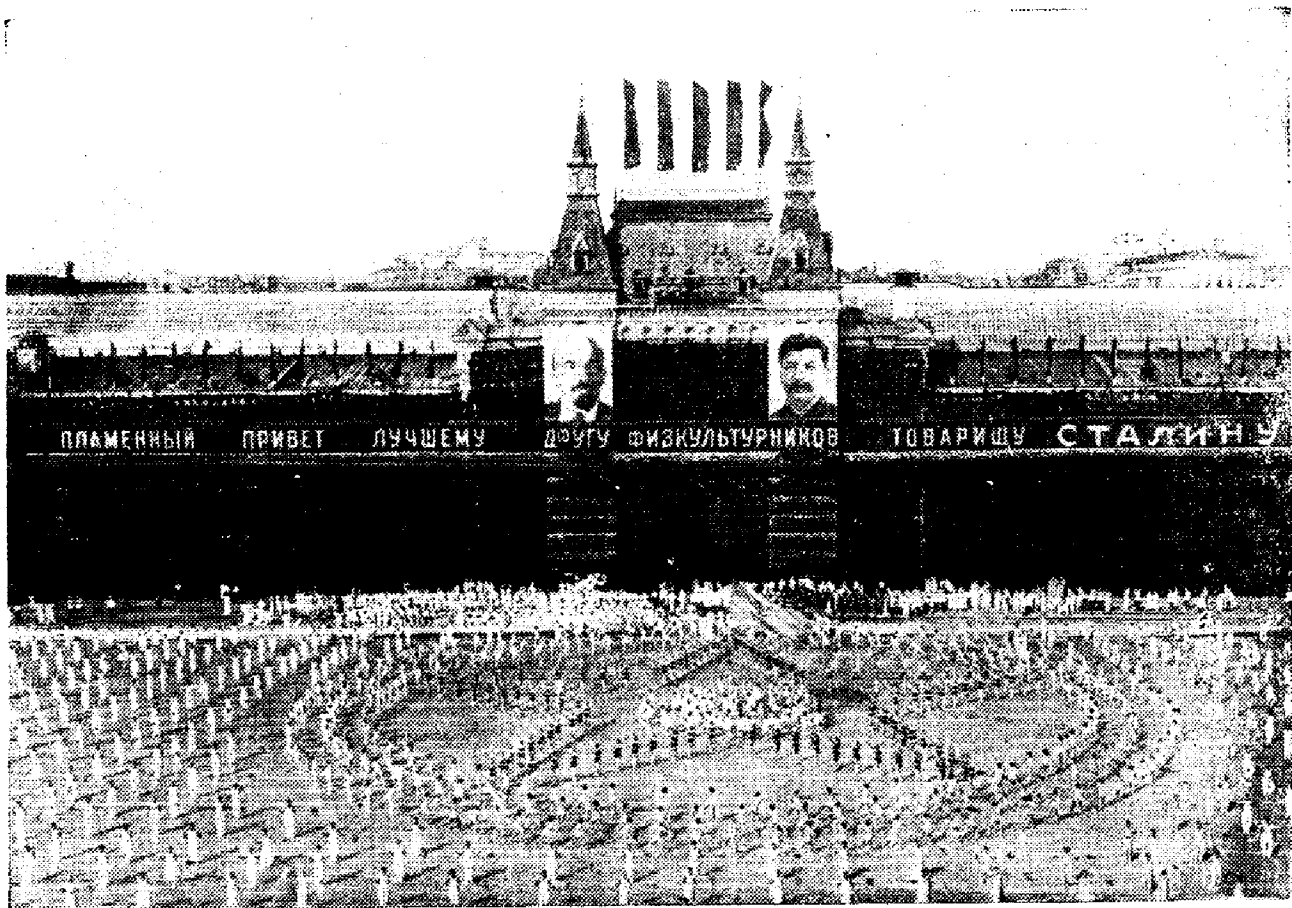
На Красной площади, у Кремлевской стены, были похоронены в братской могиле 500 бойцов, павших за дело Великой октябрьской социалистической революции. Через год над братской могилой, на Кремлевской стене, была установлена мемориальная доска работы скульптора Коненкова. При ее открытии, во время первой годовщины Великой октябрьской революции, В. И. Ленин сказал: «Почтим же память октябрьских бойцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву итти по их следам, подражать их бес-

страшию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть»¹.

После перенесения столицы в Москву Красная площадь стала центром массовых демонстраций, митингов и военных парадов. С трибуны Красной площади в день 1 Мая 1919 г. товарищ Ленин приветствовал московский пролетариат, как авангард международного пролетариата.

27 января 1924 года на Красной площади состоялись похороны В. И. Ленина. Тело его было помещено во временно сооруженном академиком Щусевым деревянном мавзолее. В 1929 году на месте деревянного мавзолея был воздвигнут монументальный мавзолей—ступенчатая пирамида из полированных глыб красного гранита и черного лабрадора. В строительстве мавзолея приняли участие все народы СССР, каждая республика предоставила для облицовки здания свои горные богатства.

¹ Ленин. Т. XXIII, стр. 275.

Физкультурный парад на Красной площади.

Москва, 1936 г.

На Красной площади, у Кремлевской стены и в самой стене, возник революционный некрополь. У стены похоронены гг. Свердлов, Воровский, Фрунзе, Дзержинский, товарищи, погибшие (в 1919 году) при взрыве в Леонтьевском переулке в Москве. В нише Кремлевской стены замурованы урны с прахом гг. Клары Цеткин, Сен-Катаяма, Менжинского, Кирова, Куйбышева, Горького, Орджоникидзе, М. Ульяновой и других верных бойцов за дело социализма.

За последние годы Красная площадь стала просторнее. Памятник Минину и Пожарскому передвинут к храму Василия Блаженного, разобраны Воскресенские ворота, стеснявшие движение с улицы Горького. Булыжная мостовая

площади заменена ровной гранитной брусчаткой.

После того как Москва стала столицей СССР, столицей мирового пролетариата, сильно возросло политическое значение Красной площади. В дни демонстраций Красная площадь заполняется миллионами трудящихся. Колонны демонстрантов проходят мимо мавзолея и близ находящихся каменных трибун. С крыльев мавзолея демонстрантов приветствуют члены Политбюро, Центрального комитета ВКП(б), члены правительства и великий вождь и друг всех трудящихся, верный соратник Ленина — товарищ Сталин. Современная Красная площадь — форум Москвы, столицы СССР и трудящихся всего мира.

В. Лосев

Н. ПАЯЛИН. Волжские ткачи. Большая Ярославская мануфактура. 1722—1918 годы. Под ред. Ф. Самойлова. Том первый. Гиз. «История заводов», 403 стр.

1

Настоящий, первый том труда тов. Паялина излагает историю Большой Ярославской мануфактуры (теперь фабрика «Красный Перекоп») с момента основания до 1917 года, т. е. почти за двести лет ее существования. Трудно было выбрать объект для исторического исследования более удачный чем бывшая Ярославская мануфактура. Она зародилась еще во времена Петра I и была одним из тех новшеств, при помощи которых он боролся с отсталостью России в области развития промышленности и торговли. История Ярославской мануфактуры—это в миниатюре история развития одной из важнейших старинных отраслей нашей промышленности — прядильной и ткацкой; это в то же время интереснейшая история возникновения роста и развития текстильного пролетариата старой России, история роста и развития его классового самосознания и классовой борьбы за все двести лет существования фабрики.

Изученный автором громадный архивный и опубликованный материал дал ему возможность осветить и целый ряд других важнейших моментов: быт и условия жизни и труда рабочих, взаимоотношения их с хозяевами, роль в истории фабрики и жизни ее рабочих правительственных органов, религии, церкви и т. д. Все это в книге тов. Паялина нашло свое яркое отображение и правильную оценку.

Ярославская мануфактура, организованная под покровительством Петра I, сразу же получила характер крупного по тем временам предприятия. Когда ее первый хозяин—ярославский купец Иван Затрапезнов—вернулся из Голландии, где он, по приказу Петра, семь лет учился «полотняному делу», и в компании с голландским выходцем Тамесом основал мануфактуру, то на ней сразу стало работать более 500 человек, а к 1732 году было уже 1674 рабочих.

Но в связи с большим требованием на полотно, в особенности на палаточное и парусовое, требовалось все больше и больше рабочих. Крепостных кустарей-ткачей не хватало, и людей на фабрику брали со всех сторон. В первые десятилетия существования фабрики «рабочий вопрос» был трудно разрешимой проблемой. Правительство Петра и его преемников шло навстречу интересам промыш-

ленников. На фабрики того времени, в том числе и к Затрапезнову, в принудительном порядке сгонялись бродяги, нищие и другой обездоленный люд. Отбывавших наказание по приговорам судей сковывали по два человека «шейными и ножными железам» и тоже отсылали на фабрику. Туда же направляли для пряжи льна и прочих работ «баб и девок, которые за вины свои наказаны были», и «праздношатающихся» женщин. В те времена рабочих с фабрик не брали в солдаты, и для многих фабрики стали местом спасения от рекрутчины, которая даже в сравнении с каторжными условиями работы на фабрике казалась страшной. Стремясь избежать рекрутчины, на фабрику попадали не только «вольные» люди, но даже в отдельных, редких случаях и люди приушеженных сословий: дети духовенства, подьячих и даже купцов.

Красочную характеристику состава рабочих первых лет существования фабрики автор дает на стр. 30:

«Были работники, которые вышли из ремесленников: «каменщиков сын», «токарев сын», «кирпичник», «оружейных дел мастер»... Были и сыновья ямщиков, солдат, матросов. С течением времени увеличилось число потомственных ткачей, и тогда в списках рабочих против той или иной фамилии стали появляться пометки: «скатертного ткача сын», «умершего ткача сын, а родился при мануфактуре» и «Ярославской фабрики фабричный сын». С 1736 года, по указу императрицы Анны Иоанновны, вся разносословная рабочая сила была навсегда прикреплена к фабрике («быть вечно при фабриках»).

Крепостная фабрика отдавала рабочих на полный производ хозяину. Розги, плеть, кнут, застенки, где хозяин пытал при допросах своих рабочих, нищенское, полуголодное существование, бесконечный рабочий день и полнейшее бесправие—вот удел рабочих мануфактур почти вплоть до отмены крепостного права. Надо удивляться, что при таких условиях труда рабочие мануфактуры ухитрялись давать продукцию очень высокого художественного мастерства. На так называемых переборных станках крепостные ткачи ткали разноцветной нитью узорные скатерти, салфетки, платки, славившиеся широко не только в России, но и за границей.

Хорошо отражена в книге и борьба рабочих с хозяевами, начавшаяся с первых же лет существования фабрики. Первой формой протеста рабочих был побег с фабрики и подача прошений и жалоб местным властям—воеводам и позднее губернаторам,—а также обращение с челобитными к приезжавшим в Ярославль царям и царицам.

Пойманных беглецов не щадили, наказывали кнутом и часто, приковывая цепью к станку, ставили вновь на работу. Подача жалоб оканчивалась для ходоков и «депутатов» неизменно арестом и поркой. Ходоков ловили как диких зверей часто еще в самом Ярославле, а если им удавалось дойти до Питера, то их хватили там и возвращали обратно на расправу местных властей и хозяина. Ходоки были настоящими героями—ходатаями за «фабричный люд». Несмотря на все гонения они снова и снова шли искать правды и облегчения своего невыносимого положения. Приведенные автором прошения и жалобы рабочих как нельзя лучше рисуют положение рабочих и при Затрапезнове и при Яковлеве, купившем в 1764 году мануфактуру у наследников Затрапезнова. Новый хозяин отнюдь не улучшил условий жизни рабочих.

Но постепенно росло классовое самосознание рабочих, росла их сплоченность. 1817 год был знаменательной в этом отношении датой. На фабрике начались волнения, рабочие собирались на сходки, обсуждая свое положение и требования, которые они решили предъявить хозяину. Первая стачка произошла в 1843 году, когда «рабочие сговорились не работать на мануфактуре, пока управляющий не согласится платить столько, сколько они потребуют» (стр. 89).

Правильно объяснена в книге причина начавшегося перед падением крепостного права упадка мануфактуры: крепостной труд становился тормозом в введении технических усовершенствований и в переходе от ручного производства к машинному. Необходимость перехода от работы на льне на дешовый хлопок и на массовую, для широкого рынка, выработку хлопчатобумажных тканей требовала вложения в предприятие новых капиталов. В 1857 году фабрика была куплена купцами Корзинкиными и в течение 20 лет была переоборудована новыми станками и машинами и расширена. В Туркестане, который к концу 70-х годов был завоеван царским правительством, Корзинкины создали свою хлопковую базу, скупая за бесценок у местного населения десятки тысяч десятии земли, строя свои хлопкоочистительные заводы. Фабрика приобретает характер крупного современного предприятия. Крепостная фабрика сменилась капиталистической.

Как это устанавливает тов. Паялин, порядки на фабрике и после отмены крепостного права изменялись медленно. Зарботки были низкие, правовое и материальное положение рабочих оставалось очень тяжелым. Директора и мастера—англичане, выписанные из Англии вместе с новым оборудованием фабрики,—смотрели на русского рабочего как на скотину, а по ним равнялся и весь административный персонал фабрики. Особенно дожимали рабочих штрафами, которые были превращены в целую раз-

ветвленную систему, направленную к фактическому снижению заработной платы. Нещадно эксплуатировался труд детей, в обращении с которыми были в большом ходу битье, подзатыльники, толчки.

Автор подробно описывает положение рабочих на фабрике, давая очень интересный фактический и цифровой материал о размере зарботков, о ценах на продукты, о штрафах, о бытовых условиях жизни рабочих, о размере производства фабрики, о доходах владельцев и пр. Эта сторона освещена в книге очень полно и представляет большой интерес.

Как ни старались хозяева фабрики в дружеском единении с церковью и правительством уберечь рабочих от политической крамолы, от духа «своеволия и непослушания», им это не удавалось. Классовое и политическое самосознание рабочих фабрики росло с каждым годом. Рабочих на фабрике вместе с семьями насчитывалось до 20 тысяч человек. Складывался коллектив уже действительно «потомственных» пролетариев, успешно проходивших школу классовой борьбы. Претявление требований хозяевам, забастовки, нелегальные кружки и нелегальная литература, впервые отмеченные в 1881 году, входят в обиход жизни рабочих.

После ряда стачек предыдущих годов, в апреле 1895 года, разразилась грандиозная стачка с тысячными митингами рабочих, кончившаяся известным расстрелом корзинкиных рабочих царскими войсками. За эту кровавую бойню «молодцы фанагорийцы» были награждены царским «спасибо».

Вторая половина книги тов. Паялина прослеживает, как складывалась на фабрике и в Ярославле партийная организация начиная с первых кружков социал-демократов еще доискровского периода и кончая 1917 годом.

Здесь в особенности интересно описание событий в Ярославле и на фабрике в 1905 году. Фабрика «раскачивалась» медленно, но когда она поднялась на забастовку, вначале носившую экономический характер, то события и их революционный размах достигли громадной высоты. Ленинская мысль, что «только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения способна встряхнуть отсталые слои эксплуатируемой массы, дает действительное воспитание и превращает их в революционную эпоху—в течение немногих месяцев в армию политических борцов»¹, целиком и полностью подтвердилась на примере рабочих Ярославской мануфактуры.

Фабрика оказалась фактически в руках рабочих; дисциплина и порядок на фабрике были удивительные, хотя вся администрация и охрана были изгнаны с фабрики или добровольно покинули ее; рабочие держались чрезвычайно дружно.

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 348.

Влияние большевистской организации и в городе и на фабрике было очень велико.

Прекрасно показаны и классовые враги рабочих, их тактика и приемы борьбы в дни событий 1905 года. Местные буржуазные либералы, правительственная администрация, духовенство и «черная сотня», военное командование и хозяева фабрики—все единым фронтом шли против рабочих.

Замечательный штрих: хозяева фабрики получили громадные барыши даже в 1905 году, и, тем не менее, они торговались с рабочими буквально за каждую копейку, не останавливаясь перед крайними мерами «успокоения» рабочих, вплоть до расстрела. После разгрома рабочих напуганные хозяева организовали охрану фабрики казаками.

2

Вторая половина книги, как и первая, основана на использовании большого количества архивного и литературного материала—об этом свидетельствуют указатели литературы в конце каждой главы. Эти указатели дают очень большой библиографический материал по истории фабрики «Красный Перекоп» и истории партийной организации Ярославля. Ценность их несомненна и должна быть поставлена в заслугу автору и редакции книги.

Переходя к недостаткам в общем хорошей, интересной и нужной книге тов. Паялина, надо прежде всего сказать, что описание прошлого фабрики до начала нашего столетия удалось автору лучше, а новейший период, т. е. отрезок времени с 1900 по 1917 год, освещен слабее. А между тем в этот период общественно-политическая и партийная жизнь начинает бить ключом, классовая борьба и по содержанию и по форме становится чрезвычайно разнообразной; за эти семнадцать лет фабрика и ее рабочие переживают больше чем за все предыдущие двести лет. Вот этого-то обстоятельства автор не учел, и временами он оказывается не хозяином, а пленником материала. В силу этого в отношении целого ряда важнейших моментов изложение оказалось отрывочным, неполным, неясным. Это в особенности касается освещения работы и жизни партийной организации на фабрике, деятельности фабричного совета депутатов в 1905 и в 1917 годах. Отдельные указания на эту тему, временами очень интересные и ценные, часто прерываются изложением других событий; в результате не получается общей, цельной картины жизни и работы этих организаций, игравших, несомненно, громадную роль на фабрике.

Например на стр. 223—224 автор говорит об избрании стачечного комитета (ноябрь 1905 года) или фабричного совета депутатов, слившегося с общегородским советом и советом железнодорожников; здесь же он сообщает, кто из

большевиков был в него выбран, но вскоре автор отвлекается от этой интересной темы и, по существу, к ней уже больше не возвращается. Вскользь брошенное упоминание о «рабочей комиссии», о «союзе рабочих и работниц Ярославской Большой мануфактуры» (стр. 243) создает неясность в вопросе о совете, о его роли и значении в событиях 1905—1906 года на фабрике и в городе.

То же самое можно сказать и в отношении военной социал-демократической организации Ярославского комитета партии: на стр. 237 узнаем о ее возникновении, а на стр. 256—о ее провале, а о ее работе почти ничего нет.

Работа совета депутатов фабрики в 1917 году тоже освещена недостаточно, а главное, отрывочно. На фабрике были организованы совет и фабрично-заводской комитет в количестве 200 человек, сообщает автор на стр. 351, однако из дальнейшего изложения никак нельзя понять, каковы были отличия в функциях этих двух организаций, каков был в партийном отношении их состав, как он менялся, каково было влияние большевиков в этих организациях,—все это остается неясным.

Те же отрывочность и неясность имеют место и при изложении вопроса о партийной организации. Есть, например, беглое указание на выборы на IV съезд партии, а относительно V съезда нет ничего.

О московском совещании в августе 1917 года есть упоминание, а об апрельской конференции партии и о VI съезде нет почти ничего. Вопрос об организационных взаимоотношениях большевиков с меньшевиками на Ярославской мануфактуре не освещен,—следовательно, остается неясным, была ли на фабрике и в городе совместная организация и когда произошло окончательное размежевание.

На стр. 349 автор сообщает о первом организационном собрании социал-демократов фабрики. Это относится к середине апреля 1917 года. На этом собрании присутствовало 20 человек, в большинстве меньшевиков. Далее (стр. 359 и след.), отрывочно, в разных местах сообщается об организации 6 мая большевистского коллектива и о том, что этот коллектив к концу мая вырос до 100 человек. Затем автор говорит о том, что влияние большевиков среди рабочих росло не по дням, а по часам, причем не только на фабрике, но и в городе, в деревне и среди солдат, а о том, как это отражалось на составе и работе фабричного совета и заводского комитета, ничего не сказано.

Далее указывается, что источником информации о событиях в центре была якобы только газета ярославских меньшевиков «Труд и борьба». О «Правде» нет даже и упоминания, как будто она вообще до Ярославля и не доходила, — вещь совершенно невероятная. О работе Ярославского совета и его большевистской фракции вплоть до Октябрьской

социалистической революции нет почти никаких указаний, и когда на последних страницах книги читатель узнает, что совет 88 голосами против 46 при 9 воздержавшихся голосовал за лозунг «Вся власть советам!», то это производит впечатление неожиданности. Это впечатление создается только потому, что автор не показал трудного и долгого процесса завоевания большевиками влияния на фабрике и в городе среди рабочих.

Винной всему то, что у автора анализ работы парторганизаций, советов и массовых организаций оказался на втором плане.

Это очень крупный недостаток работы, который необходимо при переиздании устранить, переработав вторую половину книги.

Нужно также принять меры и к тому, чтобы второй том истории «Красного Перекопа» был избавлен от недостатков, снижающих значение и ценность первого тома. А для этого необходимо, чтобы был точно разработан план книги, в котором главные моменты темы были бы показаны ярко и отчетливо, и чтобы автор усвоил необходимость более критического отношения к материалу. Лучше использовать его меньше, но зато изучить и проверить глубже. Если этого не сделать, то дать подлинную историю «Красного Перекопа» за период гражданской войны, восстановления и реконструкции автору не удастся.

С. Рыбников

НЕБРЕЖНОСТЬ В ОБРАЩЕНИИ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ФАКТАМИ

Интерес к истории нашей родины растет с каждым днем. За последнее время не только в специальных исторических исследованиях, но и в периодической печати начинают появляться статьи, где нашему историческому прошлому отводится значительное место. Однако, к сожалению, авторы некоторых статей иногда чрезвычайно небрежно обращаются с историческими фактами и тем самым вводят читателей в заблуждение. С этой точки зрения интересно остановиться, хотя и с некоторым опозданием, на фельетоне Л. Леонова «И пусть это будет Рязань», помещенном в № 270 «Известий ЦИК и ВЦИК» от 22 ноября 1936 года, и на фельетоне К. Маслова «Оружейная палата», помещенном в № 20 тех же «Известий» от 22 января 1937 года.

Фельетон Л. Леонова интересен как по своему замыслу, так и по выполнению. Давно пора давать в периодической печати картины местной жизни в исто-

рическом разрезе. Надо думать, что дело не кончится только Рязанью! В то же время совершенно очевидно, что такие очерки только тогда могут достигнуть своей цели, когда они будут абсолютно правильно исторически. Между тем у Л. Леонова есть ошибки в этом отношении.

Автор берет нынешнюю Рязань и, «пролезая в ее каменные щели», дает краткий исторический очерк этого города, упоминая также про шестидневную осаду Рязани Батыем. Все это неточно. Дело в том, что нынешняя Рязань в описываемое автором время именовалась не Рязанью, а Переяславлем (Рязанским). Рязанью же именовался город, который находился на берегу Оки, примерно против нынешнего Спасска. Теперь это место именуется «Старая Рязань», или «Старое разоренное Рязанское городище». От бывшего города и теперь сохранился большой полукруг земляных валов. Вот эта-то Рязань (а не нынешняя) и была первым стольным городом Рязанского княжества, и именно она после осады 16—21 декабря 1237 года была взята и разрушена Батыем. После этого Рязань стала постепенно терять свое значение; однако только при Олеге Ивановиче (вторая половина XIV века) прежний Переяславль (нынешняя Рязань) сделался столицей земли Рязанской. Однако все это время он именовался Переяславлем и только после переименования его в губернский город (конец XVIII века) получил окончательно название Рязани.

Далее, говоря про князя Олега Ивановича, автор пишет: «Это он держится нейтралитета в Куликовской битве, и вот Мамай жжет Рязань в отместку за поражение, а Дмитрий разоряет ее за измену». И это также неточно. Действительно, Мамай сжег Переяславль Рязанский, но только в 1378 году, после своего поражения при Воже, а Куликовская битва была, как известно, в 1380 году. Нашествие же московских войск на Рязанскую землю было не после Куликовской битвы (когда инцидент с «нейтралитетом» был ликвидирован несколько иначе), а в 1382 году, после нашествия Тохтамыша, когда Олег вновь стал проводить свою политику «нейтралитета».

Неясно также указание автора на «метание Рязани между ордой и будущими русскими царями», особенно когда он совершенно не упоминает об отношении Рязанской земли к Литве.

Затем несколько слов о рязанских архиереях, о которых Л. Леонов считает также необходимым упомянуть. Здесь автор указывает, что из этих архиереев обращает на себя внимание «Симон Лагов (1481) — приятель Тихона Задонского». Здесь опять какая-то ошибка, так как С. Лагов жил в Рязани не в 1481 году, а в 1778—1804 годах.

Теперь несколько замечаний более общего характера.

История Рязани приобрела бы наибольшую ясность, если бы автор подчеркнул особое географическое положение Рязанской земли, как непосредственно примыкающей к степи. Поэтому и все удары многовековой борьбы с кочевниками этой степи, особенно ордынцами и крымцами, прежде всего обрушивались на многострадальную Рязанскую землю, страшно ее истощая как бесконечными разрушениями, так и уводом массы населения в полон — рабство. Поэтому-то и «нейтральная» политика Олега Ивановича не могла игнорировать всех этих обстоятельств.

Наконец, говоря о рязанском крестьянстве, автор дает яркую характеристику его жизни при крепостничестве и затем сразу переходит к 1905 году. Фельетон был бы интереснее, если бы крестьянской жизни во второй половине XIX века было отведено подобающее внимание. Нет указаний, даже самых общих, на то, как отразилась реформа 1861 года на крестьянстве, как протекало для рязанского крестьянина «оскудение центра» и как это все отражалось на массовом переселении в Сибирь, на смертности деревни, уровне жизни и т. п.

В фельетоне К. Маслова «Оружейная палата», помещенном в № 20 «Известий» за 1937 год, мы читаем следующее: «Кремль, построенный в 1156 году князем Юрием Долгоруким...» «За время своего существования Кремль не один раз подвергался нападениям. Его штурмовали татары в XIII—XIV веках, его осаждали литовцы и поляки в XVI и XVII столетиях».

Как известно, первое упоминание о Москве, связанное с именем Юрия Долгорукова, приурочивается еще к 1147 году. В то же время такой знаток истории Москвы, как покойный проф. Забелин, по этому поводу говорит следующее: «Замечательно, что на другой же год по переселении кн. Андрея Боголюбского во Владимир (1156) был построен город Москва, по всему вероятно, стараниями Кучковичей и самого кн. Андрея, так как Юрий, которому летописец приписывает эту постройку, в то время княжил в Киеве и по старости лет¹ едва ли имел какой-либо особый повод строить именно небольшой суздальский городок Москву, который мог построить гораздо раньше».

При наличии отмеченных явлений было бы правильнее не подчеркивать в категорической форме ни даты основания Кремля, ни имени его основателя ввиду очевидной спорности этих моментов.

Затем несколько слов о нападениях на Кремль. Действительно, в XIII и XIV веках его штурмовали татары. Однако, как известно, нападения на Москву со стороны татар были и в XV и XVI веках (нашествие Эдигея в 1408 году; на-

шествие царевича Мазовши в 1451 году; нашествие крымского хана Магомет-Гирея в 1521 году; нашествие хана Девлет-Гирея в 1571 году). Таким образом, нападения татар на Кремль далеко не ограничивались XIII и XIV столетиями. Упоминание же о литовцах и отчасти поляках совершенно не верно. В XVI веке осады Кремля со стороны литовцев и поляков не было². Правда, в XVII столетии (21 сентября 1610 года) польская армия была введена «семибоярщиной» в Кремль, однако в дальнейшем эта армия оказалась, как известно, уже осажденной русскими ополчениями и была вынуждена сдаться 26 октября 1612 года. Больше никаких походов поляков под Москву в XVII веке наша история не знает.

Изложенное показывает, что оба автора чрезвычайно небрежно относятся к историческим фактам. Мы всюду последовательно и настойчиво ликвидируем неграмотность. Нельзя ее оставлять и в истории. Периодические издания должны повысить требования к авторам исторических очерков, настаивая на том, чтобы освещаемые события точно соответствовали исторической действительности. Да и сами авторы должны понять, что нельзя на страницах наших газет преподносить читателям исторические нелепости. Это прежде всего неуважение к читателю и к тому печатному органу, где помещаются очерки.

А. Берзин

Я. Я. ЗУТИС. Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII века. Соцэкгиз. 1937. 214 стр. 4 руб.

Труд тов. Зутиса является серьезной научно-исследовательской работой и представляет собой первую попытку глубокого изучения политики русского самодержавия в Прибалтике в свете марксистско-ленинского учения.

В политическом отношении работа тов. Зутиса очень актуальна и представляет большой интерес для читателей, интересующихся этим вопросом. Убедительно, с помощью документов, автор показывает истинную классовую сущность прибалтийского баронства, его пресмыкательство перед русским самодержавием, его продажность.

В момент, когда фашистские политические проходимцы типа Розенберга, величающие себя «потомками прибалтийского рыцарства», готовятся к захватнической войне против малых народов и в первую очередь против прибалтийских

² Единственный раз литовцы под предводительством Ольгерда осаждали Москву в 1370 году.

¹ Он умер в 1157 году.

стран и к нападению на СССР, в такой момент работа, основанная на непроверженных фактах, показывающих отвратительное лицо этих «потомков баронства», более чем своевременна. Автор шаг за шагом срывает маску с фашистских фальсификаторов историй. Кропотливо подобранные документы из разных источников и архивов рисуют убедительную картину нравов прибалтийского баронства: их жадность, практикующее им подлоги и обман, пресмыкательство и неуязвимость. Автор показывает, как немецкие «культуртрегеры» частенько не пренебрегали даже приемами мелких воришек.

На латышского и эстонского крестьянина эта банда немецких баронов смотрела как на раба. Не даром для своей бесчеловечной эксплуатации крестьян барон Розен искал оправдания в римском рабовладельческом праве (стр. 184—186), а царское правительство безмолвно соглашалось с ним. Любой протест против зверств баронов, против прибалтийских Салтычих подавлялся со всей строгостью... беззакония, и бароны всегда выходили сухими из воды.

Одновременно автор показывает и грызню в самом этом «благородном обществе», когда дело касалось дележа награбленного.

Автор показывает также истинную «ценность» всех «либеральных» разговоров, с которыми выступали в то время некоторые прибалтийские помещики. Еще бы: в момент начавшегося величайшего крестьянского движения (восстание в Башкирии в 1755 году, восстание в 1773 — 1775 годах под руководством Пугачева), когда крестьяне волновались и в Прибалтике, нетрудно понять причины этого мнимого «либерализма». Автор подчеркивает всю «скромность», все убожество требуемых реформ, которые не только не были проведены, но даже и не обсуждались. И только благодаря наводнению Прибалтики войсками (в 1755 году в одной Лифляндии было сконцентрировано 55 тысяч штыков, между тем как по военным штатам 1741 года всего в царской армии числилось 87 348 штыков) возмущение крестьян не вылилось в открытое восстание.

Но несмотря на эти положительные стороны работы тов. Зутиса все же в ней имеются и некоторые довольно существенные недочеты. К числу их нужно в первую очередь отнести недостаточное освещение положения крестьянства. Правда, о нем говорится на стр. 137—140, 170 — 191, но и там главным образом описывается правовое положение крестьян, а не классовая борьба. Политика царизма и немецких баронов была политикой беззастенчивой эксплуатации крестьянства. Недостаточно говорить о том, что положение крестьянства фактически и юридически мало чем отличалось от рабства. Нужно было так же убедительно показать, в чем выразилось это рабство. Прочтя книжку, даже

трудно представить, какова все же была величина барщины. Правда, автор высчитывает общее число дней барщины на один гак (условная величина крестьянского хозяйства, введенная шведами), но из этого не видно, сколько дней барщины в неделю приходилось на одного взрослого крестьянина (стр. 149).

Еще более крупным изъяном работы тов. Зутиса является то, что автор не счел нужным показать различные слои крестьянства и их социально-экономическое положение. Общеизвестно, что в Прибалтике было громадное количество безземельных крестьян, которых не только помещик, но и подчас зажиточный крестьянин-хозяин считал «рабочим скотом». Неужели политика царизма их не задевала?! И если уже на более ранней стадии немецким баронам не удалось полностью превратить крестьян в крепостных рабов, то в этом немаловажную роль играло сопротивление самих крестьян. Автор почти совершенно обошел молчанием яркие страницы классовой борьбы крестьянства со своими поработителями до XVIII века. Зато очень много страниц посвящено взаимоотношениям царского правительства с прибалтийским баронством и слишком много внимания уделено ландтагу и ландратам (стр. 156 — 160).

Недостатком книги является также слишком сжатое, схематическое введение. Именно уяснение предыстории прибалтийского дворянства (т. е. до завоевания Прибалтики Россией) могло дать еще более яркую картину нравов продажного прибалтийского дворянства. Более подробное освещение процесса разложения ливонского ордена и «искания сильнейших покровителей» помогло бы читателю лучше разобраться в политике прибалтийского дворянства XVIII века.

Из-за схематизма могут возникнуть недоразумения и по некоторым вопросам методологического характера. В освещении автора усиление крепостного гнета в Прибалтике проходит слишком прямолинейно и упрощенно. Высшую точку этого «равномерного движения» Зутис находит после так называемого вторичного издания крепостничества в Центральной Европе в XVI веке (стр. 152), что в свою очередь привело, по словам автора, к окончательному закрепощению прибалтийского крестьянства в XVIII веке.

Методологически это неверно и исторически не соответствует действительности. Уже первые годы завоевания побережья Балтийского моря немецкими крестоносцами принесли племенам, обитавшим на этом побережье, величайшие бедствия и невероятное порабощение. В опубликованной рукописи Маркса «Хронологические выписки» («Большевик» № 24 за 1936 год, стр. 53) по поводу прибалтийского немецкого рыцарства сказано: «Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство». Ниже

Маркс пишет: «Ливы стали илотами завоевателей». Самых же завоевателей Маркс называет колонизаторами, спекулянтами, бродягами, вонючими монахами, которые приносят местному населению свою «скотскую культуру» и предлагают выбор — «христианство или смерть» (стр. 52). О фактах, упомянутых Марксом, можно прочесть в таких первоисточниках, как в хронике Генриха Латышского (XIII век), в «Livländische Reichchronic» (XIV век) и др.

Этот вид ранней формы крепостничества в связи с развитием денежных отношений в Прибалтике ослабел уже к концу XIV и к началу XV века. Постепенная победа помещиков-дворян над рыцарским орденом и католической церковью (конец XV и начало XVI века) вызвала волну «вторичного закрепощения» и в Прибалтике.

В этом смысле Прибалтика не была исключением из истории Центральной и Северовосточной Европы. И Прибалтика может служить примером к словам Энгельса, высказанным им в его работе «Марка» о вторичном закрепощении.

Автор сумел убедительно показать, какие громадные доходы извлекали прибалтийские бароны от поставок расквартированным в Прибалтике войскам (стр. 51). Одновременно он показал, какие бедствия приносили крестьянству эти самые войска: требование гужевого транспорта, калечение лошадей в связи с дальними переездами и плохими дорогами, частая пропажа лошадей и т. д. Но приведенные автором цифры о количестве пропавших лошадей более чем сомнительны. Так например он пишет, что 154 крестьянских хозяйства Рижского уезда потеряли 658 лошадей, а 184 хозяйства Вольмарского уезда — 1131 лошадь. Выходит, что в среднем одно крестьянское хозяйство этих 2 уездов потеряло от 4 до 7 лошадей. Что это за крепостной, владевший 7 лошадьми, одному автору известно.

Странно звучит такая категория крестьян, как «малоземельные рабочие» (стр. 107). Неясна и мысль автора о крестьянской земле. На стр. 106 автор указы-

вает, что помещики считали ее... своей, через страницу помещики, оказывается, еще только боролись за захват этой земли (стр. 108), а на стр. 109 обнаруживается, что крестьянская земля все же существует. Тут явно не сведены концы с концами.

Неправильно выставлять русскую императрицу Елизавету Петровну в роли защитницы интересов мелкого дворянства (автор на стр. 126 и 128 говорит об «уравнительной политике русского правительствa» в 1740-х годах). Наоборот, это был период диктатуры крупного помещика-крепостника.

Необходимо также отметить имеющееся в книге значительное количество неточностей, повторений, чрезмерную растянутость и излишнее обилие цифр. Все это делает книгу трудно читаемой. Если еще прибавить сухость и «академичность» самого изложения (довольно большое количество цитат на немецком языке, немецкая терминология и т. п.), то все это еще более осложняет чтение и делает текст книги понятным только узкому кругу специалистов.

Нужно было отказаться от некоторых излишних сокращений. Например на стр. 21 имеется следующая фраза: «Получил я и в-ства... письмо», то же на стр. 27 и др. Сокращенные названия некоторых источников и архивов тоже не расшифрованы; так, на стр. 71 используется материал из «Реш. Д», а что это значит, нигде не разъяснено.

На стр. 43 непонятна следующая фраза: «по числу душ 5 млн.». Такого количества населения в 1722 году в Эстляндии и Лифляндии быть не могло.

На стр. 34 вместо «мотивировка выдержана в протекционистском духе» автор пишет: «националистическом духе».

Необходимо также указать на то, что несмотря на специальный список «исправлений и опечаток» некоторое количество неисправленных опечаток все же осталось. Так, на стр. 194 вместо XVIII века напечатан XVII век и т. д.

Таковы основные достоинства и недостатки книги.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

М. И. КАЛИНИН. Статьи и речи. Партиздат. 1937. 300 стр. 3 р. 50 к.

Включенные в настоящий сборник статьи и речи М. И. Калинина относятся к периоду от VII до VIII съезда советов СССР и охватывают, таким образом, промежуток времени с начала 1935 года до февраля текущего, 1937 года.

В многочисленных статьях и речах М. И. Калинина за истекшие два года отражается все многообразие и величие нашей, сталинской эпохи. Необычайно

обширна и тематика самых речей: в них говорится о победе ленинско-сталинской национальной политики, о братском содружестве народов нашей великой родины, о росте культуры и благосостояния трудящихся нашей страны, о Красной армии и флоте, о международном положении СССР, о Сталинской Конституции.

Перед читателем проходят герои: летчики, пограничники, стахановцы социалистических предприятий, железнодорожного транспорта и сельского хозяйства,

награжденные правительством орденами Союза ССР.

В речах и статьях М. И. Калинина неоднократно упоминается о необходимости повышения большевистской бдительности, подчеркивается важность систематической и серьезной работы по разоблачению и ликвидации японо-немецко-троцкистских и иных шпионов и диверсантов. Сборник содержит 46 статей и речей М. И. Калинина.

Книга издана на хорошей бумаге и в отличном переплете.

«Большевистская «Правда». Сборник. Партиздат, 1937. 256 стр. 4 руб.

Выпущенный Партиздатом сборник «Большевистская «Правда» приурочен к двадцатипятилетию со дня основания центрального органа нашей партии — большевистской газеты «Правда». В настоящий сборник включены наиболее ценные материалы, характеризующие деятельность большевистской «Правды» в 1912—1914 годах и работу в «Правде» Ленина и Сталина. Сборник является ценным вкладом в дело изучения истории ВКП(б) и истории большевистской печати.

Книга подготовлена к печати К. Остроуховой и Ш. Манучарьянц. Сборник вышел на хорошей бумаге и в красивом прочном переплете.

С. УРАНОВ. О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок. Партиздат, 1937. 22 стр. 20 коп.

Брошюра тов. Уранова, написанная на основе обширного, удачно подобранного материала, освещает приемы и методы вербовочной работы иностранных разведок в СССР и за рубежом.

Автор брошюры с большим мастерством показывает на конкретных примерах, как агенты фашистских разведок при помощи самых коварных уловок вербуют себе шпионов из числа разложившихся, политически неустойчивых и враждебных элементов. Очень удачно показаны и те «лукавые и извилистые пути, пользуясь которыми иностранные разведки вовлекают в свои сети подчас исплохих людей, не желающих стать предателями своей родины, но попадающих в шпионы только благодаря отсутствию бдительности и неумению различить врага и его подлых замыслов, скрытых под маской доброжелательства и притворства».

Тов. С. Уранов в своей брошюре особо отметил шпионскую, вредительскую деятельность врагов народа — троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев. Автор пишет, что эти подлые предатели «с такой же энергией искали хозяев среди фашистских разведок, как последние искали троцкистов в качестве своих агентов». Брошюра тов. Уранова говорит о необходимости объявить самую серьезную

борьбу легковерно, беспечно, «которые являются щелями для проникновения врага». Работа тов. Уранова мобилизует внимание трудящихся нашей родины на защиту социалистического отечества от покушений явных и особенно тайных врагов.

МОРИС ТОРЕЗ. Современная Франция и народный фронт. Соцэкгиз, 1937. 148 стр. 2 р. 65 к.

Книга Мориса Тореза, генерального секретаря коммунистической партии Франции, «Современная Франция и народный фронт» — перевод с рукописи автора на французском языке — была написана для английских рабочих и вышла в 1936 году на английском языке.

На основе цифр и документов тов. Торез показывает Францию на фоне кризиса, разоблачает фашистские организации, их вождей, их программы, их экономические «планы» и методы борьбы.

Фронту реакции противопоставлен народный фронт, возникший по инициативе французской коммунистической партии, ведущей героических трудящихся Франции на борьбу против фашизма и реакции.

В книге дан очень ценный документальный материал: антифашистские экономические планы, программа народного фронта, программа объединенной партии после прихода к власти, — который с очевидностью показывает, как коммунистическая партия Франции, осуществляя исторические постановления VII конгресса Коминтерна, борется за единство рабочего класса, создает народный фронт и ведет широчайшие массы на борьбу против фашизма и войны*.

В. ЛЬВОВСКИЙ. Пушки вместо масла. Соцэкгиз, 1937. 62 стр. 35 коп.

В книге В. Львовского содержится описание подготовки к войне фашистской Германии. Автор рассматривает проблему сырья и мероприятия, проводимые Германией для получения военного сырья за счет отказа от ввоза продовольствия. Автор анализирует продовольственный кризис в Германии, его причины и перспективы, показывая бесплодные попытки германских властей найти выход из него.

Приводимый автором материал подтверждает, что вся политика германского фашизма, особенно его аграрная политика, целиком подчинена непосредственной подготовке войны за новый передел мира. Эта политика, проводящаяся вместе с империалистской Японией, одновременно обостряет глубокие противоречия в системе германского фашизма*.

* Звездочками отмечены аннотации издательства, оставленные без изменений.

ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ №№ „ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА“ ЗА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1937 Г.

От редакции. Публикуя план содержания последующих №№ журнала, редакция обращается к читателям с просьбой высказать свои замечания по плану, а также принять участие в реализации намеченных в нем тем.

№ 7

К 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

VI съезд партии.
2-я общегородская конференция Петроградской организации большевиков.
Национальная политика Временного правительства.
Большевики Дальнего Востока накануне Октябрьской социалистической революции.

ИСТОРИЯ СССР

Энгельс «Внешняя политика русского царизма».
Политика царизма в Средней Азии.
Из истории народов Амура.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Арест атамана Семенова.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Индия накануне сипайского восстания.

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

Могущество и упадок Испании в XVI—XVII веках.
Положение наемных рабочих и зачатки рабочего движения в эпоху разложения феодализма.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Второй триумvirат и конец Римской республики.

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Итоги учебного года.
Курс истории в Пединституте.
Учебник Иванова по древней истории.
Ученические записи (опыт Украины).

БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на книгу Керженцева «Ирландия в борьбе за независимость».
Рецензия на книгу Д'Оссона «История монголов».
Литература о героической борьбе испанского народа с фашистскими мятежниками и интервентами.

№ 8

К 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Последнее подполье В. И. Ленина.
Красная гвардия после июльских дней.
Петроградская и московская городские думы.
Тактика большевиков в вопросе о демократическом совещании.

ИСТОРИЯ СССР

Об искажении истории Великой пролетарской революции в работах Покровского.
Шпионаж и диверсии во время первой мировой империалистической войны.
Завоевание Крыма царской Россией.

Тильзитский мир.
Крещение Руси.
Война 1812 года.

ИСТОРИЯ ПАРТИИ

Московская организация большевиков в борьбе с угловщиной.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

О вредительстве на участке новой истории.
К. Маркс о гражданской войне в США.
Синайское восстание.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Враги, путаники и очковтиратели на участке истории доклассового общества.
Принципат Августа.

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

Из истории закабаления Прибалтики немецкими феодалами (XIII—XIV века).

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Изучение работ Ленина и Сталина в 10-м классе.
Задание надом.

Наглядные пособия по истории.
Учебник Платонова по русской истории.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Германская оккупация Крыма в 1918 году.

БИБЛИОГРАФИЯ

№ 9

К 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Работа Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».
Революционные стачки накануне Октября.
Аграрное движение в Саратовской, Волынской, Воронежской и других губерниях.
Армия и флот накануне Октябрьской социалистической революции.
Петроградский комитет РСДРП(б).
Советы рабочих депутатов в провинции.

ИСТОРИЯ ПАРТИИ

Борьба партии с грузинскими уклонистами (1922 год).

ИСТОРИЯ СССР

О вредительстве на участке истории СССР.
Причины возвышения Москвы.
Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 году.
Народы Поволжья до завоевания их царизмом.
Из прошлого Хакасии.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Поход Наполеона в Испанию и борьба испанского народа за независимость (1808 год).
Колониальная агрессия германского империализма накануне мировой войны.

Из истории борьбы испанского народа против фашизма.

древняя история

Кризис Римской империи в III веке.

средняя история

Фальсификация истории японского средневековья военно-фашистской кликой.
Англия в период Елизаветы.

история гражданской войны

Разложение австро-германской оккупационной армии на Украине.

БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Иосиф Вейдемейер.

история в школе

Изучение истории Великой пролетарской революции в школе.

Урок по истории Великой пролетарской революции.

Школьные выставки (в связи с 20-летней годовщиной Великой пролетарской революции).

Обзор литературы по истории Великой пролетарской революции.

№ 10

ПОСВЯЩЕН 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

20 лет СССР.

Ленин и Сталин об Октябрьской социалистической революции в СССР.

Ленин и Сталин — организаторы победоносной пролетарской революции в СССР.

Заседания ЦК РСДРП от 23 и 29 октября 1917 г.

Вооруженное восстание в Петрограде.

Вооруженное восстание в Москве.

Борьба за Великую пролетарскую революцию на Украине.

Борьба за Великую пролетарскую революцию в Белоруссии.

Борьба за Великую пролетарскую революцию в Закавказье.

Борьба за Великую пролетарскую революцию в Средней Азии.

II всероссийский съезд советов.

Международный пролетариат на защите Великой пролетарской революции.

Международное значение Великой пролетарской революции.

Борьба за пролетарскую революцию на южном фронте.

Борьба за пролетарскую революцию на румынском фронте.

Великая пролетарская революция в художественной литературе.

Я. М. Свердлов в Октябрьские дни.

Документы из музеев, ИГВ и других исторических учреждений.

1917 год по материалам Музея имени Ленина.

№ 11

К 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Влияние Великой пролетарской революции в СССР в других странах.

Борьба за Великую пролетарскую революцию в провинции (Сибирь, Урал, Донбасс) (отдельные статьи).

ИСТОРИЯ ПАРТИИ

Право-левацкий блок (1930 год).

ИСТОРИЯ СССР

Внутреннее и международное положение СССР в период перехода к н.э.

Внешняя политика Петра I и образование Российской империи.

Дворцовые перевороты после Петра I.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Японская агрессия в Китае в период империалистической войны.

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Иностранный шпионаж и диверсии в годы гражданской войны и интервенции (1918 — 1920 годы).

древняя история

Римская культура периода поздней империи.

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

Гуситские войны и табориты.

БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Шамиль.

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Экскурсии по истории Великой пролетарской революции.

Кружки по истории (Ленинград, Москва, Киев).

Диапозитивы.

№ 12

К 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ленин как председатель СНК.

Борьба партии с группой Бухарина—Пятакова во время Бреста.

3-й съезд советов.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

КИГ в борьбе с Рут Фишер, Масловым, Урбаном и др.

ИСТОРИЯ СССР

Народы Восточной Европы до X века.

Классовая борьба в СССР в 1923 — 1924 годах.

Государственная реформа Сперанского. Бироновщина.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Классовая борьба во Франции в период якобинской диктатуры.

Боксерское восстание (1900 г.).

Возникновение войны на Балканах в 1912 году.

СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ

Крестьянская война в Германии в освещении классиков марксизма.

Арабская культура IX — XIII веков и ее влияние на Западную Европу.

древняя история

Революция рабов и падение Римской империи.

БИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Сен Катаяма.

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Изучение работ Маркса — Энгельса в старших классах.

Рассказ учителя по истории.

История в детских журналах.

Учебник Виппера по новой истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ — Очередные задачи 1

К 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. Л. ЛУРЬЕ — Всероссийская конференция военных организаций
большевиков в 1917 году 11

П. ГАЛКИНА — Июльские дни 22

ИСТОРИЯ СССР

А. ШЕСТАКОВ — Экономическое и политическое положение России
в 1906 — 1907 годах 36

Б. ГРЕКОВ — Татарское нашествие 46

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

А. ШУРЫГИН — Революционные волнения в японских интервентских
войсках (1918—1922 годы) 64

НОВАЯ ИСТОРИЯ

А. МОЛОК — Шпионаж и диверсии во времена Наполеона I 72

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

А. МИШУЛИН — Миф об Антее 89

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Н. ГИТТИС — Историко-хронологическая последовательность и хроно-
логия в начальном обучении истории 95

В. БЕРНАДСКИЙ — Историко-хронологическая последовательность
курса истории в средней школе 103

Э. БЫКОВСКАЯ — Красная площадь 110

БИБЛИОГРАФИЯ

В. ЛОСЕВ — Рецензия на книгу Н. Паядина „Волжские ткачи“ 118

С. РЫБНИКОВ — Небрежность в обращении с историческими фактами 121

А. БЕРЗИН — Рецензия на книгу Я. Зутиса „Политика царизма в При-
балтике в первой половине XVIII века“ 122

КНИЖНАЯ ПОЛКА 124

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48.

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**

Ответственный секретарь — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № Б—10921   Изд. № 429   Зак. 1210   Тираж 51 000
Материал сдан в набор 7/VI 1937 г.   Подписан к печати 3/VII 1937 г.   4 бум. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.